

*«Мы твои, Господи.
... При всех наших грехах
мы никогда не отрекались
от имени Твоего,
не стыдились именоваться
христианами».*

*Из письма
епископа Афанасия (Сахарова)¹*

*Александр
Кравецкий*

**СВЯТИТЕЛЬ
АФАНАСИЙ
КОВРОВСКИЙ**
биографический очерк

Владимир
2012

УДК 281.93
ББК 86.372.24-3
К77

**Издается
по благословению
Высокопреосвященнейшего
Евлогия,
Архиепископа
Владимирского
и Суздальского**

К77

Кравецкий, Александр

Святитель Афанасий Ковровский. Биографический очерк. /
А. Кравецкий. – Владимир: Транзит-икс, 2007. – 136 с.: ил.

УДК 281.93
ББК 86.372.24-3
ISBN 978-5-8311-0292-5

ISBN 978-5-8311-0292-5
СIP Гук «Владимирская областная научная библиоте-
тека»

Редактор
С.А. Мартынова
Художественное оформление
В.Н. Гилязудиновой
В оформлении обложки использована
икона Владыки Афанасия
работы иконописца Андрея Давыдова.

Первый вариант книги кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Института русского языка им. В.В. Виноградова Александра Геннадьевича Кравецкого был написан для итальянского издательства «Матренин двор» – «La casa di matrona». В 2006 году книга вышла в переводе Джованни Парравичини. Задачей этой книги было знакомство читателей с событиями русской церковной истории XX века. В русской версии книги существенно расширены разделы, посвященные литургическим трудам святителя Афанасия (Сахарова), его работе над языком и текстом богослужебных книг.

ISBN 978-5-8311-0292-5

© А. Кравецкий, 2007
© Издательство «Транзит-икс», 2007

*Памяти Игоря Авдиева
(22.03.1948 – 26.06.2001),
который написал бы эту книгу
намного лучше*

Римские граждане и наши современники

Начало общецерковного почитания новомучеников и исповедников Российских дало нам совершенно уникальный опыт постижения святости. Еще совсем недавно нашу земную жизнь отделяли от земной жизни святых многие столетия. Эта временная дистанция давала нам возможность читать о подвигах раннехристианских мучеников, не примеряя эти подвиги на себя. В житийных текстах мы искали моральный урок, наслаждались изысканностью стиля византийских агиографов, вычитывали исторические подробности. Мы не могли лишь одного: представить тот страх и ту боль, которую живой человек чувствовал, оказавшись на арене среди диких зверей.

Читать житие как запись «самовида» люди научились давно, не одно столетие назад. Не случайно историки литературы писали о принципиальной абстрактности житий, отказе их авторов от конкретных исторических деталей. В свое время Д.С.Лихачев указывал на то, что авторы житий русских святых, повествуя о вполне конкретных событиях, стремились говорить описательно, не прибегая к современной им политической терминологии. Вместо «посадник» говорится «вельможа некий», «старейшина», «властитель граду тому»; вместо «князь» — «властитель той земли». Из житий изгонялись имена эпизодических персонажей, заменяясь на описательное «муж един», «жена едина», «некая дева» и т. д. В практике Русской

Церкви канонизация осуществлялась по прошествии значительного времени.

Канонизация новомучеников и исповедников сделала невозможным уход от исторической конкретики. Новопрославленные святые являются для нас почти что современниками. Они ровесники наших бабушек или прабабушек, а значит их жизнь принадлежит к тому времени, о котором мы знаем не только из книг, но и из рассказов старших. В этих житиях абстрактный «властитель граду» появиться не может. Не может хотя бы потому, что портреты этих властителей висели в школе, где учились наши родители. И дети в красных галстуках (автор этих строк в их числе) вручали этим властителям цветы в годовщины революции.

Современному человеку интересны судьбы людей, в жизни которых были резкие переломы и духовные драмы. В жизни епископа Афанасия (Сахарова) ничего подобного не было. Рожденный в православной семье, и определенный матерью в духовное училище, он не стоял перед необходимостью выбирать. Он не выбирал веру, а жил в Церкви и не допускал для себя возможности чего-то иного.

Проведя почти 30 лет в тюрьмах и лагерях, епископ Афанасий почти не участвовал в бурных событиях церковной истории XX века. Частные вопросы богослужебной практики интересовали его куда больше, чем философские проблемы и политические диспуты. Все, что он написал, адресовано очень узкой аудитории. И все же для истории Русской церкви имя святителя Афанасия значит чрезвычайно много. Он был свидетелем и исповедником, и в его судьбе, как в зеркале, отразилась суровая история XX века. Современный человек знает, каким должен быть служитель гонимой церкви времен диктатур ушедшего столетия: об этом писали многие, но прожить такую жизнь смогли лишь единицы.

Его всегда помнили. Свободолюбивая интеллигенция перепечатывала на пишущей машинке опубликованные на западе воспоминания о епископе Афанасии, отнюдь не смущаясь его традиционной церковностью, а владимирские старушки, понятия не имеющие о литургических трудах Владыки, приезжали на его могилу. Архиерейский собор 2000 года, причисливший святителя Афанасия к лику святых, лишь утвердил существующее почитание.

Детство

Сереза Сахаров родился 2 июля 1887 в семье с традиционным провинциальным укладом. Его отец, Григорий Сахаров, имел чин надворного советника и служил делопроизводителем в женской гимназии. Будучи уже пожилым человеком, он женился на простой крестьянке Матроне Андреевне из деревни Орехово Тульской губернии. Когда мальчик появился на свет, родители дали новорожденному младенцу самому выбрать себе имя. Отец написал на маленьких бумажках имена особенно чтимых им святых (святителя Николая Мирликийского, преподобного Сергия Радонежского и благоверного князя Александра Невского) и поднес эти бумажки ребенку, который ухватился пальчиками за жребий с именем преподобного Сергия. Этот младенческий выбор явно был не случайным: в течение всей жизни Сергей Сахаров будет почитателем этого святого.

Григорий Сахаров умер, когда Серезе было всего полтора года. Умирая, он сказал жене: «Мотя, прошу тебя, воспитай мальчика хоть бедным, но честным!». Мальчик на всю жизнь запомнил рассказы об отце как о человеке, отличавшемся необычайной отзывчивостью. Уже на старости лет, вспоминая о людях, которые поддерживали его в лагерях и ссылках, епископ Афанасий писал: «...когда христианские родители, исполняя завет Христа, помогают чужим, отнимая нечто у детей, все это отнятое сугубо возвратится детям. Утверждаю это, ибо знаю по собственному опыту. Я не помню своего отца, но все знавшие его, с кем мне приходилось встречаться, всегда отзывались о нем как о человеке очень добром, отзывчивом, готовом всякому помочь и добрым советом, и личной услугой, и материально. Запасных средств у него никогда не было. Когда родился я, мама говорила ему, что теперь надо быть поэкономнее. Но отец отвечал: «Теперь я помогаю людям, а когда у Серези будет нужда, найдутся люди, которые ему помогут». И это точно сбылось. Мне приходилось бывать в очень тяжелых условиях, и всегда находились добрые

Сергей Сахаров с семьёй.

люди, которые заботились обо мне, устраивали меня, помогали мне. Верю, что это только за добрые дела моего отца»².

Мать посвятила мальчику всю свою жизнь. Воспитанный женщиной, он научился прекрасно шить и даже вышивать бисером. Позже в ссылке, лишенный возможности служить и заниматься научной работой, Сергей Сахаров шил себе облачения и вышивал бисером ризы на иконы. Его и похоронили в облачении собственной работы.

Сережа охотно ходил в церковь и очень любил торжественное архиерейское богослужение, а дома играл «в церковь», сооружая из материнского платка что-то вроде архиерейского облачения и изображая службу: кадил, благословлял и т. д. На вопрос крестной о том, кем он хочет стать, когда вырастет, ребенок ответил, что он будет архиереем.

Жизненный путь будущего архиерея был в значительной степени определен матерью, которая позаботилась о том, чтобы дать сыну духовное образование. Устроить мальчика в духовное училище было непросто, потому что в конце XIX века в духовные учебные заведения принимались почти исключительно дети священнослужителей.

Во Владимирское духовное училище Сережу устроить не удалось, и Матрене Андреевне пришлось искать обходные пути. Среди дальних родственников оказался настоятель Воскресенского собора города Шуи протоиерей Иоанн Соловьев. В Шую не было архиерейской кафедры, и влияние настоятеля собора было очень большим. С его помощью удалось поместить Сережу в Шуйское духовное училище.

Обстановка в таких учебных заведениях часто бывала далека от норм христианского общежития, поэтому на годы учения сына Матрена Андреевна сама переехала в Шую. Это дало возможность Сереже жить не при училище, а на квартире вместе с матерью. Таким образом, и в годы учебы он оставался домашним ребенком, окруженным материнской любовью. Девятилетнему мальчику учеба давалась нелегко – в третьем классе он даже остался на второй год. Однако Сережа не унывал, поскольку хорошо помнил житие своего небесного покровителя Сергия Радонежского, который в детстве при обучении грамоте столкнулся с большими проблемами.

Владимирская семинария

Закончив Шуйское духовное училище, четырнадцатилетний отрок в 1902 году поступил во Владимирскую семинарию. Жизнь семинаристов в дореволюционной России была далеко не безоблачной. Выйти из семинарии хорошим пастырем, да и просто сохранить в ней христианский настрой жизни было не так уж просто. В духовных учебных заведениях процветали азартные игры и грубые развлечения. Семинаристы часто отличались антицерковными настроениями, участвовали в революционных выступлениях молодежи. То, что многие революционные деятели, в том числе и Сталин, учились в семинариях, во много определило особенности русского коммунизма. Бывшие семинаристы охотно использовали созданные школьным богословием схемы, в результате чего коммунистическая идеология обретала вид своеобразной религиозной системы. «Коммунизм, – писал Николай Бердяев, – не как социальная система, а как религия, фанатически враждебен всякой религии и более всего христианской. Он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни»³.

О жизни Владимирской семинарии сохранились воспоминания митрополита Евлогия⁴ (Георгиевского), который служил в ней инспектором в 1895-1897 годах. «Семинария была огромная (500 человек семинаристов). Дух в ней был «бурсацкий» и в то же время крайне либеральный. Дисциплину начальство поддерживало строжайшую, но это не мешало распущенности семинарских нравов и распространению в среде учащихся революционных идей. У семинаристов была своя нелегальная библиотека, которой они пользовались в течение многих лет. Прятали они ее где-то в городе, а когда ей грозила опасность, перевозили в более надежное место; о том, где она находилась, знали всегда лишь два семинариста-библиотекаря. Каждый ученик после летних каникул делал свой взнос и пользовался весь учебный год запретными плодами. <...> Начальство перехватывало отдельные экземпляры, конфисковывало их, обрушивалось репрессиями на провинившихся, лишая их стипендий, но зла искоренить не могло. Отнятые экземпляры заменялись новыми, тем дело и кончалось. Семинаристы проявляли редкую товарищескую дисциплину, друг друга никогда не выдавали, и библиотека оставалась неуловимой»⁵. В 1895 году пьяный семинарист бросился с топором на инспектора семинарии, которого спасло чудо: клубок защитил голову от первого удара, а при

вторичном замахе топор слетел с топорича. Экстраординарная ситуация потребовала ответных действий. Несостоявшегося убийцу признали сумасшедшим, а за одно исключили 75 семинаристов, не отличавшихся примерным поведением.

Семинария представляла собой три огромные мрачные постройки казарменного типа. Характеристику быта и нравов, царивших в ее стенах, можно найти в тех же мемуарах митр. Евлогия: «Я отнимал водку у семинаристов и строго им выговаривал, но без огласки. Когда в епархиальном общежитии сторожа, передвигая столы, обнаружили подделанную снизу полку (оттуда вывалилась охапка запрещенных книг), я дело расследовал в частном порядке. Бывало, вечером обходишь в туфлях дортуары и вдруг слышишь: «Ах, если бы я тебе туза подсунул!» Явно – семинаристы потихоньку играют в карты. А я окликну их: «Да, да, хороший ход!» Смятение.. <...> Под влиянием тяжелых воспоминаний детства озлобленные сердца, исковерканные характеры, страстный, слепой протест против окружающей жизни – вот с какими душами приходилось иметь дело. Случалось, в семинарию поступали неиспорченные, хорошие мальчики, но как быстро подпадали они под влияние старших товарищей, усваивали их вкусы и нравы, заражались революционными идеями... И все же в глубине их юных душ таилось стремление к добру. Я понимал, почему они хватаются за Успенского, Златоврацкого⁶... В нелегальной литературе они находили удовлетворение потребности, хоть в воображении, прикоснуться к какой-то справедливой, светлой жизни⁷. В 1903 году в семинарии была создана подпольная ячейка социал-демократической партии, распавшаяся после того, как один из ее организаторов погиб при неосторожном обращении со взрывчаткой.

В 1905 году, когда по стране прокатилась волна революционных выступлений, Владимирская семинария не осталась в стороне. Так в июне 1905 года во Владимир в условиях строжайшей конспирации съехались представители Астраханской, Вятской, Донской, Иркутской, Могилевской, Пермской, Саратовской и Тверской семинарий. Подпольный съезд обсуждал проект реформы духовной школы, которую, по мнению собравшихся, следовало приблизить к светским учебным заведениям. Проект предусматривал бóльшую свободу преподавателей при формировании учебных программ, отмену балльной системы (только «удовлетворительно» и «неудовлетворительно»). Учащиеся могли активно участвовать в управлении семинарией, им предоставлялось право выбора книг для библиотеки, отменялось обязательное посещение богослужений и т. д.

В декабре 1905 года владимирские семинаристы объявили забастовку, а в феврале 1906 года провели еще один конспиративный съезд, на котором присутствовали представители 18 семинарий. Восьмого марта 1906 года, когда газеты опубликовали сообщение о казни лейтенанта Шмидта, руководителя восстания на крейсере «Очаков», семинаристы организовали митинг, а затем, с пением «Вы жертвою пали в борьбе роковой» вышли на улицу, где были разогнаны полицией⁸.

Характерно, что Сергей Сахаров, на глазах которого происходили эти события, ничего не рассказывал о них. Создается впечатление, что обще-

Архиепископ
Николай (Налимов)

ственная жизнь и политические страсти его особенно не интересовали. Тому, что будущий архиерей не поддался молодежной моде на революцию, мы обязаны его матери, которая перебралась во Владимир вслед за сыном. Юноша жил не в семинарском общежитии, а на частной квартире. Он учился, посещал богослужения, и практически не интересовался кипевшей вокруг него общественной жизнью.

Огромное влияние на Сергея оказал архиепископ Николай (Налимов), занявший Владимирскую кафедру в 1905 году. Он был строгим аскетом, любителем и знатоком уставного богослужения. Сергей Сахаров запомнил архиепископа Николая как человека, сочетавшего аскетизм с мягкостью и терпимостью к окружающим. Служащие вместе с ним священники вспоминали, как он, бывало, говаривал робеющим и сбивающимся молодым батюшкам: «Судит Бог! Ничего, ничего, не робей. Поглядывай в служебничек!».

Сергей Сахаров прислуживал архиепископу Николаю во время архиерейского богослужения сперва только во время каникул, а с 1906 г. и до окончания семинарии круглый год. В 1907 г., во время одной из архиерейских служб, Сережа имел возможность на себе испытать снисходительность и деликатность владыки. Подавая во время литургии кувшин для умывания архиерея, семинарист слишком поздно заметил, что он пуст. Чтобы не привлечь внимания окружающих к промаху своего иподиакона, владыка Николай сделал вид, что умывается из пустого кувшина, а по окончании службы не сделал провинившемуся никакого замечания. Окончив семинарию, Сергей Сахаров поступил в Московскую духовную академию.

Упреподобного Сергия (1908–1912)

История Московской духовной академии как высшего учебного заведения связана с конкуренцией двух взаимоисключающих образовательных моделей. С одной стороны, налицо было стремление вести преподавание на уровне современной университетской науки. Такой подход грозил утратой специфики академии как церковного института, а превращение академии в чисто образовательное учреждение не устраивало церковные власти. С другой стороны, существовала тенденция, которая предполагала в первую очередь воспитательную деятельность академии, чему способствовало ее местонахождение. Академия располагалась в стенах

Троице-Сергиевой лавры – одного из самых почитаемых монастырей России. Однако этот подход вел к снижению образовательного уровня.

Сергей Сахаров поступил в Академию в 1908 году, а в августе 1909 года ректором академии стал епископ Феодор (Поздеевский), ставший воспитание несомненно выше образования. Поворот Академии в консервативном направлении начался еще при предшественнике епископа Феодора. Еще в 1906 году из Академии были вынуждены уйти В.О.Ключевский⁹ и Н.Ф.Каптерев¹⁰. Вместо профессоров-мирян кафедры заняли монашествующие. Это не могло не сказаться на уровне преподавания, ведь по словам того же епископа Феодора: «Монах должен признавать только три вещи: свою душу, Бога и дьявола»¹¹.

Архивные материалы Академии свидетельствуют о том, что годы учения Сергея Сахарова были временем напряженной борьбы между либеральными и консервативными группировками академической корпорации, однако, судя по всему, студента Сахарова эти конфликты не особенно интересовали. Он прежде всего дорожил возможностью жить в лавре, основанной его небесным покровителем Сергием Радонежским.

По духу Сергей был ближе епископу Феодору, теплое отношение к которому сохранил до конца своих дней. Студенту Сахарову были ближе не философская интерпретация предметов веры, а живая церковная жизнь, дух и материя обряда. Он считал, что церковное предание прекрасно само по себе, «а прошедшее чрез руки художников и строителей Церкви – святых апостолов, вселенских отцов и учителей – оно предстает благоговейному взору ее чад как великое множество дивных произведений искусства.»¹² Выросший в древнем Владимире, Сергей на всю жизнь сохранил любовь к церковному искусству и вкус к истории. Но любимым его предметом была литургика и изучение богослужебного Устава. Его учителем стал профессор Александр Петрович Голубцов, литургист, издавший древние архиерейские служебники.

Профессор Голубцов был блестящим знатоком и интерпретатором исторических источников, однако Сергея интересовала не столько историческая эволюция того или иного чина или песнопения, сколько его вероучительное содержание и эмоциональный настрой. В своем кандидатском сочинении, озаглавленном «Настроение верующей души по Триоди Постной» Сергей Сахаров четко сформулировал свое отношение к литургическим исследованиям, ограничивающимся лишь исторической проблематикой. «Исследования о плане, составе, редакциях той или иной богослужебной книги – это сухие скелеты, не облеченные плотью, не имеющие духа. Для человека, с увлечением занимающегося медициной, скелеты представляют громадный интерес и цену. Но простой человек, пожалуй, даже испугается, когда увидит голый костяк. Так и с сочинениями вроде «Постной Триоди» И.Карабинова. Эта весьма ценная диссертация предназначена лишь для тесного круга специалистов. Она много дает для ума. Рядовому же христианину, который ищет удовлетворения своему сердцу, она почти ничего не дает, кроме, пожалуй, горького разочарования.»¹³

Работа Сергея Сахарова была не похожа на стандартные кандидатские сочинения и отзывы на эту работу носили явно критический характер. «Читатель сочинения господина Сахарова, – писал в своем отзыве епископ Феодор (Поздеевский), – напрасно стал бы искать в нем того, чего естественно ожидать от сочинения с такой строго определенной темой. Ни души верующего христианина, ни ее настроения в великие дни поста, ни религиозной

Сергей Сахаров с мамой
Матреной Андреевной

психологии вообще г. Сахаров не касается совершенно. Ему чужды остались в своей внутренней глубине те основные тоны, которыми звучат церковные песнопения Постной триоди, а психологический анализ религиозных переживаний души совершенно отсутствует. Целая четверть <...> всего сочинения под общим названием «Предисловие» посвящена вовсе не предварительным замечаниям, как это обычно делается, относящимся к существу работы, <...> а просто довольно безграмотному (с внешней стороны) изложению автором своих видимо задушевных мыслей и дум о религиозной жизни вообще и о разных частных проявлениях этой жизни. Тут есть речь и о церкви, и о преподавании литургики и устава в духовных семинариях и училищах, и о семейной жизни наших предков, и о славянском языке, и о преподавании греческого языка в наших духовных школах, и о католической школе и пр.

Все это без прямого отношения к теме и главное без всякой внутренней последовательности. <...> В дальнейшем автор идет в своей работе по плану, <...> который обеспечил ей только простую передачу содержания стихир и песнопений Триоди Постной. <...> Несомненно только одно, что автор с особой любовью и задушевной нежностью читал песнопения Постной Триоди, умилялся душой, и содержание ее усвоил сердцем и передавал его хотя в бесхитроном, но довольно назидательном и толковом изложении.»¹⁴. Невысоко оценил эту работу и другой рецензент – профессор Сергей Соболевский: «Сочинение написано с большой любовью и тщательностью. К недостаткам его надо отнести прежде всего многоглаголие: я думаю, что, если бы его сократили даже на половину, оно от этого не только не пострадало бы, а даже выиграло бы. Я не говорю уж о начале его, где находятся размышления лишь по поводу темы, иногда имеющие очень мало отношения к ней, например, о преподавании греческого языка в духовных школах, но даже в главной части сочинения очень много лишнего»¹⁵. Однако, несмотря на многочисленные замечания, оба рецензента сочли, что представленная работа может быть защищена как кандидатская диссертация и защита прошла без каких бы то ни было эксцессов.

Впоследствии епископ Афанасий вспоминал о годах, проведенных в академии, как о лучшем времени в своей жизни.

Преподаватель

Окончив академию, Сергей Сахаров был пострижен в монашество. При постриге ему дали имя Афанасий в честь святителя Афанасия Пателария, патриарха Цареградского, Лубенского чудотворца. Это произошло 12 октября 1912 года, а еще через несколько дней он был рукоположен в иеродиакона, а затем в иеромонаха. Новый иеромонах был отправлен в Полтавскую духовную семинарию преподавателем по литургике и гомилетике.

Иеромонах Афанасий прожил в Полтаве лишь год. Осенью 1913 года он узнал, что Владимирской семинарии нужен преподаватель как раз по тем предметам, которые он преподавал. Прошение в Синод он отвозил лично. Об этом событии иеромонах Афанасий потом рассказывал одной из своих прихожанок. В ее воспоминаниях этот рассказ выглядит так: «Прямо с вокзала он направился к обер-прокурору Синода В. К. Саблеру, но тот должен был

Сергей Сахаров
накануне пострига.
12 октября 1912 года

куда-то ехать сопровождать Государя. Он был уже одет в парадную форму и готовился уезжать. Увидев молодого иеромонаха, Владимир Карлович спросил: «Чего вы, батенька, хотите?» Отец Афанасий изложил свою просьбу. Владимир Карлович спросил секретаря: «А что, подписано ли назначение преподавателя во Владимирскую семинарию?» Когда оказалось, что еще не подписано, Саблер тут же без всяких бюрократических проволочек приказал секретарю внести в приказ имя иеромонаха Сахарова и подписал назначение. У о. Афанасия на всю жизнь осталось теплое воспоминание о В. К. Саблере. Последний не только выполнил просьбу, но и по-отечески позаботился о молодом иеромонахе, спросив: «А где вы остановились?» – «Да я прямо с вокзала!» – «Ну вот, батенька, вам в гостинице останавливаться неудобно, а я вам дам записку в Александро-Невскую Лавру, вам там будет хорошо»¹⁶.

По всей видимости, иеромонах Афанасий был блестящим преподавателем. Много лет спустя один из его учеников посвятил своему преподавателю следующие слова: «Мне посчастливилось в богословских классах семинарии иметь тебя учителем и классным руководителем. Я хорошо помню день, когда ты, молодой, энергичный, ревнующий о славе Божией, прибыл из Полтавы в родную семинарию, чтобы занять вакантную кафедру преподавателя литургики и гомилетики. Помню блестящую лекцию, которую ты прочел нам, приступая к работе, – о значении литургики и гомилетики в системе богословского образования. Никогда не забуду начальных слов этой твоей лекции. «На фронте нашей семинарии, – сказал ты, – написаны подлинно золотые слова: «Дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете» (Ин. 12, 36). И дальше потекла речь, плавная, красноречивая, убежденная и убеждающая. Ты говорил о красоте и величии православного богослужения, о том, что в наших богослужебных книгах, особенно в Триоди Постной, есть произведения, не имеющие себе равных в литературе по силе своего духовного воздействия. Ты говорил дальше о важности церковной проповеди для утверждения среди людей евангельских заветов, о силе и значении слова вообще; приводил в пример лучших проповедников своего времени, силою слова привлекавших и увлекавших тысячи слушателей в Церковь Христову. Ты, как Ангел, пел хвалу Богу пред юными слушателями, и «звук этой песни в душе молодой остался – без слов, но живой». Ты говорил, собственно, о значении литургики и гомилетики в деле воспитания просвещенного пастыря. А в душах слушателей как-то невольно ширилось сознание важности богословского образования вообще, росло и крепло желание посвятить свою жизнь на служение Церкви Христовой...»¹⁶

Преподавательская деятельность иеромонаха Афанасия проходила на фоне бурных общественных споров о месте богослужения в жизни христианина. О том, что преподавание литургики в духовной школе является неудовлетворительным, тогда писали многие. Проблема заключалась в том, что

Иеромонах Афанасий
(Сахаров). 1913 год.

семинаристы лишь приобретали практические навыки составления службы по разным книгам. При этом выпускники духовной школы плохо знали содержание самих богослужебных книг. М. Муретов, один из учителей еп. Афанасия по Московской духовной академии, вспоминал о своем детском и юношеском восприятии церковных книг: «В детстве и во время училищного курса, когда я стоял в родном храме на правом клиросе, эти громады в почерневших переплетах представлялись мне чем-то вроде сказочной чернокнижной магии»¹⁸. Иеромонах Афанасий при преподавании литургики всячески пытался изменить подобное отношение к богослужебным книгам: его задачей было показать важность богослужения в жизни каждого христианина. «Богослужение – это чистейшее созерцание, это как бы растворение души в Боге до забвения всего земного. Вся внешняя сторона богослужения, вся внешняя его обстановка – лишь среда, способствующая созиданию именно такого настроения, облегчающая человеку <...> отрешиться, хотя бы на время, от уз плоти и земли, дабы он мог напитать свою душу, утешить ее величайшею для нее радостью Богообщения, Богосозерцания»¹⁹.

По мнению иеромонаха Афанасия, в реальной жизни лишь немногие сознательно участвуют в богослужении. Связано это не только с тем, что некоторые тексты оказываются непонятными, но и с тем, что вся церковная служба, изначально исполненная смысла, искажается, поскольку этот смысл не понимают даже исполнители таинств. «Не участвуя в общей церковной молитве (наше посещение храма не всегда означает такое участие), мы становимся в положение руки, которая, отказавшись от крови остального тела, отсыхает. Так и мы, задерживая или даже прекращая правильную циркуляцию крови между нами и остальным Телом Церкви, постепенно удаляемся, отделяемся и отпадаем от жизни Церкви. И наоборот, молитва церковная приближает нас к Телу Церкви»²⁰.

Епархиальная жизнь

Иеромонах Афанасий не оставался в стороне от общественной жизни епархии. В 1914 году вместо епископа Николая (Налимова) Владимирскую епархию возглавил архиепископ Алексей (Дородницин). Он был человеком резким и невыгодно отличался от своего предшественника. Если первые годы недовольство не принимало организованных форм, то в 1917 году после февральской революции отстранение архиерея от кафедры стало вполне возможным. В апреле 1917 года Синод объявил о введении выборного начала на всех уровнях церковного управления. По стране прокатилась волна епархиальных собраний, члены которых были настроены весьма радикально. Со своих кафедр было

Архиерейский дом
в Богородице-Рождественском
монастыре

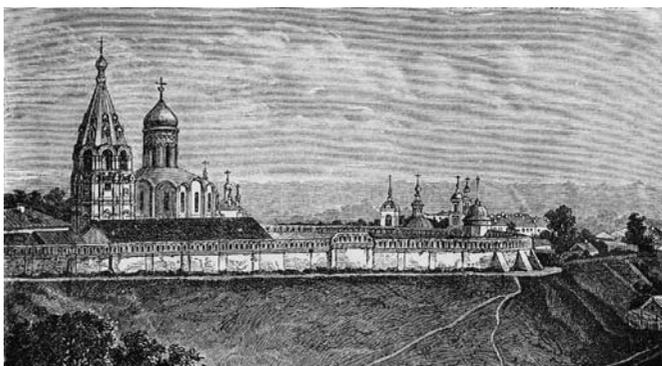
уволено несколько архиереев. Этот процесс не миновал и Владимир. Во Владимире съезд духовенства и мирян постановил изгнать архиепископа Алексия и пригласить на его место архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). Одним из активнейших сторонников приглашения архиепископа Сергия был иеромонах Афанасий.

Кажется, здесь впервые пересеклись пути иеромонаха Афанасия и архиепископа Сергия. В дальнейшем таких пересечений будет немало. До конца своих дней Афанасий Сахаров будет ценить Сергия (Страгородского) как выдающегося литургиста и редактора богослужебных текстов и одновременно не принимать его как церковного администратора. Но все это будет потом, а в 1917 г. иеромонах Афанасий прилагал максимум усилий для того, чтобы архиепископ Сергий пришел на Владимирскую кафедру.

Эпоха после Февральской революции была временем съездов и деклараций, временем создания бесконечного числа общественных объединений и союзов, временем беспредельной веры в демократию. Указ Синода, вводящий выборное начало как для архиереев, так и для приходского духовенства, воспринимался весьма неоднозначно. С одной стороны, возможность влиять на дела Церкви способствовала росту активности мирян, а с другой – многие находили совершенно неприемлемым то обстоятельство, что в приходскую жизнь вносились элементы предвыборной борьбы. Позже на Поместном Соборе Н.Д. Кузнецов²¹, активный сторонник расширения выборного начала в Церкви, так характеризовал издержки этого процесса: «Брошенный в народ политический лозунг “вся власть наша” нередко превращает теперь народ в какого-то небывалого самодержца, не знающего никаких законов и пределов своей часто совершенно эгоистической воли. Под влиянием смешения церковного и политического этот лозунг распространяется иногда и на область церковной жизни. Из разных мест сообщают, что местные агенты советской власти вмешиваются во внутренние дела Церкви, посылают распоряжения епархиальным архиереям об удалении членов причта и о назначении и даже

посвящении тех или других лиц. Со своей стороны и сами прихожане изгоняют священников и нередко с угрозами требуют от епископов назначения членами причта людей совершенно не пригодных к этому. Бывали случаи, когда прихожане без всякого сношения с архиереем объявляли диакона священником и он в священническом облачении совершал все то, что составляет литургию. В деле же выбора пастырей прихожане, не исключая и московских, обыкновенно оказываются способными обращать внимание лишь на громкий и слабый голос кандидатов, на их осанку, а иногда, как рассказывают, они доходили до того, что прежде всего ставили вопрос – соответствуют ли размеры фигуры будущего пастыря имеющемуся в церкви облачению»²². При отсутствии традиции демократических институтов выборное начало вело к тому, что священник, опасаясь смещения, не мог активно заниматься воспитанием своей пастыи. Не случайно Поместным Собором 1917–1918 годов выборное начало в церковной жизни было сильно ограничено.

По всей видимости, иеромонах Афанасий участвовал в работе Всероссийского съезда духовенства и мирян, который собрался в Москве весной 1917 года. К этому времени безудержное стремление к реформам стало несколько ослабевать и съезд, признав необходимость политических реформ, достаточно сдержанно высказался по поводу проведения реформ в церковной жизни. На смену эйфории от свободы пришло время спокойной работы по строительству церковной жизни в новых условиях.

Поместный Собор

Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 годов несомненно является важнейшим событием в истории русской церкви XX века. Созванный в первую очередь для того, чтобы обсудить направления реформы церковного управления, Собор сумел обсудить значительно более широкий круг проблем.

Основной задачей Собора было преодоление той антиканоничной формы церковного управления, которая существовала в России со времен Петра I. Как известно, вплоть до начала XVIII века церковь и государство в России существовали как две самостоятельные структуры. Эту пусть относительную, но все-таки самостоятельность разрушил Петр I, который ликвидировал независимость цер-

ковного управления, заменив Патриарха государственным органом – Синодом. При этом церковное ведомство оказалось одним из министерств, стоящих на страже государственных интересов. Петровское законодательство сильно ограничило церковную самостоятельность: проповедникам запрещается говорить о грехах власть предержащих, монахам – иметь в келиях письменные принадлежности и заниматься литературным творчеством без разрешения начальства. Петровская реформа воспринималась как благо лишь теми, кто рассматривал церковь как проводника государственной политики. В то же время ненормальность положения церкви в государстве осознавалась многими. Однако вплоть до 1905 года об изменении ситуации можно было только мечтать.

17 апреля 1905 года, на пике революционных событий, Николай II подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости», который уравнивал в правах представителей всех конфессий. Теперь допускался переход из одного вероисповедания в другое (раньше «отпадение от православия» влекло за собой уголовную ответственность), снимались ограничения на строительство неправославных храмов и молитвенных домов, на издание религиозной литературы разных конфессий и т. д.

Вопреки намерениям законодателей этот указ поставил в крайне невыгодное положение православных. В то время, когда остальные конфессии получали свободу деятельности, жизнь Православной церкви продолжала контролироваться неповоротливой государственной машиной. Ситуация была совершенно абсурдной, и пресса заговорила о необходимости освободить Православную церковь от государственной опеки.

Выработка модели церковно-государственных отношений стала предметом широкой общественной дискуссии. Появились тысячи книг, брошюр и статей, посвященных вопросам церковной жизни. Проблематика этих публикаций не ограничивалась вопросами взаимоотношения Церкви и государства. Активно обсуждались вопросы миссионерского служения Церкви, участия ее в общественной жизни, литургические реформы и т. д. Предполагалось, что эти проблемы разрешит Поместный Собор, созыв которого, однако, все откладывался.

Созвать Собор стало возможным лишь после Февральской революции. Временное Правительство поддерживало стремление Церкви самоопреде-

литься. Признавая, что Православная церковь занимает в государстве особое положение, оно, однако, стремилось последовательно утверждать принципы свободы совести. Так постановление Временного правительства от 14 июня 1917 года провозгласило, что политические и гражданские права жителей России не зависят от их конфессиональной принадлежности. На этом историческом фоне 15 августа 1917 года в Москве начал работу Поместный Собор Православной российской церкви.

В работе Поместного Собора участвовало около 600 человек, большая часть которых была мирянами. В выборах делегатов на Собор участвовало все православное население страны, поэтому после прихода к власти большевиков и разгона Учредительного собрания Собор некоторое время оставался единственным общественным институтом, законность избрания которого не вызывала сомнений. Собором была разработана схема церковного управления и модель церковно-государственных отношений. Синодальное управление заменялось патриаршью и Церковь становилась самоуправляемой. Резко возрастала роль прихода, повышалась активность мирян, которые объединялись в православные братства. Эти реформы позволят потом церковной организации пережить эпоху гонений, до начала которой оставалось совсем немного времени.

На Патриарший престол Собор избрал Московского митрополита Тихона (Белавина). Членом Собора, которые сообщили ему об избрании на патриарший престол, святитель Тихон сказал: «Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором написано: «плач, стон и горе» (Иез. 2.10). Сколько мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину.»²³. И действительно, путь новоизбранного патриарха так же как и путь многих членов Собора стал путем не церковных администраторов, но мучеников и исповедников. В настоящее время около 60 членов Собора причислены к лику святых. Таким образом, канонизирован каждый десятый член Поместного Собора 1917–1918 годов

Богослужение и жизнь

На Соборе было создано 23 отдела, занимавшихся различными проблемами церковной жизни. Иеромонах Афанасий, в центре интересов которого находились вопросы богослужебной практики, работал в отделе «О богослужении, проповедничестве и храме». Программа работ этого отдела была весьма обширной, ведь для большинства прихожан российских храмов именно богослужение является центром христианской жизни. В России отсутствовала традиция ежедневного домашнего чтения Священного Писания, поэтому православное население было знакомо с Писанием лишь в том объеме, в каком оно читалось во время службы. А для

многих богослужебные тексты служили также основным источником сведений по православной догматике и церковной истории.

Между тем для более сознательного участия верующих в церковной службе, необходимо было решить ряд проблем богослужебной практики. Так, например, Русская церковь заимствовала у греков монастырский вариант богослужебного устава, предполагающий многочасовые церковные службы, совершать которые в приходских храмах было невозможно. Богослужение приходилось сокращать, причем не существовало простого и общепринятого правила таких сокращений, а в результате неумелых самостоятельных решений могли утрачиваться наиболее существенные части богослужебных последований. Другая проблема определялась тем, что язык богослужения сильно отличается от русского литературного языка. Для многих прихожан грецизированный синтаксис церковных книг был мало понятным.

Еще одним из активно обсуждаемых на отделе вопросов был вопрос о внесении в церковный календарь дней памяти русских святых. Проблема заключалась в том, что в XVII веке при патриархе Никоне с целью сблизить славянскую и греческую церковные практики активно исправлялись славянские богослужебные книги. В результате имена многих почитаемых русских подвижников перестали упоминаться в богослужебных книгах. Иеромонах Афанасий принимал участие в разработке программы возвращения в церковный календарь памятей русских святых. Предполагалось собрать изданные и неизданные службы русским святым, отредактировать их и выпустить в виде отдельной книги. Ориентиром в такой деятельности служил «Сербляк» – специальный богослужебный сборник, посвященный сербским святым. Иеромонах Афанасий вошел в созданную Собором комиссию, которая должна была заниматься подготовкой такого сборника. Правда, из-за революционных событий комиссия так и не смогла приступить к работе. Иеромонах Афанасий считал, что составление дополнительной русской минеи является необходимым церковным делом. И он вернется к нему через много лет, в середине 50-х годов, освободившись после 22 лет заключения.

Другим вопросом, обсуждаемом в отделе «О богослужении, проповедничестве и храме», в подготовке решения которого принял активное участие иеромонах Афанасий, был вопрос о церковных правилах причисления почитаемых подвижников к лику святых. Дело в том, что в отличии, например, от Католической Церкви, Православие не имеет общепринятой процедуры, предшествующей официальному решению.

Наконец, третьим делом иеромонаха Афанасия стало составление «Службы всем святым в земле Российской просиявшим». Члены Собора были не первыми, кому пришла в голову идея создания общей службы русским святым. Такая служба появилась еще в XVII веке, однако, подобно многим другим русским богослужебным текстам, после реформ патриарха Никона она была прочно забыта. Текст XVII века оказался во многом неудовлетворительным и Собор поручил иеромонаху Афанасию (Сахарову) и профессору Б.А.Тураеву²⁴ отредактировать тот текст и сделать его более близким современным верующим. В это время уже начались репрессии большевиков против церкви и пролилась первая кровь, поэтому в службу всем русским святым вошли молитвы, обращенные к новым исповедникам и страстотерпцам за веру Христову:

О новых страстотерпцев! Подвиг противу злобы убо претерпеша, веру Христову яко щит пред учением мира сего держаще, и нам образ терпения и злострадания достойно являюще.

О твердости и мужества полка мученик Христовых, за Христа убиенных! Тии бо Церковь Православную украсиша и в стране своей крови своя, яко семья веры даша и купно со всеми святыми достойно да почитутся.

Текст службы был утвержден Собором и напечатан в том же 1918 году отдельной брошюрой. Однако составители не считали свой труд законченным и стремились его улучшить. В 1920 году скончался Б.А. Тураев. А иеромонах Афанасий, считавший составление службы всем русским святым делом жизни, продолжал работу над ее текстом. В итоге, к началу 60-х годов эта служба превратилась в огромное богослужebное последование, совершающееся в течение трех дней. Долгое время этот полный текст распространялся в машинописных копиях, и был издан лишь в 1995 году²⁵.

Работа в Богослужebном отделе Собора определила круг научных и литературных интересов иеромонаха Афанасия. Сбор и редактирование служб русским святым, исправление богослужebных книг и соотнесение проблем реальной жизни с уставом Православной Церкви – вот те темы, которые занимали его всю жизнь. Проведя около 22 лет на тюремных нарах, он не переставал размышлять об этих вопросах, возобновлял работу, как только появлялась такая возможность, и умолял своих близких, которые прятали его книги и рукописи, хранить эти материалы для будущей работы.

Собор и власть

Собор был созван в первую очередь для решения вопросов церковно-государственных отношений и организации церковного самоуправления, и естественно, что государственная политика оказывала существенное влияние на его работу. В октябре 1917 года к власти в стране пришли большевики. Постановления Собора обсуждались на фоне формирования религиозной политики большевиков, той политики, которая в течение 70 лет определяла условия существования церковных организаций в СССР.

Первое время большевики явно не имели достаточно проработанной концепции взаимоотношений с религиозными организациями. Однако вмешательство государственных структур в жизнь церкви началось почти сразу. Открыто вмешиваясь в церковные дела, большевики парадоксальным образом продолжали традиции синодальной эпохи, когда государство управляло православной церковью.

Из провинции в центральные органы шли многочисленные жалобы на комиссаров, которые принуждали священников совершать то, что противоречит церковным канонам. Известны случаи, когда представители советской власти угрожали священнику расстрелом за отказ повторно венчать тех, чей развод утвержден гражданским законом, но не признан церковью. Отказ священника в этом случае рассматривался как контрреволюционная деятельность.

Большевики не только считали возможным распоряжаться церковным имуществом, но и рассматривали духовенство как собственных подчиненных. Так в Архиве народных комиссаров сохранился относящийся к декабрю 1917 года документ о назначении некоего Селецкого комиссаром московских монастырей и Троице-Сергиевой лавры. Тов. Селецкому предписывалось «немедленно произвести полную ревизию монастырей со взятием на учет всех ценностей, денежных, имущественных, дарственных и иных доходных статей», а также «выдавать монахам бессрочные отпуска»²⁶. В январе 1918 года комиссар общественного призрения Александра Коллонтай вместе с отрядом матросов предприняла попытку реквизировать Александро-Невскую лавру и назначила комиссара Лавры, который был должен заменить наместника. Явное беззаконие вызвало протест. По набату собралась толпа верующих и реквизицию Лавры пришлось отложить. После неудачного захвата Лавры в Петрограде, который тогда еще был столицей, прошел грандиозный крестный ход.

Акты насилия над священнослужителями и попытки захвата церковного имущества не могли не вызвать со стороны Собора ответной реакции. 19 января 1918 года патриарх Тихон подписывает послание, в котором анафематствует всех, кто проливает христианскую кровь: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню гиенскому в жизни будущей – заgrabной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.»²⁷ В этом послании анафематствуемые гонители Церкви не названы по имени и партийной принадлежности, однако все, включая власть придержащих, узнали в гонителях церкви большевиков. В течение последующих десятилетий это послание называли не иначе как «анафематствование большевиков», хотя слово «большевики» в тексте отсутствует.

21 января/3 февраля 1918 года был опубликован «Декрет об отделении церкви от государства, школы от церкви». Строго говоря, этот декрет явился не столько законодательным актом, сколько манифестом новой религиозной политики. Его декларативные и расплывчатые формулировки могли толковаться как в пользу религиозных организаций, так и в пользу строителей атеистического общества.

Ожидалось, что в ближайшее время будет подготовлена специальная инструкция, регламентирующая действие Декрета. Верующие различных конфессий надеялись, что этот новый документ будет учитывать их интересы. Официальные лица на запросы религиозных организаций отвечали, что при Наркомюсте создана особая комиссия, которая занимается пересмотром Декрета. Предполагалось, что в ее состав войдут не только комиссары, но и представители ряда конфессий, в том числе и представители Собора. Однако верующие напрасно ждали приглашения к совместной работе. 24 августа 1918 года большевистское правительство неожиданно для всех опубликовало «Инструкцию о проведении в жизнь Декрета об отделении церкви от государства».

После этой публикации представители всех конфессий почувствовали себя обманутыми. Инструкция не смягчала, а ужесточала расплывчатые формулировки Декрета. Конфессиональные объединения лишались прав собственно-

сти и юридического лица. В качестве субъекта правоотношений признавалась не религиозная организация, а зарегистрированная властями группа верующих. Эта группа могла совершенно законно захватить храм и выгнать оттуда прежнюю общину и священника. Представители религиозных объединений пытались протестовать, однако эти протесты не были услышаны.

Текст Инструкции достаточно подробно обсуждался на заседаниях Собора. Для того, чтобы представить себе, как члены Собора реагировали на этот документ, приведем фрагмент из выступления митрополита Арсения²⁸ (Стадницкого): «Декрет был написан в общих выражениях и был предметом нашего обсуждения, и мы предполагали, что положения эти будут осуществлены впоследствии и что делегация, учрежденная для сношений с советской властью, выяснит отрицательные стороны декрета и разъяснит его в благоприятном для Церкви смысле. <...> Нас уверяли <...> что декрет будет рассмотрен с участием представителей Церкви и будет разъяснен удовлетворительным образом; таким образом, предполагалось некое соглашение. Мы жили этой мыслью, мы не могли себе представить, чтобы общая мысль декрета была проведена с такой последовательностью, но оказалось, что появившиеся в последнее время декреты относительно Церкви были как бы подготовительной ступенью к тому решительному распоряжению, которое явилось вчера. <...> Церковь в ее земном проявлении (со стороны благотворительной, просветительной) уничтожается не потому только, что она теряет имущество, которое, конечно, не безразлично для жизни Церкви, а здесь удар по Церкви, как силы благодатной. Здесь мы лишаемся всего: права обнаружения религиозных чувств, права благодатного воздействия на паству – для такого воздействия теперь нет возможности, потому что храмы больше не наши. Лишены мы того, что является нашим священным долгом, права проповеди, за нами будут следить, чтобы мы не сказали чего-либо против советской власти, а мы знаем, что каждый видит то, что ему хочется. И каждая проповедь, самая безобидная, дает возможность заподозрить эту проповедь, как противодействующую советской власти, так что священник, идя в церковь, должен быть готов к тому, что идет туда последний раз. Создается положение, что мы находимся в состоянии гонения и что мы нищие не физически, а лишены души, Церкви, как благодатного Царства. Мы переживаем единственный момент, не имеющий примера не только в истории Русского государства, но и в мировой.»²⁹

Таким образом, к концу работы Собора позиции Церкви и государства по отношению друг к другу более или менее определились. Если в первые месяцы после своего прихода к власти большевики не имели четкой программы взаимоотношений с Церковью, то к середине 1918 года такая программа уже была, причем практическая сторона этой программы была намного более жесткой, чем законодательная³⁰. В свою очередь, верующие стали видеть в большевистском государстве врага и начали вырабатывать способы выживания в новых условиях. На Поместном Соборе разрабатывались правовые методы противостояния большевистской антирелигиозной политике. Собор требовал от власти, чтобы она руководствовалась в своих действиях законами и соблюдала независимость церкви, провозглашенную в Декрете об отделе-

нии церкви от государства. Однако государство явно стало на дорогу войны, причем отнюдь не правовой. Государству надо было любыми методами уничтожить столь мощного конкурента, каким для большевиков была Православная церковь. Церковь, последние два века находившаяся в государственном подчинении, выиграть в этой войне не могла.

Снова во Владимире

Вернувшись с Поместного Собора во Владимир, иеромонах Афанасий был избран в члены епархиального совета, а в 1920 году назначен наместником Рождественского монастыря, который был расположен во владимирском кремле.

В 1919 и 1920 годах по всей стране прокатилась волна вскрытия мощей русских подвижников. Эта была прямая акция, направленная на подрыв авторитета церкви. Другие мероприятия большевиков, например, такие как изъятие церковного имущества или закрытие церковно-приходских школ можно попытаться объяснить какими-либо прагматическими установками экономического или политического характера. Вскрытие мощей не имеет никакого иного объяснения, кроме того, что началась открытая антирелигиозная кампания.

Принятая в марте 1919 года новая программа РКП(б) провозглашала задачей партии полное искоренение религии в России. Пришедшим к власти большевикам казалось, что вера в Бога является пережитком старого строя и следствием необразованности народа. Активная атеистическая пропаганда должна была показать, что церковь обманывает народ. Теоретики антирелигиозной политики считали, для построения общества всеобщего атеизма нужно всего несколько лет. Вскрытие мощей казалось для строителей атеизма самой подходящей акцией в разворачивающейся борьбе с церковью, ведь многие простые верующие считали, что мощи это целиком сохранившиеся тела святых, и при обнаружении в раке костей будет подорвано доверие к церкви.

Богородице-Рождественский
монастырь во Владимире.
Конец XIX века.

Здесь необходима маленькая справка. Чаще всего святые мощи представляют собой нетленные кости с частично сохранившимися тканями, сухожилиями и связками. Полное нетление никогда не являлось обязательным свойством мощей, а в некоторых традициях рассматривается как явление нежелательное. Например, на Афоне, когда открывается тело усопшего, о его загробной участи судят по цвету костей. К лику святых усопший причисляется лишь в том случае, если от костей исходит благоухание. Если же в могиле обнаруживается нетленное тело, то братья усиленно молятся об отпущении грехов покойного и о том, чтобы земля приняла его тело. Однако в России простые верующие были совершенно убеждены в том, что мощи обязательно должны быть нетленными, чему в значительной степени способствовали раки, нередко имеющие форму человеческого тела. О том, что подобные представления о мощах не являются правильными, в начале XX века много писали. «Есть у нас люди, – писал профессор Московской духовной академии А.Е.Голубинский, – имеющие ревность Божию не по разуму, которые утверждают, будто мощи святых всегда и непременно суть совершенно нетленные, т.е. совершенно целые, нисколько не разрушенные и не поврежденные тела. Утверждают они это <...> ради воображаемого неверия людского, ради их мнения о простых людях <...>. Но они лгут на простых людей, которые в действительности относятся к мощам с одинаковым благоговением и усердием, представляют ли последние из себя целые тела или же только кости и небольшие остатки и частицы костей. Решительное и наглядное доказательство этого составляют те случаи, когда с Востока привозимы были к нам мощи святых в виде небольших остатков от их костей: народ наш устремлялся воздавать им почитание с такою же верою, с какою почитает он и целые тела»³¹ Несмотря на старания Е.Голубинского и других авторов, писавших о мощах (особую актуальность эта тема приобрела в связи с канонизацией Серафима Саровского, мощи которого не являются нетленными) представление народа о том, что в раках хранятся нетленные тела, не удалось переменить. И большевистская кампания по вскрытию мощей была рассчитана на это расхожее представление. Вскрытие мощей не могло поколебать веру тех, кто знал, о

том, что не во всех православных странах нетленность считают благом. Но простые верующие, считавшие нетленность непременным атрибутом святых мощей, были смущены. В данном случае традиционные представления верующих сыграли против Церкви.

Вскрытие мощей обычно осуществлялось по стандартной схеме. Специальные комиссии, в состав которых иногда включались и священнослужители, открывали раки, составляли подробное описание того, что там находилось, и выкладывали мощи на видном месте «для обозрения трудящихся». Акты вскрытия часто сопровождалась кощунственными выходками: курением в храме, издевательскими репликами, оскорблениями святыни. Те чувства, которые испытывали верующие при вскрытии мощей, хорошо сформулировал Сергей Булгаков³²: «Может ли кто бы то ни было без содрогания подумать о том, чтобы разрыть могилу своего отца, матери, близких, нарушить могильный покой для того, чтобы расследовать содержимое... Но вот приблизился торжествующий хам и, став перед ракой подбоченясь, в позе наглого вызова, все перевернул, перетряс и заявил, что там ничего нет, кроме пыли и костей... Туда, куда верующие в благочестивом смирении не дерзали поднять очи, где царил священный мрак, было внесено электрическое освещение, и грязные лапы стали разбирать содержимое в святой раке»³³.

Однако в некоторых случаях верующим удавалось превратить вскрытие мощей из поругания в церковное торжество. Именно так это происходило в Успенском соборе города Владимира, когда власти вскрыли мощи владимирских чудотворцев и выставили их напоказ народу в обнаженном виде.

Из протоколов вскрытия следует, что тело св. благоверного князя Глеба, скончавшегося в 1174 г. (сын св. князя Андрея Боголюбского), было мягким и гибким и кожу на нем можно было схватить пальцами, она отставала, как у живого. А у великого князя Георгия (1238) отсеченная в бою с татарами голова оказалась приросшей к телу так, что при этом шейные позвонки были смещены и срослись неправильно. Это особенно потрясло осуществлявшего вскрытие мощей врача.

Перед началом демонстрации вскрытых мощей владимирское духовенство установило в соборе дежурство. В храме были расставлены длинные столы, покрытые церковными покрывами, какими обычно покрывают гроб с покойником. Правда, к глубокому огорчению архимандрита Афанасия, покрывы были положены не самые парадные, так как настоятель пожалел выставлять дорогие древние покрывы. На материи были аккуратно положены святые мощи.

Первыми дежурящими у мощей были иеромонах Афанасий и псаломщик Александр Афанасьевич Потапов, обладавший чрезвычайно высоким голосом. Как только открылись двери и начал входить народ, иеромонах Афанасий громко возгласил: «Благословен Бог наш...», – а в ответ ему под сводами древнего собора разнеслось звонкое до пронзительности «аминь», и начался молебен владимирским угодникам. Пришедшие люди стали креститься, класть поклоны и ставить свечи у мощей. Таким образом предполагаемое поругание святыни обратилось в торжественное богослужение.

О том, как относился архимандрит Афанасий к проблеме нетленности мощей, рассказывает Сергей Фудель³⁴: «Я передал ему рассказ моего знако-

мого священника, присутствовавшего на вскрытии мощей одного великого русского святого и крайне смущенного тем, что нетленности действительно обнаружено не было, хотя внешне останкам была искусно придана форма сохранившегося тела. Передав это рассказ, я сам со смущением ждал, как будет на него реагировать этот строжайший монах и обрядовер. Он помолчал, задумавшись, и вдруг сказал: «Когда мощи Александра Невского перевозили по повелению императора из Владимира в Петербург, они где-то по дороге попали в пожар и сильно пострадали. И вот было велено их восстановить скульптурно, так, чтобы никто ничего не подозревал». Потом еще помолчал и как-то еще тише добавил: «Один архиерей, когда я еще был молодым, говорил, что к концу мира должен исполниться над святыми закон: земля еси и в землю отыдеша». Много соблазнов было бы отстранено от немощных в вере, если бы такое понимание этого вопроса со стороны епископа было бы распространено»³⁵.

Епископ Афанасий
(Сахаров).

Хиротония

Во время служения наместником Рождественского, а затем Боголюбского монастырей у архимандрита Афанасия было немало возможностей почувствовать, какими опасностями чревата любое мало-мальски заметное положение в Церкви. А когда митрополит Сергей (Страгородский) собрался хиротонисать его в епископа Ковровского, молодого архимандрита вызвали в ГПУ и предупредили, что архиерейство грозит ему серьезными неприятностями³⁶. И тем не менее 10 июля 1921 года в Крестовоздвиженском монастыре Нижнего Новгорода архимандрит Афанасий был хиротонисан в епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. Хиротонию совершали митрополит Сергей (Страгородский), будущий местоблюститель Патриаршего престола, и архиепископ Евдоким (Мещерский), впоследствии председатель обновленческого Синода. Перед хиротонией будущего архипастыря вызывали в ГПУ и угрожали репрессиями в случае, если он согласится стать архиереем. Действительно, если до революции архиерейский жезл давал значительные социальные преимущества, то в 20-е годы архиерейство не обещало ничего, кроме преследований и лишений. Известная фраза митрополита Кирилла (Смирнова), что архиереи теперь только и годны на тюрьмы, не была шуткой. Первый раз епископ Афанасий был арестован 30 марта 1922 года, то есть всего через семь месяцев после хиротонии.

Изъятие ценностей

Новый этап церковной истории начался в 1922 году, во время страшного голода в Поволжье, ссылаясь на который власти начали кампанию по изъятию церковных ценностей. Сведения о голоде стали появляться в готовящихся для руководства страны секретных материалах в самом начале 1922 года. Так в сводке по Самарской губернии от 3 января 1922 года сообщается: «Наблюдается голодание. Таскают с кладбища трупы для еды». А чуть позже: «Голод усиливается... На рынке замечена продажа жареного человеческого мяса, издан приказ о прекращении торговли жареным мясом». Борясь с голодом государство пыталось решать не столько гуманитарные, сколько политические задачи. Характерно, что одним из первых государственных мероприятий, направленных на борьбу с голодом, стала закупка за границей на 6000 золотых рублей материалов для наглядной агитации.

Религиозные организации сами пытались организовать помощь голодающим. Еще летом 1921 года, до того, как государство приступило к закупке агитационных плакатов, по благословению патриарха Тихона был создан Комитет помощи голодающим. Эта организация обратилась к мировой общественности с призывом о помощи и начала сбор средств для закупки продовольствия за рубежом. Однако само существование Комитета было незаконным, поскольку советское законодательство запрещало религиозным организациям в какой бы то ни было форме заниматься благотворительностью. Лишь в самом конце 1921 года церковный комитет все-таки был легализован. К февралю 1922 года церкви удалось собрать около девяти миллионов рублей, а также ювелирные украшения и продукты.

То, что верующие собирали средства и организовывали помощь голодающим, не устраивало руководителей страны. Для той модели мира, которую предлагала официальная идеология, церковь была организацией реакционной, и по определению не могла сделать ничего хорошего. Спасти людей от голодной смерти должна была не церковь, а советская власть, которая усмотрела в голоде прекрасный повод для того, чтобы начать насильственное изъятие церковных ценностей.

Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 года о немедленной конфискации церковных ценностей был полной неожиданностью для духовенства: Церковь насильственно лишали ее почитаемых святынь. В ответном послании Патриарха от 28 февраля насильственное изъятие называлось святотатством, религиозным общинам возбранялась добровольная передача священных предметов, но при этом верующие призывались к милосердию и щедрости в сборе иных средств.

В марте 1922 года Ленин в секретном письме членам ЦК четко сформулировал задачи изъятия церковных ценностей, причем помощь голодающим в их числе даже не упоминалась. Ленин говорил лишь о золотом запасе, который помог бы укреплению внешнеполитического положения страны, а также о том, что под прикрытием борьбы с голодом можно будет ослабить церковную организацию, физически уничтожив наиболее активную часть

духовенства. Начать борьбу с церковью, обвиняя ее в отказе помочь голодающим, было по своему гениальным ходом. Эта задача была четко сформулирована Лениным. В секретном письме членам ЦК, датированном 19 марта 1922 года, он писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. ... Чем большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, чем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Началась мощная пропагандистская кампания. Журналисты доказывали, что церковное золото решит все экономические проблемы страны. Так газета «Известия» убеждала читателей, что если обменять церковные богатства на хлеб, то голодающие в течение трех ближайших лет будут обеспечены продовольствием. На эти деньги также предлагалось купить 10.000 тракторов или же запас засухоустойчивых семян, которых хватило бы на 10 лет.

Религиозные организации оказались в двусмысленном положении. Государственные СМИ не сообщали о проводимых верующими сборах пожертвований для закупки хлеба, зато охотно рассказывалось о нежелании отдать драгоценный оклад почитаемой иконы или священные сосуды. Более действенным способом скомпрометировать религиозные организации было трудно придумать.

Однако, как ни странно, пропагандистский эффект кампании был не очень высоким. Участники собраний, которые по приказу свыше проводились на многих предприятиях, часто высказывались против изъятия. Секретные сводки ЧК сообщают о циркулирующем среди населения слухе будто большевики отбирают церковные ценности, чтобы было с чем бежать за границу. Вообще, о том, что ценности пойдут не на закупку продовольствия, говорили везде.

Поскольку при изъятии церковных ценностей правительство преследовало не экономические, а политические задачи, оно было заинтересовано в том, чтобы верующие оказывали сопротивление и тем самым давали повод к принятию репрессивных мер. Между тем, церковные власти прикладывали

максимум усилий, чтобы не допустить столкновений. Так митрополит Петроградский Вениамин, обращаясь к своей пастве по поводу изъятия, писал: «Сохраните доброе христианское настроение в переживаемом нами тяжелом испытании. Не давайте никакого повода к тому, чтобы капля какая-нибудь, чьей бы то ни было человеческой крови была пролита около храма, где приносится Бескровная Жертва».

Общины верующих были готовы участвовать в сборе средств для помощи голодающим, но не в осквернении храмов. Во многих местах верующие организовывали добровольные сборы, чтобы выкупить имущество своего храма и спасти его от осквернения и уничтожения. Сохранилась адресованная Ленину телеграмма, в которой крестьяне просят оставить в покое их храм, предлагая направить голодающим 150 пудов хлеба, 75 пудов мяса и 15 пудов масла. На всякий случай крестьяне оплатили и ответ вождя в размере пятнадцати слов. Однако ответа не последовало. Власти не были заинтересованы в организованном участии верующих в сборе средств. Сначала, если прихожане хотели выкупить церковное имущество, от них требовали сумму, которая в 2–3 раза превышала его стоимость, а потом и вовсе запретили подобные операции.

Форма, в которой проводилось изъятие ценностей, становилась все более оскорбительной для верующих: в храмы входили в шапках, церковную утварь запихивали в ящики ногами и т. д. Все это приводило к стычкам и вооруженным столкновениям. В газетах тех лет говорилось о 1414 столкновениях властей с верующими. Проверить эту цифру невозможно.

С изъятием церковных ценностей связан первый арест епископа Афанасия. В апреле 1922 года, в Великую Среду, он был арестован по обвинению в расхищении ризницы Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, утаивании церковных ценностей и агитации, направленной против политики изъятия. Несомненно, что разграбление ризницы было лишь поводом для проведения показательного процесса против духовенства. 9 июня обвиняемых приговорили к году заключения, но на следующий день освободили по амнистии, потребовав возмещения ущерба. Одновременно готовился процесс по обвинению епископа Афанасия в небрежном хранении ризницы, однако суда по этому делу так и не было.

Во главе епархии

Вскоре митрополит Владимирский Сергей (Старгородский) был выслан в Нижний Новгород, и еп. Афанасию пришлось самому управлять Владимирской епархией. Несмотря на свою мягкость, епископ был требователен, когда дело касалось богослужения. Вспоминают такой характерный эпизод. Во время одной из поездок по епархии еп. Афанасий убедился, что сослужащее ему духовенство вследствие усталости или недисциплинированности собиралось служить без должного приготовления. Увидев это,

епископ не допустил до архиерейского богослужения ни одного из местных священников и служил один иерейским чином.

Безусловно, епископу Афанасию приходилось решать и более серьезные вопросы. Так, в связи с церковным расколом, в епархии появились обновленцы, пытавшиеся занять в церкви господствующее положение. Забегая вперед, скажем, что противостояние обновленцам в конце концов закончится для епископа Афанасия лагерным сроком. Однако для того, чтобы понять причины, по которым молодой архиерей не хотел иметь с этой церковной группировкой ничего общего, следует сказать несколько слов о том, кем были обновленцы и откуда они взялись.

Обновленчество и государственная политика, направленная на разложение церкви

Слово «обновленцы» впервые появляется в церковной публицистике начала века и обозначает сторонников тех или иных преобразований – «обновлений» – в церковной жизни. Однако само движение обновленчества, возникшее в 20-е годы, напрямую не связано с общественными дискуссиями о церковных реформах. Непосредственным предшественником обновленчества был возникший сразу после революции церковный большевизм. Представители этого церковного течения ориентировались на симбиоз церкви и государства и надеялись, что в коммунистическом государстве церковь займет такое же положение, какое она занимала в Российской империи. Такие взгляды были характерны не только для низших клириков, но и для некоторых архиереев. Так, например, в Пензе архиепископ Владимир (Путята) объявил о создании стоящей на большевистских позициях Народной церкви.

Революция дала движению церковного большевизма шанс создать альтернативное высшее церковное управление. И тут же появились желающие участвовать в этом процессе. Так, например, в архиве ВЦИК хранится докладная записка, направленная сюда летом 1918 года тремя верующими (среди них был один монах и один бывший послушник). Авторы этого документа предлагают новой власти проект создания революционной церкви. Для создания альтернативных органов церковного управления они считают необходимым начать переговоры с Константинопольским патриархом и добиться от него признания новой революционной церкви. Авторы этого документа считали, что «церковь должна своими проповедями вести народ по пути истинного учения Христа, отбросив все буржуазное, запугивающее темные массы, и должна служить пробудителем к этому учению, что послужит облегчением внедрения социализма в трудящихся». Они предлагали «свергнуть буржуазное духовенство и заменить их теми лицами, кои, находясь в опале, заточении и ссылке за свои убеждения и работу на благо республики», всячески способствовать рукоположению рабочих и крестьян³⁷, и т. д.

В силу своей утопичности этот документ не оказал никакого влияния на церковную политику большевиков, однако имелись и другие, более рациональные проекты. Так летом 1918 года петроградский протоиерей Владимир Красницкий³⁸ (в будущем – один из обновленческих лидеров) направил в Совнарком записку, озаглавленную «О направлении политики Советской власти в отношении к Православной Российской церкви». Автор этого документа сообщает властям, что среди духовенства и мирян имеются люди, которые сочувствуют большевикам и предлагает государству оказать поддержку этому церковному течению. На практике государство может опираться на Декрет об отделении церкви от государства, согласно которому церковное имущество является собственностью государства и лишь передается в пользование группе верующих. Таким образом, государство имеет возможность решить, какой именно общине передать церковное здание. Власти прислушались к рекомендациям протоиерея Красницкого, и вскоре Петроградский отдел юстиции выпустил обращение, в котором верующим беднейших классов рекомендовалось объединяться в общины для получения церковного имущества.

В первые послереволюционные годы авторы такого рода проектов действовали на свой страх и риск. Результатом их выступлений стало то, что среди священников и мирян постепенно выделилась группа лиц, стремящихся активно сотрудничать с большевиками. Они составляли для нового правительства различные документы, содержавшие программу подчинения Церкви государству. Однако реализовать эти программы могло лишь государство.

Человеком, разработавшим государственную программу взаимоотношений с пробольшевистски настроенными церковными деятелями, оказался Лев Троцкий. В марте 1922 года он подготовил секретную записку, в которой предлагал оказать поддержку сочувствующей большевикам части духовенства, а затем в борьбе государства против Церкви воспользоваться противоборством церковных группировок. Троцкий не испытывал особенных симпатий к «прогрессивному» духовенству и считал, что оно представляет даже большую опасность, чем консервативное крыло церкви. Однако государство хотело использовать «прогрессивную» часть духовенства как силу, при помощи которой церковную организацию можно взорвать изнутри.

Церковный раскол произошел через полтора месяца после того, как Троцкий составил программу мероприятий по развалу церкви изнутри. 12 мая 1922 года группа петроградских обновленцев была пропущена к содержащемуся под домашним арестом патриарху Тихону. Заявляя о необходимости немедленного созыва нового Поместного Собора, они просили арестованного первоиерарха отказаться от своей власти. Лишенный возможности исполнять свои обязанности патриарх передал полномочия по управлению церковью митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), официально сообщив об этом гражданским властям. Арестованный патриарх не знал о том, что власти не пустят митрополита Агафангела в Москву.

Через несколько дней те же лица вновь навестили патриарха и получили у него разрешение на временное открытие церковной канцелярии. Патриарх разрешил открыть канцелярию только до приезда Ярославского митрополита, но обновленцы объявили, что этим актом созданному ими Высшему

церковному управлению передаются функции управления Русской Православной Церковью.

Реакция на раскол

Подлинные причины раскола и роль государства в организации обновленчества стали достоверно известны лишь в самом конце XX века, после рассекречивания соответствующих документов. Современники же были лишены объективной информации, ведь возможность издавать газеты и журналы была только у поддерживаемых властями обновленцев. На первых порах многим казалось, что в изменении способа управления церковью нет ничего страшного, и что это произошло с разрешения патриарха. Созданное обновленцами церковное управление признали многие архиереи. Как это ни парадоксально, но архиереи легче переходили на сторону обновленцев, чем простые верующие. Это было связано с тем, что епископы, пытаясь возглавить созданные обновленцами управленческие структуры, думали таким образом ликвидировать сам раскол.

Позиция основной массы верующих была иной. Верующие считали обновленчество не расколом, а ересью, и пытались сформулировать, в чем именно обновленческое вероучение расходится с догматами. Характерный эпизод описывает участник одного из епархиальных съездов, на котором выбирались делегаты на организуемой «Живой церковью» (так называлась одна из наиболее влиятельных обновленческих группировок) церковный собор:

«Волновались больше всего крестьяне, среди мирян их было большинство. Подойдя к двум-трем группам, я понял, что они беспокоятся, не зная, кого выбирать на собор.

– Нам нужно таких, чтобы догматы не трогали, – говорили крестьяне. – Во едину, святую, соборную и апостольскую – и больше ничего!

Этот член символа веры повторялся во всех углах собрания и чувствовалось, что он объединяет большинство.

– Но ведь у них тоже, они говорят, единая, святая... сказал я одному мужику.

– У них? – тотчас мягко оборвал он меня – у них живая, а у нас святая – вот отличие»³⁹.

Обновленцы во Владимирской епархии

Когда формировалось обновленческое движение епископ Афанасий, в связи с арестом митр. Сергия, фактически возглавлял Владимирскую епархию. Викарному епископу Афанасию пришлось самостоятельно определять свою позицию по отношению к обновленцам. Он не был церковным политиком, не желал выстраивать многоходовые комбинации, а потому не видел никакого смысла в поисках компромиссов. Пределы сотрудничества с обновленцами он сформулировал

Владыка Афанасий. 1925 год

следующим образом: «Как христианин я, согласно слову Божию, повинуюсь предрержащей советской власти и осуждаю вообще всякую политику в Церкви, контрреволюционную в частности. Как гражданин Советской России, где одним из основных законов является закон об отделении церкви от государства и о свободе совести, я, согласно этому закону, считаю обязательным для себя в вопросах веры и религиозной жизни подчиняться указаниям своей совести. Этими основными положениями определяется и мое отношение к нынешнему ВЦУ. Если советская власть рассматривает ВЦУ как свой орган для надзора за политической благонадежностью церковных деятелей, я признаю его как таковой.»⁴⁰

Само собой разумеется, государство не могло открыто объявить о том, что оно поддерживает ВЦУ, поэтому такая позиция архиерея фактически означала отказ от какого бы то ни было сотрудничества с обновленцами. Конфликт возник после того, как Владимирский протоиерей Михаил Тихонравов по собственной инициативе отправился в Москву для установления контактов с новым церковным руководством. Епископ Афанасий резко осудил его действия и стал выступать с антиобновленческими проповедями. Он объяснял народу, что обновленцы – раскольники, группа духовенства, восставшая против законного канонического епископата, возглавляемого Патриархом Тихоном, что в силу этого они не имеют права совершать таинства и нельзя ходить в обновленческие храмы.

На первых порах епископ Афанасий мог ссылаться на авторитет митрополита Сергея, однако тот не поддерживал непримиримой позиции своего викария. «Лбом стену не прошибешь», – говорил он. 16 июня 1922 года митрополит Сергей признал обновленческое церковное управление. Блестящий политик, митрополит Сергей рассчитывал переиграть обновленческих лидеров и в конце концов возглавить это движение. Как известно, этот план не удался и менее чем через год митрополит Сергей принес Патриарху покаяние.

Митрополит Сергей был одним из наиболее авторитетных архиереев и его присоединение к обновленчеству смутило многих. Многие архиереи и священнослужители думали, что если такой мудрый и дальновидный политик как Сергей присоединился к обновленчеству, то это движение следует признать. Вслед за Сергием последовали многие, но епископ Афанасий этого не сделал. «Может быть, быть прямолинейным и искренним и неблагоразумно, – писал он митрополиту Сергию, – но я не думаю, чтобы неискренность и лукавство могли быть полезны Церкви Божией.»⁴¹

О позиции епископа Афанасия по отношению к обновленцам свидетельствует эпизод, относящийся к несколько более позднему времени. В 1925 году во Владимире заседал обновленческий епархиальный съезд. На съезд пригласили и епископа Ковровского. Он хоть и отказался участвовать в съезде, но все же пришел на заседание для того, чтобы выразить свое отношение к этому мероприятию. Свою речь владыка закончил словами: «А теперь я еду к митрополиту Петру с покаянием, что без его благословения присутствовал на вашем незаконном собрании!»

Непримиримая позиция епископа Афанасия вызывала раздражение у обновленцев, и они обратились за помощью к властям. В ноябре 1922 года протоиерей М.Тихонравов, один из лидеров обновленческого движения во Владимире, написал заявление в ГПУ, где указывалось, что проповеди епископа провоцируют конфликты на религиозной почве. Протоиерей Тихонравов просил ГПУ «принять меры к тому, чтобы епископ Афанасий прекратил свою агитацию против идей церковно-обновленческого движения и членов группы Живая церковь»⁴². Епископ Афанасий был арестован, однако осуждать архиерея по обвинению в сопротивлении обновленцам властям очень не хотелось. Проведя в тюрьме два дня, он был выпущен на свободу, для того, чтобы всего через 12 дней вновь попасть за решетку. На этот раз он обвинял

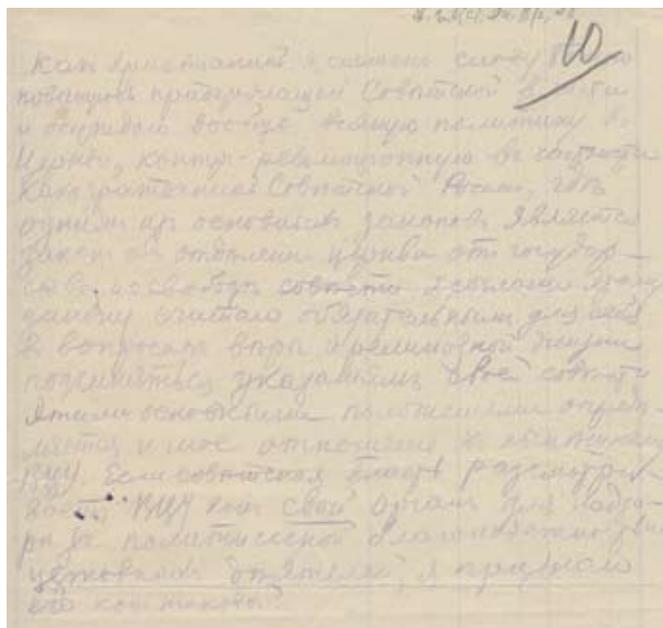
ся в противодействии изъятию церковных ценностей. Через полтора месяца его освободили по амнистии, а затем снова арестовали. Постоянные аресты фактически лишали его возможности полноценно управлять епархией, что, по всей видимости, и требовалось инициаторам этих арестов.

«Благо мне, что я пострадал...»

Уже после войны в самиздате ходил сборник стихов поэта и православного христианина Александра Солодовникова. Эпиграфом к этому сборнику стал стих 118 псалма: «Благо мне, что я пострадал, чтобы научиться уставам Твоим»⁴ ³. Основным мотивом стихотворений было сопоставление тюремного заключения и аскетического подвига:

*Решетка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма,
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.*

Письма епископа Афанасия из Таганской тюрьмы, где он ожидал отправления в ссылку в Зырянский край, напоминают скорее письма человека, отправившегося с паломническими целями в отдаленный монастырь. Он воспринимал тюремное заключение как освобождение от соблазнов советской жизни 20-х годов. «А вот я смотрю сейчас на заключенных за дело Христово епископов и пресвитеров, – писал он матери, – слышу о православных пастырях, в других тюрьмах находящихся, какое спокойствие и благодушие у всех. Очевидно, что Господь помогает и святые не оставляют, и что характерно, – злобы-то у нас

нет к «живым»⁴⁴. Конечно, ни о каком общении с ними у нас и речи быть не может, никакого снисхождения им и потворства. Пока не покаются они и на деле своего покаяния не покажут, все они для нас – яко язычники и мытари. Но озлобления против них у нас нет и не должно быть. <...> А тюрьмы нам нечего бояться. Здесь лучше, чем на свободе, это я не преувеличивая говорю. Здесь истинная Православная Церковь. Мы здесь как бы взяты в изолятор во время эпидемии. Правда, некоторые стеснения испытываем. Но – а сколько у Вас скорбей. Постоянная опасность заразиться, постоянное ожидание приглашения в гости, куда не хочется, постоянное ожидание каких-либо пакостей от «живых», возможность тягостных, я бы сказал, омерзительных встреч с ними, необходимость искать выхода из разных затруднительных положений. Попробуй тут устоять. А мы от всего этого почти гарантированы. И поэтому, когда я получаю соболезнования моему теперешнему положению, я очень смущаюсь. Тяжело положение тех православных, которые сейчас, оставаясь на свободе, несут знамя Православия. Помогите им Господи»⁴⁵.

В тюремных камерах разрешалось совершать богослужение. 16 февраля 1923 года в одиночной камере Таганской тюрьмы было совершено освящение антимины в честь Всех русских святых. Этот походный антиминос епископ Ковровский умудрился сохранить во всех лагерях и ссылках.

Зырянская ссылка

В качестве места ссылки епископу Афанасию был назначен Сыктывкар (тогда он назывался Усть-Сысольском). В Сыктывкаре проживало довольно много ссыльных религиозных деятелей. Епископ Афанасий встретил здесь знакомого ему еще по Поместному собору митр. Кирилла (Смирнова), а также архиепископа Фаддея (Успенского) и епископа Николая (Добронравова). Они рассказали вновь прибывшему епископу, что администрация разрешала совершать службу на квартирах в присутствии ссыльных по церковным делам, но ни в коем случае не местных жителей.

Епископу Афанасию не удалось остаться в Сыктывкаре: его отправили дальше, в Усть-Вымь. Впрочем, среди усть-вымских ссыльных тоже было немало священнослужителей. Как и в Сыктывкаре сосланные священнослужители, лишённые права совершать богослужения в общественных местах, служили у себя дома. Дней через десять после прибытия в Усть-Вымь епископа Афанасия туда приехал иеродиакон Боголюбского монастыря Дамаскин (Жабинский), решивший последовать в ссылку за своим архиереем. Он привез принадлежавшие епископу Афанасию облачения, богослужебные книги и все необходимое для совершения службы. Иеродиакон Дамаскин не был ссыльным: он приехал в Усть-Вымь по своей воле, однако оказалось, что ограничения свободы передвижения распространяются и на него.

В Усть-Выми было практически невозможно достать продовольствия. В течение первой недели ссыльные не могли найти даже ржаной муки и пытались привезенными из Москвы рисом и хлебом. Легче было с молочными продуктами, но шел пост и сосланные за веру воздерживались от употребления

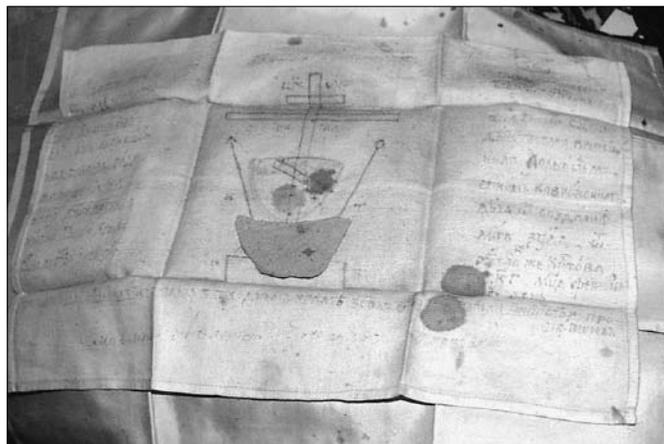
Сергей Фудель

молока. Поскольку ссыльные не могли удалиться далее чем на пять километров от места ссылки, за продовольствием решили командировать отца Дамаскина. Он отправился в находящийся в 35 километрах от Усть-Выми женский монастырь. Этот поход вызвал подозрение властей, в результате чего отец Дамаскин был арестован, а у епископа Афанасия произвели обыск и изъяли только что привезенные богослужебные книги, церковное вино и богословский журнал, изданный в 1897 году. Направленное в Усть-Вымский отдел ГПУ заявление только ухудшило положение: был проведен еще один обыск, в ходе которого забрали также облачения и церковные свечи. Конфискация необходимых для богослужений предметов мотивировалась тем, что ссыльные не должны совершать службы, ведь свечи и кадило могут привести к пожару. Для эпохи керосинок и временных печей мысль о том, что церковная свечка обладает особой пожароопасностью, звучит как издевательство.

Усть-вымским священнослужителям не помогло и знание советских законов, которые не запрещают пользоваться богослужебными предметами. Сотрудник ГПУ объяснил ссыльному епископу, что законы распространяются на законопослушных граждан, а не на тех, кто отбывает наказание, и что изъятые вещи будут храниться в ГПУ вплоть до окончания ссылки.

Епископ Запечский

Постепенно жизнь в Усть-Выми наладилась. Установилась переписка с волей: епископ Афанасий ежедневно писал матери, которая передавала его письма в епархию. Кстати, сама Матрена Андреевна была неграмотной. Письма сына читал ей священник Иосиф Потапов, который и составлял ответы⁴⁶. Кроме писем, епископ Афанасий получал довольно много посылок, что давало ему возмож-

Походный антиминос епископа Афанасия

ность поддерживать других ссыльных, причем не только верующих. Как-то раз он передал продуктовую посылку группе арестованных эсеров. Лидеры социал-революционеров были в затруднении: вопрос принятия помощи от церковников был вопросом идеологического плана. После продолжительной партийной дискуссии, было решено: помощь принять. Очевидцы вспоминали, как один из партийных руководителей, лукаво поблескивая очками, со словами: «Владыка благословил рыбкой» внес к голодному и обрадованному рядовому составу громадный поднос с котлетами.

Ссылным священнослужителям удавалось регулярно совершать богослужения. Ежедневно в келье епископа Афанасия собирались живущие поблизости священники. Службы были продолжительные, по всей строгости церковного Устава. Необходимость служить в маленьком помещении делала неуместными торжественные архиерейские облачения, поэтому епископ предпочитал служить в простой, холщовой, священнической фелони, только поверх нее одевал омофор. У него была простая матерчатая митра, без камней и украшений. Присутствовавший на этих домашних богослужениях Сергей Фудель впоследствии вспоминал: «В этом была какая-то мудрая мера. Служение в комнате предъявляет духовные требования и к внешности: пышность византийского обряда становится в комнате чем-то громоздким, ненужным и даже досадным»⁴⁷.

После окончания службы происходила совместная трапеза. Стиль общения был очень простым: епископ Афанасий не допускал даже намека на ту фальшивую елейность, которая почему-то многими считается каким-то хорошим тоном при общении с людьми духовного звания. Кто-то из сотрапезников впоследствии вспоминал, как епископ Афанасий, пародируя слащавый стиль обращения к архиереям, сказал, передавая сидящему рядом чайную ложку: «Возьмите эту ложечку, ею сам владыченка кушал».

Епископ Афанасий прожил в ссылке до начала 1925 года, причем ему приходилось несколько раз переезжать из одного населенного пункта в другой. Впрочем, эти переезды имели и положительный смысл, поскольку они становились источником встреч с людьми, многие из которых становились друзьями епископа Афанасия на всю жизнь. Позже он со смехом вспоминал, как во время своих перемещений в течение некоторого времени жил в одной тесной избе с митрополитом Кириллом (Смирновым) и другими иерархами. Было очень тесно, и епископу Афанасию досталось место за печкой, за что он и стал называть себя «епископом Запечским».

У местного столяра для «епископа Запечского» был заказан деревянный архиерейский посох – длинная некрашеная палка с утолщением наверху. Он везде ходил с этим посохом: и на регистрацию, и на прогулку.

Вот как описывает епископа Афанасия в Сыктывкаре (Усть-Сысольске) Сергей Фудель: «Тогда это был еще совсем молодой архиерей, худой, белокурый, очень живой и веселый. Жил он в пригороде Усть-Сысольска Искаре со своим келейником и добровольным спутником иеромонахом Дамаскином. Они занимали одну большую светлую комнату. В ней был стол, два небольших диванчика, стоявших за занавесками спинками друг к другу, и в углу у икон небольшой столик, служивший престолом для литургии. <...> В его же комнате было и мое венчание. Венчать нас должен был митрополит Кирилл,

но его за неделю до этого дня неожиданно перевели в другой городок, где он жил потом вместе с епископом Николаем Петергофским, будущим известным митрополитом Николаем Крутицким. Но зато «Исаия, ликуй» нам пел владыка Фаддей, а напутственное слово сказал, кроме венчавшего нас священника, владыка Николай (Добронравов), причем оно состояло всего из четырех слов по-латыни: *per crucem ad lucem* («Через крест к свету»)

Томимый вынужденным бездействием, епископ Афанасий занимался тем, что изготавливал для ссыльных священников картонные иерейские кресты, украшенные золотой и серебряной бумагой. Однако и здесь не обошлось без курьезов. Так однажды он сделал одному священнику «золотой крест». Тот его с удовольствием принял, но тут же попросил написать ему удостоверение в том, что он «награжден золотым крестом». Оказалось, что этот священник у себя в епархии имел только серебряный крест. Трудно сказать, что больше огорчило епископа Афанасия – деловитость ссыльного собрата или же собственная неосмотрительность.

Срок ссылки заканчивался в конце 1925 года, однако, как это часто случалось, епископу Афанасию пришлось без приговора прожить в ссылке лишние два месяца. Лишь в феврале 1926 года он возвратился во Владимир, чтобы вновь приступить к архиерейскому служению.

Снова во Владимире

По окончании Зырянской ссылки владыке не было сделано никаких ограничений в выборе места жительства, и он вернулся во Владимир. Поскольку митрополит Сергей (Страгородский) все еще находился в ссылке, епископ Афанасий вновь возглавил епархию.

Вскоре во Владимир пришло известие о смерти патриарха Тихона, и епископ Афанасий отправился в столицу попрощаться с почившим. Похороны патриарха были поистине торжеством Православной церкви в атеистическом государстве. Хоронить первосвятителя пришла вся Россия. Вот как описывает Москву в день похорон один из современников: «Первая же пересадка <...> у

Смоленского рынка показала, что мы можем опоздать не только к обедне (до обедни оставалось еще полтора часа), но и к отпеванию: весь Смоленский рынок был переполнен народом, стремившимся в Донской. Это не была кучка благочестивых старушек, нет, это был весь целиком русский народ, вся Москва, представители всех слоев населения не только Москвы, но и прилегающих сел, деревень и городов. Интеллигенция, по обычаю, молчала и пряталась, а простые верующие совершенно определенно и громко спрашивали билеты «до Донского» или говорили прямо: «к Святейшему», вполне справедливо предполагая, что кондуктор должен знать, куда дать билет. <...>

Трамваи не вмещают народа, желающего попасть в Донской, и многие идут пешком. Много площадей, улиц и переулков мелькало мимо окна вагона, и везде одна и та же картина: на остановках густая толпа ожидающих, по обеим сторонам улиц – сплошная стена пешеходов, и чем ближе к Калужской площади, тем все больше и больше росли эти волны народные. На Калужской творилось что-то необыкновенное: из всех улиц прибывали все новые и новые толпы, образовалась какой-то водоворот из людей, трамваев, экипажей, и, окружаясь по площади, шумным потоком устремляясь в Донскую улицу. Мы вышли из трамвая. Подхватили нас эти волны и понесли по тому же направлению. Вся Донская улица была запружена народом, оставался только узкий проход, по которому бесконечной лентой тянулись извозчики и изредка автомобили.

Весь двор монастыря был уже полон народом. Мы пробрались от ворот к собору. Здесь нас остановил батюшка в епитрахили (один из распорядителей) и сказал: «Вот и хорошо, что вы сюда пришли, облачайтесь, сейчас выйдет преосвященный служить панихиду». Вышел епископ Афанасий (Сахаров), и началась панихида»⁴⁸.

Во время погребения было вскрыто и оглашено завещательное распоряжение покойного патриарха относительно кандидатуры местоблюстителя патриаршего престола. Этот документ, составленный патриархом еще в самом начале 1925 года, гласил: «В случае нашей кончины Наши патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового Патриарха, предоставляем временно Высокопреосвященному митрополиту Кириллу (Смирнову). В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить ему в отправлении означенных прав и обязанностей таковые переходят к Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу (Преображенскому). Если же и сему митрополиту не представится возможность осуществить это, то Наши патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященнейшему митрополиту Петру (Полянскому).»⁴⁹

Строго говоря, Патриарх не имел права сам назначить себе преемника, поскольку это было прерогативой Собора. Однако он прекрасно понимал, что власти запретят созыв нового собора. Единственным способом предотвратить борьбу за власть и избежать хаоса было назначить преемников таким

нетрадиционным способом. Поскольку власти могли арестовать любого из предложенных местоблюстителей, Патриарх назвал трех кандидатов.

Собравшиеся в Донском монастыре 60 архиереев решили, что посмертная воля Патриарха Тихона в данных условиях совершенно законна. Поскольку митрополиты Кирилл и Агафангел в тот момент находились в ссылках и не могли руководить церковной жизнью, патриаршим местоблюстителем стал митрополит Петр Полянский. Епископ Афанасий безоговорочно признал права митрополита Петра и, вернувшись во Владимир, постоянно поддерживал с ним связь.

Первое время ситуация не особенно отличалась от той, с которой он сталкивался до Зырянской ссылкой. В городе по-прежнему были враждовавшие между собой «тихоновские» и «обновленческие» приходы. В 1925 году во Владимире проходил обновленческий епархиальный съезд. Многие священники решили принять участие в его работе, только потому, что опасались репрессий со стороны властей. Съезд направил к епископу Афанасию делегацию из трех старейших протоиереев, которые просили его явиться на это мероприятие. Участвовать в работе съезда владыка отказался, но все же пришел к обновленцам и выступил с обличительной речью.

Юридическое положение епископа Афанасия было неопределенным. Дело в том, что некоторое время спустя после возвращения в город он был вызван в ГПУ, где ему сообщили, что советская власть не признает его епископом православной церкви и, следовательно, он не имеет права управлять епархией. С юридической точки зрения, это требование было абсурдным, поскольку, согласно советским законам, церковь была отделена от государства. В лагерях епископ Афанасий успел приобрести определенные правозащитные навыки и, отвечая следователю, вполне успешно ссылался на советские законы: «Так как для советской власти я являюсь лишь частным лицом, хотя и имею в качестве служителя Церкви звание епископа, то и из законов я обязан исполнять лишь то, что обязаны исполнять все частные граждане, а не должностные лица. Это я признаю в полной мере обязательным для себя.»⁵⁰ Поскольку советская власть, отказав ему в регистрации,

Причт Свято-Троицкого храма города Владимира. В первом ряду в центре — Владыка Афанасий.

сделала его частным лицом, его нельзя обвинить в управлении церковью: распоряжения частного лица обладают моральной силой, но не юридической: «После того, как я дал подписку Владгуботделу ОГПУ о неуправлении церковными делами как епископ, являющийся незарегистрированным, <...> ко мне неоднократно приходили верующие и с заявлениями и так на словах передавали о том, как им поступать, если священник является не тихоновской ориентации. На заявлениях я давал разъяснения и советы, что, если желают быть православными и иметь со мной общение, то их священник должен быть тоже православным, а для этого он, священник, должен у меня исповедаться и принести покаяние.»⁵¹

Игра в кошки-мышки с карательными органами не могла продолжаться вечно и в январе 1927 года епископ Афанасий был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации, возглавляемой митрополитом Сергием (Страгородским). Поводом к этому обвинению послужило его участие в тайных выборах патриарха. Дело в том, что провести во второй половине 20-х годов законные выборы патриарха было невозможно: созыв Собора в советском государстве был нереальным мероприятием, а кроме того, большинство архиереев находилось в тюрьмах. По инициативе находившегося тогда в Соловецких лагерях архиепископа Илариона (Троицкого) было решено осуществить выборы нового патриарха путем соборания архиерейских подписей. Было составлено обращение к епископам Русской церкви, в котором предлагалось выбрать на патриаршество митрополита Кирилла (Смирнова). Воззвание было вывезено из лагеря одним выходившим на свободу архиереем в чеходане с двойным дном. В ноябре 1926 года во Владимир приехал епископ Павлин (Крошечкин) и предложил епископу Афанасию принять участие в заочных выборах патриарха. Вскоре практически все архиереи, подписавшие этот документ, были арестованы. На допросах следователь пытался выяснить у епископа Афанасия, можно ли ставить на патриарший престол человека, арестованного за антисоветскую деятельность:

«Вопрос: А каково ваше личное мнение об избрании митрополита Кирилла в патриархи?»

Ответ: Я считаю его наиболее достойным кандидатом.

Вопрос: А не является ли он, по вашему мнению, несколько неудобным для этого кандидата то, что он за антисоветскую деятельность подвергался репрессиям?»

Ответ: При отделении церкви от государства, оформленному законом, я полагаю, для государства безразлично, кто будет стоять во главе церкви. В данном случае, я думаю, что политическая деятельность Кирилла нас, церковных деятелей, не касалась. Достаточно того, что он подходил, по моему мнению, для возглавления церкви.»⁵²

Сначала епископ Афанасий находился в Бутырской тюрьме. В конце апреля 1927 года он был переведен во Внутреннюю тюрьму Лубянки, где оказался в одной камере с «главой группы» митрополитом Сергием. В своих беседах они обсуждали положение Церкви, и митрополит Сергей говорил, что не пойдет ни на какие компромиссы с советской властью. Через несколько дней владыка Афанасий был выслан на Соловки сроком на три года. Одновременно с ним получили сроки еще сорок архиереев, а митрополит Сергей вышел на свободу.

Митрополит Сергей

Политика, которую митрополит Сергей стал проводить начиная с 1927 года, была продолжением попыток патриарха Тихона и митрополита Петра придать Православной церкви статус законной организации. Незадолго до смерти патриарх Тихон обратился в НКВД с просьбой о легализации своего Синода. Ответ на это обращение получил уже митрополит Петр. В качестве условия легализации власти предлагали митрополиту Петру издать официальный документ, содержащий признание советской власти, согласиться на увольнение тех епископов, которые

будут неуютны большевикам и осудить епископов-эмигрантов. Митрополит Петр счел эти условия неприемлемыми и вскоре был арестован.

Весной 1927 года секретарь антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б) Евгений Тучков (в церковных кругах его называли «игумен») предложил свои условия легализации православной церкви. Так, в частности, Тучков предлагал возглавить церковную организацию митрополиту Кириллу (Смирнову). «Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, – сказал Тучков митрополиту Кириллу, – вы должны будете нам помочь». Владыка отвечал: «Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить и я вынужден это сделать». «Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами и найти соответствующее обвинение!». Митрополит Кирилл отказался от предложения Тучкова. Говорят, он ответил: «Евгений Александрович, вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь»⁵³. Не вызывает никаких сомнений, что предложение Тучкова было вызвано стремлением спровоцировать новый раскол. Отказавшийся принять эти условия митрополит Кирилл был почти сразу отправлен в ссылку.

Следующим архиереем, к которому обратился Тучков, был митрополит Сергей (Страгородский). Выбор Тучкова был вполне закономерен: митрополит Петр (Полянский) назначил Сергия своим заместителем, что давало Сергию право возглавить церковную организацию. К тому же Тучков знал, что митрополит Сергей и сам прилагает максимум усилий для упрочения юридического положения церкви. Так еще 16 июля 1926 года он обратился в Народный комиссариат внутренних дел с просьбой о легализации органов Высшего церковного управления. В этом документе он обещал полную лояльность церкви по отношению к гражданским властям и невмешательство в политику, признавая при этом, что задачи церкви отличаются от задач советского государства. В этом документе митрополит Сергей категорически отказывался каким бы то ни было способом воздействовать на совесть прихожан. «Будучи искренними до конца, – писал он, – мы не можем замалчивать того противоречия, которое существует между нами, православными, и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом. Они ставят своей задачей борьбу с Богом, Его властью в сердцах народа; мы же весь смысл и всю цель нашего существования видим

в исповедании веры в Бога и в возможно широком распространении и укреплении этой веры в сердцах народа. Они признают лишь материалистическое понимание истории, а мы верим в Промысел Божий, чудо и т. д. <...> Мы убеждены, что православный христианин, свято соблюдая свою веру и живя по ее заповедям, именно потому и будет всюду желательным и образцовым гражданином какого угодно государства, в том числе Советского. <...> Но обещая полную лояльность, обязательную для всех граждан Союза, мы, представители церковной иерархии, не можем взять на себя каких-либо особых обязательств или доказательств нашей лояльности. Не можем взять на себя, например, наблюдение за политическим настроением наших единоверцев. <...> Для этой цели у советской власти есть орган более подходящий и средства более действенные. Тем паче не можем мы взять на себя функции экзекуторские и применять церковные кары для отмщения.»⁵⁴

Само собой разумеется, государственную власть такой документ не мог устроить. Для того, чтобы доходчиво продемонстрировать свое неудовольствие, органы государственной безопасности арестовали в декабре 1926 года более ста архиереев, включая и митрополита Сергея. Решив, что открытое противодействие может погубить церковь, митрополит Сергей согласился на предложенные условия и вскоре был выпущен на свободу.

В августе 1927 года в храмах зачитывается «Послание пастырям и пастве» от 29 июля, посвященное отношению Православной церкви к советской власти. Этот документ, вошедший в историю как «Декларация Сергея», определил политику Московской патриархии на последующие десятилетия. Многие верующие почувствовали себя оскорбленными, услышав следующие слова этого документа: «Мы хотим быть православными, и в то же время сознавать Советский союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот или какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобно Варшавскому⁵⁵, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести» (Рим. 13,5)»⁵⁶. Цитируя документ, противники митрополита Сергея говорили, что радость атеистического Советского Союза по поводу разгрома Церкви является радостью и для митрополита Сергея. Конечно, в тексте Декларации употреблено местоимение женского рода (которой, а не которого), то есть, согласно этому документу, православные христиане разделяют радости и неудачи родины, а не Советского Союза. Однако общей идеей этого документа действительно является признание существующей политической системы без каких бы то ни было условий и оговорок. Дальнейшее развитие событий показало, что Сергей принял и то условие, от которого ранее отказался митрополит Кирилл (Смирнов): согласие на смещение неугодных властям архиереев.

Через месяц после издания Декларации возглавляемое Сергием Высшее церковное управление было зарегистрировано НКВД. Юридически сергиевский Синод получал тот же статус, что и обновленческий. Однако за это приходилось платить и Синод стал издавать указы о поминовении властей за богослужением⁵⁷, об увольнении на покой сосланных архиереев, о перемеще-

нии вернувшихся из лагерей архиереев в удаленные епархии. Получалось, что вслед за гражданским наказанием следовало наказание церковное. Именно перемещение архиереев по указке властей, вопреки воле паствы и самого архиерея, стало причиной категорического неприятия митрополита Сергия многими членами церкви. Впоследствии само имя Сергия стало ассоциироваться с добровольным подчинением церкви государству, а сергианством стали называть политику церковных компромиссов.

Принимая столь жесткие условия, навязываемые государством, митрополит Сергий пытался спасти патриаршую церковь. Однако лояльное отношение церкви к государству не помогало. В стране нарастал террор, духовенство вместе с архипастырями исчезало в лагерях. Рукополагать новых священников зачастую было просто некому. Рассказывают, что перед войной на вопрос: «Как живете?», митрополит Сергий неизменно отвечал: «Просторно. Один правящий архиерей у меня в Хабаровске, а другой в Литве»⁵⁸.

Епископ Афанасий не принял церковной политики митрополита Сергия и отделился от него. Произошло это, по всей видимости, не сразу после публикации Декларации, а в 1930 году. Эту дату он назвал на допросе 1957 года: «С 1930 года я лично считал, что возглавлявший Русскую церковь митрополит Сергий Страгородский превысил данные ему патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром полномочия. В силу этого я считал, что он, митрополит Сергий, потерял право на возглавление Русской Церкви. По данному поводу я подал протест митрополиту Сергию и отказался от работы под его руководством.»⁵⁹

Епископ Афанасий относился к той группе епископов, которая считала Сергия узурпатором патриарших прав и проводником неверной церковной политики, но никак не раскольником. Владыка категорически не соглашался с часто звучавшей в те годы мыслью о том, что сергианские храмы лишены благодати подобно обновленческим. «Что касается патриарха Сергия, – отвечал он на вопрос следователя в 1944 году, – то я не согласен был с ним лишь в том, что он с нарушением церковных правил присвоил себе права митрополита Петра. Но возглавляемую им ныне православную церковь я признаю и даже намеревался обратиться к нему с просьбой об организации церковной жизни в г. Ишиме после открытия там церкви»⁶⁰.

Мемуаристы свидетельствуют, что епископ Афанасий всегда с большой любовью говорил о своем правящем архиерее, викарием которого он был, почитал его как богослова, агиографа, гимнографа, и литургиста. Но всегда добавлял, разводя руками: «Но узурпатор».

Соловки

Про Соловецкий лагерь особого назначения, который функционировал с 1923 по 1939 год, известно достаточно много. В течение долгого времени само слово «Соловки» ассоциировалось исключительно с лагерем. В истории советской каторги Соловки занимают совершенно особое место, и не только потому, что именно

Епископ Афанасий. Кемь.
1929 год

здесь формировалась та система лагерей, которая вскоре распространилась по всей стране. Лагерь располагался на территории одного из самых знаменитых монастырей России. Близость святыни ощущалась даже в самые тяжелые лагерные годы. «Не бойтесь Соловков, – говорил художник М.В.Нестеров своему ожидающему приговора другу, – там Христос близко»⁶¹.

К месту заключения епископа Афанасия везли целых три месяца. Приехав, он жил сначала на Поповом острове – пристани, откуда пароход отвозил заключенных на Большой Соловецкий остров. Некоторое время спустя его перевели в село Сорока, где он работал сторожем, а затем на беломорскую пристань Чупа. Здесь ему повезло: местный бухгалтер, решивший помочь работающему сторожем епископу, взял его к себе в помощники. Это была возможность отдохнуть от тяжелого физического труда. Ничего не понимающий в бухгалтерии архиерей начал работать счетоводом. Он составлял списки бригад, выписывал накладные по указанию бухгалтера. Однако буквально на следующий день началась про-

верка и ревизор попросил счетовода составить сличительную ведомость. О том, что такое сличительная ведомость, епископ Афанасий не имел ни малейшего представления. Он вертел в руках бумажки и не знал, что с ними делать, а спросить было совершенно некого. Выждав некоторое время, ревизор потребовал бумагу. Епископу пришлось признаться в своем невежестве. Владыка ждал скандала и изгнания с должности, но этого не произошло. Ревизор указал, что нужно делать, – это оказалось несложным, и все кончилось благополучно.

Вообще о пребывании в Соловецком лагере епископ Афанасий вспоминал как об относительно легком периоде. Здесь даже разрешались свидания: его навещала мать и староста владимирской Троицкой церкви. Эти свидания были продолжительные и проходили без свидетелей. Впоследствии ни о чем подобном нельзя было и мечтать.

В самом конце пребывания на Соловках епископ Афанасий заболел сыпным тифом. С высокой температурой он лежал на трехэтажных нарах инфекционного барака. Его место было в нижнем ряду, и сверху на него лились нечистоты. Однако епископ Афанасий выжил. Оставшихся в живых обитателей барака вывели раздетыми на мороз и, продержав там некоторое время, отвели на медицинскую комиссию. Комиссия признала владыку здоровым, и его отправили в ссылку в Туруханск.

Оказавшись на этапе после болезни, епископ Афанасий сильно страдал от голода, и в вагоне он впервые в жизни нарушил обычную для него строгость первой недели Великого поста и поел рыбы. Десятилетия спустя, он вспоминал об этом эпизоде как о серьезном падении и рассказывал, что в этом году он единственный раз за все лагерные годы не имел рыбы на Благовещенье. К соблюдению постов и буквальному следованию предписаниям церковного устава епископ Афанасий относился очень серьезно. Впоследствии он вспоминал, что если в лагере удавалось соблюсти Великий пост, то к Пасхе Господь всегда посылал продовольствие, которое давало возможность восстановить силы.

Туруханская ссылка

Этап был долгим. Владыка Афанасий прошел через тюрьмы Ленинграда («Кресты»), Новосибирска и Красноярска.

Красноярский край был традиционным местом ссылки и до революции и после нее. В советской пропаганде он был знаменит тем, что здесь в разное время отбывали сроки Ленин и Сталин. У городского причала до сих пор стоит пароход «Святитель Николай», на котором Ленин плыл к месту поселения. Однако епископа Афанасия едва ли интересовали большевистские традиции сибирской ссылки.

Во Внутренней тюрьме города Красноярска епископ Афанасий неожиданно встретил митрополита Кирилла (Смирнова). Владыка радостно бросился к нему, но услышал суровое: «Я вас не знаю». Митрополит Кирилл не узнал исхудавшего и наголо обритого после тифа собрата. Недоразумение быстро

разъяснилось. Впоследствии два архиерея некоторое время жили вместе.

В Туруханске епископ Афанасий был снова арестован и перевезен в Красноярскую тюрьму, где содержался в ужасных условиях. Оставшийся в Туруханске митрополит Кирилл усиленно молился и читал Евангелие о заключенном собрате. Неожиданно епископ Афанасий был освобожден, так что Евангелие от Иоанна ссыльные архиереи дочитывали вдвоем.

В Туруханской ссылке епископ Афанасий начал работу над большим трудом, посвященным православной традиции поминовения усопших. Написать об этом он решил после того, как узнал, что 29 ноября 1932 года во Владимире скончалась его мать. «Это была, – вспоминал он впоследствии, – первая и единственная незаменимая утрата, тем более тяжелая, что мне не судил Господь быть ни при одре, ни при гробе почившей, и в моем невольном уединении не с кем было поделить мое горе. А горе было так велико, переживания были так тягостны, что письмами своими я перепугал своих друзей.»⁶² В те дни, когда пришло известие о смерти Матрены Андреевны, епископ Афанасий получил возможность служить литургию. Однако это были дни церковных праздников, когда церковный устав запрещает включать в публичное богослужение молитвы об усопших. Считая следующее типикону абсолютно обязательным, епископ Афанасий не вводил в службы никаких дополнительных молитв о новопреставленной. «При всем том, – писал он, – не было чувства какой-либо неудовлетворенности, не замечалось какого-либо ущерба, а сыновняя любовь находила полное удовлетворение в принесении бескровной жертвы в память усопшей и в тайном поминовении ее имени в важнейшие моменты литургии.»⁶³

Эпоху гонений епископ Афанасий считал наиболее подходящей для приближения богослужebной практики к нормам Типикона. «Наше время – время грозного Божия попущения, время грозного Божия суда <над> Православной Русской Церковью. Вместе с тем – это время очищения Церкви. Взмах за взмахом лопата Небесного Веятеля отделяет от пшеницы Христовой все случайное, постороннее, наносное, чуждое Ей. <...> Уменьшается количественно стадо Христово, но качественная ценность от этого должна повыситься. Совершается очищение Церкви внешнее, отделение от Нее чуждого ей по духу. <...>. Теперь, когда никаких выгодных причин и побуждений числиться православными нет, когда, наоборот, звание верующего и христиана

Чупа-пристань.
Соловецкие лагеря.
Июнь-июль 1928 года

патором патриарших прав, он не мог оставаться под его началом. В декабре 1933 года он направил митрополиту Сергию письмо, в котором официально отказался от церковной работы под его руководством. 4 сентября епископ Афанасий был уволен на покой.

Отправленного на покой владыку во Владимире уважали и любили. Даже не выступая публично, он мог значительно увеличить число противников митрополита Сергия. Не желая провоцировать конфликтов, епископ Афанасий уезжает в Старую Русу – древний город Новгородской епархии, уклад которого Достоевский изобразил в романе «Братья Карамазовы». Прожив некоторое время в Старой Руссе, епископ Афанасий перебирается в Егорьевск, а затем неподалеку живет в разных провинциальных городах и поселках.

Переезжая с места на место, он совершал тайные богослужения на квартирах своих знакомых. Сохранилось описание одного из этих богослужений, относящееся к маю 1934 года: «Он приехал к нам в Лосинку под вечер дождливого майского дня и поднялся по узкой лестнице в мезонин дома № 46 по Тургеневской улице, туда, где помещалась домовая церковь иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры о. Иеракса (Бочарова). Его с волнением ожидали. Он вошел в маленькую комнатку, изображавшую из себя столовую и спальню за занавеской.

В стекло стучались изумрудные ветви яблонь, покрытые дождевыми каплями, изящные, бело-розовые чашечки яблоневых цветов заглядывали в окно.

Владыка снял серый плащ и такую же серую простую кепку, из-под которой на плечи его упали тонкие косицы русских волос. Распахнулась дверь в соседнюю комнату, и перед его взором предстало чудесное зрелище: окна были задрапированы занавесями – сначала темными, поверх светлыми, отчего в

Владыка Афанасий с семьей
о. Иосифа Потапова.
1934 год

комнате царил полумрак. На деревянной рамке под потолком были натянуты белые полотняные занавеси, полукругом отделяющие угол, а поверх изящными складками спускались до полу кружева, изображая собой воздушный иконостас. К нему были прикреплены бумажные иконочки, вделанные в картонные рамки. От потолка свешивались лампы, отбрасывая вверх трепетный свет. Перед полотняной завесой, которая раздвигалась в обе стороны, скользя на железных колечках, расстился ковер. Деревянная рама сверху была вся увита гирляндами из еловых веток. За завесой в уголке помещался небольшой престол, налево – небольшая полочка, служащая жертвенником. Это был храм в честь иконы Богоматери «Отрада и Утешение». <...> Вечер был субботний. После легкой закуски владыка отслужил воскресную всенощную, а наутро – литургию. Служил он с подъемом, без каких-либо пропусков, но быстро и громко. <...> Наутро «белая церковь» была убрана, и комната превратилась в обычную.»⁶⁶

Участники таких домашних богослужений прекрасно понимали, что если властям станет что-нибудь известно – лагерный срок неминуем. Законы конспирации выполнялись неукоснительно: случайных людей на этих богослужениях не было, окна домов тщательно занавешивались.

Несмотря на все предосторожности, на этих собраниях присутствовало ощущение неотвратимости ареста. Нина Владимировна Трапани вспоминала, как во время чаепития после такого тайного богослужения епископ Афанасий неожиданно завел с ней беседу о женских лагерях. «Владыка задумчиво посмотрел на меня и долго-долго не отводил своего взгляда. Непонятно было, о чем он думал. И вдруг неожиданно сказал, обращаясь ко мне:

– А вы знаете, что в женских лагерях еще хуже, чем в мужских? Я смутилась. А у владыки в глазах загорелись веселые искорки.

– Ну что же делать... – в смятиении пробормотала я. Так мне запомнился этот момент: дощатая стена, о которую я опиралась в тот миг, задорный взгляд владыки и фигуры людей, окружавшие его. В освобожденные от занавесок окна светило весеннее солнце, зеленые веточки рябины нетерпеливо сбрасывали с листочков жемчужные капли дождя...»⁶⁷ Тогда Нине Трапани было 22 года. Через девять лет после этого разговора она получила пятилетний лагерный срок.

Два с половиной года, проведенные епископом Афанасием на свободе, были посвящены продолжению основных трудов: книге «О поминовении усопших» и службе «Всем святым, в земле Российской просиявшим». Владыка не только работал над текстом службы, но и разрабатывал композицию иконы этого праздника. В 1934 году иконописец Мария Соколова, пользуясь его эскизами и рекомендациями, пишет икону Всех русских святых.

Государственная машина репрессий с каждым годом набирала обороты и НКВД следовало за епископом Афанасием буквально по пятам. В 1936 году, когда епископ Афанасий гостил в Петушках у отца Иосифа Потапова, владимирским милиционерам удалось обнаружить место его пребывания. Одна из его духовных дочерей (имя этой девушки осталось неизвестным) решила срочно поехать в Петушки и предупредить владыку. На вокзале во Владимире она встретила знакомого старичка, стекольщика И.Д.Буланова, человека

церковного и, как ей казалось, достойного доверия. На вопрос: «Куда едешь?» – она ответила откровенно. Старичок оказался стукачом и «сработал» настолько быстро, что, когда через несколько часов девушка, сойдя в Петушках с поезда, пошла по направлению к храму, навстречу ей вели арестованных епископа Афанасия и отца Иосифа Потапова.

Из истории советских лагерей мы примерно представляем себе, как следователи добивались признаний. В это время пытки широко вошли в следственную практику. Методы были весьма разнообразными: от простых избиений до изощренных истязаний в лучших традициях испанской инквизиции. Мы не знаем, что именно пришлось перенести епископу Афанасию. В последующие годы он, если и рассказывал о следствии, то только о том, что следователи были замечательными людьми. Рассказы хорошего христианина о тюрьме – плохой исторический источник. Он говорил, что его не пытали, хотя каждая эпоха имеет собственные представления о том, что такое пытка. В 30-е годы, например, многодневное лишение сна пыткой не считали. Мы не знаем, как все происходило, но, находясь уже в полубессознательном состоянии, епископ Афанасий подписал признание в том, что они с отцом Иосифом имели тайную домашнюю церковь и совершали на дому литургию. Абсурдность этого обвинения была очевидна, поскольку отец Иосиф жил при храме и был диаконом. Никакого смысла создавать церковь на квартире у него не было. На другой день епископ Афанасий отказался от этих показаний, но это уже не имело никакого значения. Короткая передышка, которую церковные организации получили после «Декларации» митрополита Сергия, быстро закончилась. В 1935-1938 годах репрессии против верующих и церковнослужителей шли по нарастающей, причем следователей почти не интересовало, к какому именно церковному течению принадлежит обвиняемый. Печально знаменитый тезис И.В.Сталина, согласно которому успехи социалистического строительства ведут к обострению классовой борьбы, требовал новых жертв. Средства массовой информации готовили общественное мнение к идее существования в стране широкого заговора реакционного духовенства.

Изменился и характер следствия. Если раньше для составления обвинительного заключения требовался хоть какой-то конкретный материал, то теперь связь обвинений с реальностью становилась все более призрачной. В число преступлений, за которые епископ Афанасий получил пятилетний лагерный срок, входило участие в работе нелегальной группы епископов, которая готовила свержение советской власти совместно с белоэмигрантской церковью и Ватиканом. Кроме того, представители этой группы якобы налаживали тайные связи с контрреволюционными и националистическими элементами на Украине.

Однако на следствии о связях с Ватиканом или украинскими националистами речь не шла. В заявлении на имя народного комиссара внутренних дел епископ Афанасий довольно подробно описал методы ведения следствия: «Главнейшая же моя вина, как это выяснилось из бесед со следователем, хотя и не было зафиксировано в протоколах, заключалась в том, что на этот раз я не участвовал в деятельности ... группы архиереев, возглавляемой митрополитом Сергием Страгородским⁶⁸. Все следствие велось крайне тенденци-

озно. Мои показания следователь Новиков не записывал точно с моих слов, а формулировал их так, что получился совершенно иной смысл. Например, простое перечисление фамилий в ответ на вопрос “Кто мои знакомые” принимал такую приблизительно формулировку: “В состав возглавляемой мной организации входят такие-то”. По этому поводу я подал в конце следствия подробное заявление.»⁶⁹ О том, почему на следствии речь шла о взаимоотношениях с митрополитом Сергием, а в обвинительном заключении – о связи с Ватиканом остается только гадать.

В Беломорских лагерях

И снова этап, и снова тюрьмы: Владимирская, Ивановская (внутренняя и пересыльная), пересыльные тюрьмы Ярославля, Вологды, Ленинграда. В Вологодской тюрьме владыку разлучили с о. Иосифом и через Ленинградскую пересылку отправили в Беломоро-Балтийские лагеря. Начался один из самых тяжелых периодов в жизни епископа Афанасия.

По прибытии его назначили инкассатором Медвежьегорского отделения лагеря. Епископ Афанасий пытался отказаться, ссылаясь на свое полное невежество в денежных делах, однако ему объяснили, что советский заключенный обязан уметь все, что ему прикажут, и не имеет права отказываться от возлагаемых на него поручений. Пришлось подчиниться. Выдача денег происходила в совершенно невозможных условиях: в полутемных переполненных бараках при слабом свете керосиновой лампы или при фонаре «летучая мышь». Шумная толпа заключенных, в подавляющем большинстве уголовников, почти вплотную окружала стол. На первых порах у епископа Афанасия не было даже ящика для денег и ему дали совет завернуть деньги в газету. Охранявшие деньги стрелки не чувствовали никакой ответственности и могли уйти, не предупредив инкассатора. Если прибавить к этому плохое зрение, из-за которого на расстоянии полутора метров все видится в тумане, то не следует удивляться тому, что к концу первого месяца работы у него оказалась недостача в 1115 рублей.

В связи с пропажей денег началось следствие. На допросах следователь говорил владыке, что он не видит в его поведении никаких нарушений. Однако неожиданно в деле появилась приписка: «Просим рассматривать как растрату», и не смотря на то, что сумма была полностью возмещена друзьями арестованного епископа, он получил еще год лагеря и был отправлен работать на лесоповал.

Епископу Афанасию был 51 год. У него болело сердце, он сильно задыхался при ходьбе и считался инвалидом. Однако ежедневный путь до рабочего места составлял 4–5 километров, а сама работа заключалась в разгрузке дров, переносе только что сваленных деревьев, уборке снега и т. д. И все это приходилось делать при непрерывном понукании и нецензурной брани куда

более молодых и сильных начальников. Именно к этому времени относятся воспоминания протоиерея Василия Архангельского: «Особенно памятны некоторые случаи, когда мы оба особенно скорбели о потерянном рае, когда лишились возможности служения. Великая Пятница. Из далекого прошлого нахлынул рой воспоминаний о Божественных службах в эти дни, – а мы на лесоповале, в болотистой чаще дремучего леса, увязаем в тину, с опасностью провалиться в так называемые волчьи ямы, занесенные снегом, и, кто попадал в них, сразу погибали. И в такой обстановке мы исповедались друг у друга, он был моим духовником, а я его. Открыли друг другу все сокровенные мысли, чем томилась, о чем тосковала душа в разлуке с родными, а, главное, <о том, что> лишились возможности причаститься святых тайн.»⁷⁰

Отсутствие богослужебных книг не мешало заключенным молиться по памяти. В одном из писем епископ Афанасий описывает совершаемое на нарах Рождественское богослужение и мысленное посещение могил близких людей: «Ночью, с некоторыми перерывами (засыпал... о горе мне ленивому...) совершил праздничное бдение. После него пошел славить Христа рождшагося и по родным могилкам, и по келиям здравствующих. И там и тут одно и то же пел: тропарь и кондак праздника, потом ектенью сугубую, изменяя только одно прошение, – и отпуст праздничный, после которого поздравлял и живых и усопших, “все бо Тому живы суть”»⁷¹. Как будто повидался со всеми и утешился молитвенным общением. И где только я не был... Начал, конечно, с могилки милой моей мамы, потом и у папы был, и у крестной, а затем пошел путешествовать по святой Руси и первым делом в Петушки, потом Владимир, Москва, Ковров, Боголюбово, Собинка, Орехово, Сергиев, Романов-Борисоглебск, Ярославль, Рыбинск, Питер, потом по местам ссылки – Кемь, Усть-Сысольск, Туруханск, Енисейск, Красноярск... Утречком (все лежа «на ложи умилясь»⁷²) справил часы и снова обошел во второй раз с праздничным визитом, сопровождая его, конечно, по-церковному пением праздничных песнопений... Затем приготовил обед. Трапеза у меня сегодня самая праздничная, утешение велие... Утром поджарил немного картофеля со скромным маслом. Сохранилось у меня несколько таблеток чая с витаминами, растворил я его и в нем сливочные тянучки, присланные Женей. Таким образом получился чай с молоком.»⁷³ Совершение богослужения лежа на нарах было единственной возможной формой религиозной жизни в Белбалтаге. Здесь отбирались не только книги, но и, например, полученное в посылке крашеное пасхальное яичко. Несмотря на официальное разрешение находящимся в заключении священнослужителям сохранять длинные волосы, владыка подвергался насильственной стрижке.

А лагерная жизнь шла своим чередом. Неоднократно епископ Афанасий оказывался в штрафном изоляторе, где близость смерти ощущалась особенно остро: каждую ночь кого-нибудь уводили на расстрел.

Здоровье владыки было подорвано окончательно. В декабре 1940 года он пишет, что ничем не болен, только кашляет, так как койка его находится около двери, и у него такой упадок сил, что иногда рукой трудно пошевелить. Совершенно истощенный, он был признан инвалидом. Однако это означало лишь освобождение от тяжелых работ. Епископ Афанасий был бригади-

ром лаптеплетной бригады и дневальным по бараку и должен был не только убирать барак, но и заботиться о хлебных пайках для своей бригады. Для того, чтобы другие люди не остались без хлеба, нужно было вставать в три часа утра. Епископ Афанасий не умел халтурить, выполнять работу кое-как, а для того чтобы экономить силы необходимо было недобросовестно относиться к делу. В бараке было четверо дневальных, а всю грязь убирал лишь владыка. Остальные трое только посмеивались: «Дураков-то работа любит». Епископ Афанасий просил освободить его от обязанностей дневального, хотя эта должность давала некоторые преимущества – больший хлебный паек и возможность готовить себе пищу. Само собой разумеется, начальство не хотело остаться без такого старательного работника и не освобождало его ни от одной из его обязанностей. Вспоминая об этом, он цитировал басню про скворца, который хотел разжалобить птицелова прекрасным пением и один из всей стаи остался в клетке.

По всей видимости, его никогда не покидала мысль о продолжении тех богословских и литургических работ, над которыми он трудился на воле. В своих письмах он часто просит прислать книги, в первую очередь, новые работы по истории России. Правда большая часть присылаемых книг по разным причинам не выдавалась заключенному. «Много ли лет или дней остается и мне странствовать по этой скорбной юдоли?... Хотелось бы только, чтобы дано было столько времени, сколько хватило бы на обработку и приведение в порядок собранных мной служб, на обработку того, что предполагаю я написать по церковному уставу и по русской агиологии, материал для чего собран был мной часто с большим трудом в течение многих, многих лет, о чем мыслей не оставляю даже и в настоящем моем положении, обдумывая некоторые подробности, составляя планы...»⁷⁴

Конечно, всегда сохранялась надежда на досрочное освобождение или облегчение бытовых условий. Известия о смене руководства НКВД каждый раз вселяли надежду на то, что дела будут пересмотрены, а сроки сокращены. Как и многие другие заключенные епископ Афанасий писал жалобы и письма в советские инстанции. Но даже в этих письмах он сохранял исповеднический тон, не желая, чтобы у адресата возникло ощущение, что заключенный епископ готов хоть в чем-нибудь отступить от своих убеждений. «Я не прошу милости, не ищу сострадания, – писал он Народному комиссару внутренних дел. – Я знаю, что Советская власть не может относиться ко мне вполне благожелательно, так как я не скрываю, что у меня, человека верующего и служителя Церкви, нет и не может быть солидарности с воинственно безбожнической властью в вопросах моего религиозного упования и религиозного служения. За это я с Божией помощью готов к тюрьмам и к горьким работам в лагерях. Но мы, верующие люди, готовые страдать за свою веру, всегда (так было с первых веков христианства) в отношении исполнения гражданских обязанностей, когда не затрагивается существо нашей веры, являемся самыми законопослушными, искренно лояльными и добросовестными. А совласть провозглашает в своих основных законах свободу совести и объявляет о своей готовности терпеть на территории Союза верующих, не только рядовых членов, но и их руководителей, не препятствуя последним в исполнении их

религиозных обязанностей. Поэтому, думается мне, только простая справедливость будет в том, если меня и других в подобных же условиях находящихся моих собратий освободят от излишних, никому не нужных и Советской власти никакой пользы не приносящих страданий. За этой-то справедливостью я и обращаюсь к Вам.»⁷⁵ Само собой разумеется, что такое заявление, по жанру скорее являющееся правозащитным обращением, а не просьбой на высочайшее имя, не могло быть удовлетворено.

Передвижка

Когда началась война, заключенных из лагерей, находящихся в Карелии и на Кольском полуострове, стали спешно перегонять вглубь страны. По этапу епископ Афанасий был отправлен в лагерь, расположенный в Архангельской области около станции Плесецк (сейчас там находится космодром). Путь оказался невероятно тяжелым. Впоследствии он писал об этом переходе: «Я вспоминаю бывшее со мной – <...> мне пришлось идти пешком около 400 километров из Олонецкой в Архангельскую область. Меня с детства приучили не пить сырой воды. А тут я рад был зачерпнуть горстью водички из лужи или из болота, и эта, хотя и грязная, но не ядовитая, вода... освежала меня и укрепляла. Соринки, травинки, водяную плесень я откидывал, а воду пил и без этой сырой и не совсем чистой воды едва ли бы дошел до цели»⁷⁶. Тяжелый переход и голод так ослабили епископа Афанасия, что он с трудом передвигался по барaku и готовился к смерти.

Об Онежском периоде жизни епископа Афанасия известно очень мало: не сохранилось ни одного его письма, отправленного из лагеря. Мы знаем лишь то, что заключенные этого лагеря занимались лесозаготовками и работали на строительстве целлюлозного завода. На каких именно работах находился епископ Афанасий, неизвестно. Как бы то ни было, 30 июня 1942 года, проведя в лагере пять месяцев сверх срока, он вышел на свободу и был направлен в бессрочную ссылку в Омскую область.

Первые четыре месяца ссылки он работал ночным сторожем в совхозе Голышманово, а затем перебрался в город Ишим. Здесь в течение почти целого года он жил в семье двух пожилых людей, которые всячески поддерживали его. «Хозяева мои, старички, очень хорошие, – писал он из Ишима. – Старушка целый день хлопчет о еде... Вообще – благодарение Господу, – нынешнее обилие покрывает с избытком прошлогоднюю скудость». Как всегда епископ Афанасий совершал богослужение на дому. Слух о том, что в городе, где не было ни одного храма, живет ссыльный архиерей, быстро распространился и местные жители стали обращаться к нему с просьбами о совершении треб. Это поддерживало его не только морально, но и материально, поскольку посетители приносили продукты. Поскольку государственная политика по отношению к церкви во время войны несколько смягчилась, местные жители стали хлопотать об открытии храма и предложили епископу Афанасию служить, на что он дал принципиальное согласие. Заслуживают внимание письма епископа Афанасия, в которых он рассказывает о своей церковной деятельности

в Ишиме. Поскольку в соблюдение тайны переписки никто из заключенных особенно не верил, приходилось прибегать к своеобразному эзопову языку. В письмах диакону Иосифу Потапову он пишет о себе в третьем лице и называет себя кумом: «Ваш кум писал, что устроился хорошо, работает на дому, за работу получает больше натурой. Поговаривают об открытии мастерской и ему предлагают руководить. Он в затруднении.»⁷⁷. А вот фрагмент другого письма: «Кум пишет, что он попал в такое место, где на большое расстояние в округе нет медицинского пункта. Местные жители, узнав, что он немного знаком с медициной, стали к нему обращаться, а он не считал себя вправе отказать в помощи больным. Теперь там хлопочут об открытии медицинского пункта, а он предполагает не оставлять без помощи жителей до тех пор, пока не будет прислан для пункта специальный врач.»⁷⁸ Человеку, который привык жить в атмосфере постоянной слежки, не составляло особого труда понять, что речь идет о враче духовном, а не телесном, а местные жители хлопочут не об открытии мастерской или больницы, а храма.

Облегчение бытовых условий позволило ему несколько восстановить силы и, насколько позволяли условия ссылки, вернуться к литургическим трудам. В относящихся к этому периоду письмах он часто вспоминает о прерванной работе. «Так хотелось бы продолжить работу с моими книгами, но и это невозможно... Кое-что в качестве материалов собираю и сейчас, но все это очень незначительно, а время идет... Так хотелось бы «О поминовении усопших» закончить, но теперь без Вас сохранится ли и то, что сохранилось!.. И когда-то я сам смогу все это получить в свои руки и сам убедиться, что же именно сохранилось и сохранилось ли что-либо?.. Ведь в работах по собранным мной материалам я только и вижу смысл дальнейшей моей жизни.»⁷⁹

Если продолжение научной работы было возможно лишь в будущем, то пастырская переписка с верующими, обращающимися к нему со своими проблемами, прекращалась лишь тогда, когда администрация вообще запрещала переписку. В письмах своим духовным детям он неизменно спокоен и мягок. Читая эти письма, забываешь, что их пишет не ушедший от мира старец, а ссыльный, обязанный периодически являться на регистрацию и каждую минуту ожидающий повторного ареста. В его письмах нет политики, нет жалоб

на бытовые условия, а есть лишь размышления о том, как спастись в современном мире: «Современный человек стремится посредством всякого рода техники облегчить свой труд, сократить его, сократить время на него. Но это стремление не освящается молитвой, делается без призвания Божия благословения и потому, вместо того чтобы получить больше времени для личной жизни, его совсем почти не остается для нее.»

Власти не оставляли епископа Афанасия в покое. Неожиданно в Ишим приезжает житель Владимира Иван Дмитриевич Буланов (стукач, благодаря которому епископа Афанасия смогли выследить в Петушках в 1936 году). Владыка не знал, что стекольщик Буланов имел и другую, более высоко оплачиваемую работу. Предупредить владыку об опасности было некому и в ноябре 1943 года ссыльный Сахаров был вновь арестован.

«Антисоветское церковное подполье»

В постановлении на арест епископа Афанасия сказано, что он «проводит профашистскую и пораженческую агитацию и распространяет провокационные слухи.»⁸¹ Шла война, поэтому обвинения в профашистской агитации были обычным делом. Можно сказать, что владыке крупно повезло, что его не объявили, например, агентом Абвера.

Как это часто бывало в те годы, в процессе следствия характер обвинения неоднократно менялся. За 9 месяцев (с ноября 1943 по июль 1944 года) епископ Афанасий побывал в тюрьмах Ишима, Омска, Москвы. В Москве он находился в Лефортовской тюрьме, которая считалась тюрьмой строгого режима. Этой тюрьмы все боялись. Там были маленькие камеры на одного-двух человек с санузелом внутри. Из камер никуда не выводили. Однако для епископа Афанасия перевод в эту пользующуюся недоброй славой тюрьму был передышкой. Он находился в камере один и ему никто не мешал проводить все дни в молитве. Это был своеобразный затвор.

Менялись тюрьмы, менялись следователи, фантазия которых постепенно превратила скромного распространителя провокационных слухов в члена мощной, строго законспирированной организации, которая называлась «Антисоветское церковное подполье».

То, какое отношение имели обвинения к реальности, никого особенно не интересовало. Проходящая по этому же делу Нина Трапани вспоминала, как следователь показал ей схему этой мифической организации: «Наверху большого листа ватманской бумаги, как солнце на небе, был изображен большой круг – Святейший Патриарх Тихон⁸². От него по нисходящей шли лучи, оканчивавшиеся кружками поменьше: митрополиты (было их, кажется, три), от них исходили новые кружки, размножаясь, от тех новые, меньшие, и т. д. до множества мелких точек. Таких рядов было двенадцать-четырнадцать. Подробнее рассмотреть мне не удалось, так как следователь не выпускал из рук листа. Он только показал мне место владыки Афанасия, образованное из луча, исходящего от митрополита Кирилла, – место это было центральным. От него

спускались еще три кружочка – священники. Одним из них был отец Иеракс. В следующем ряду – пятом – находилось мое место. Я с несколькими другими «исходила» от отца Иеракса. Мы были, по словам следователя, связистами. От нас спускались еще кружочки, но кто это был и какая роль отводилась им в этой схеме, – не знаю.»⁸³ Полет фантазии следователя не знал границ, поэтому, по признанию той же Нины Трапани, читать уголовное дело (по закону в конце следствия подследственный должен ознакомиться с материалами дела) было чрезвычайно интересно. Однако это чтение было быстро прервано следователем, который ворча: «Нашла беллетристику...» – требовал, чтобы она читала только те материалы, которые касались непосредственно ее.

Судя по сохранившимся протоколам допросов, епископ Афанасий, отрицая свое участие в политической борьбе, не пытался выдать себя за сторонника советской власти. Его ответы на допросах выглядели следующим образом: «Я никакой организованной антисоветской церковной деятельностью не занимался и не был этого руководителем, а также никакой антисоветской агитации не вел. Я не отрицаю, что с лицами, с коими имел общение, допускал антисоветские высказывания, но они не носили характера, призывающего к борьбе с советской властью. Также не отрицаю, что я по убеждениям монархист и сторонник царского строя, но я своих этих убеждений никому не высказывал. Я не мог примириться с советской властью, не признающей религию. Я не смиряюсь и теперь, что ведется борьба против религии. Но все это – мои личные убеждения, и их никому из своих близких не навязывал и не призывал вести борьбу против советской власти.»⁸⁴

Как один из руководителей мифического антисоветского церковного подполья епископ Афанасий был приговорен к 8 годам заключения. В Краснопресненской пересыльной тюрьме с ним встретилась его «подельница» Нина Трапани, оставившая воспоминания об этой встрече: «В закрытой машине, называемой «черным вороном», меня повезли в пересыльную тюрьму на Красной Пресне. В полной темноте мы стояли плотно прижавшись друг к другу – женщины и мужчины – с вещами. В воздухе слышалась ругань. Наконец открылась дверь, в глаза блеснул солнечный свет, все высыпали из машины на тюремный двор. И тут я увидела фигуру в черной ряске, в черной скуфейке, низко надвинутой на лоб. Из-под нависших бровей светились голубые глаза, седеющая борода окаймляла лицо. Но этот человек мало походил на того владыку, который приезжал к нам в Лосинку. Я подошла к нему и спросила: «Вы владыка Афанасий?» Он улыбнулся и в свою очередь спросил: «Вы Нина Владимировна?» <...> Тюрьма была на ремонте, и поэтому нас весь день продержали под открытым небом. Я отыскала в массе людей владыку Афанасия и о. Иеракса. Они сидели рядышком. Я подседа к ним да так и просидела все время. Конвойные отгоняли меня, грозя карцером. Но они это делали больше «для порядка», и я снова возвращалась и, как студеную воду, пила дорогие мне речи. Я узнала, что о. Иеракс, как и я, получил срок пять лет ИТЛ, а владыка – восемь лет. <...> Мы говорили о том, пошлют ли нас вместе отбывать срок, и я от души сказала, что если вместе, то я готова и на двадцать лет. Владыка улыбнулся. Но вообще был очень грустен. Он устал от тюрем и этапов, в которых прошла вся его жизнь»⁸⁵.

Протокол допроса
епископа Афанасия
от 9 ноября 1943 года.

137

С. С. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление НКВД по Омской области

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
к делу № _____

1943 г. Ноябрь мес. 9 дня. Я Нач. отд. Зиндлера Сергей
(должность, инициалы, отчество, фамилия)

Сей. Мейсенау Э.Б. Вульф допросил в качестве _____

1. Фамилия Сахарова

2. Имя и отчество Афанасий Гаврилович

3. Дата рождения 1887 года

4. Место рождения с. Гаврило Мхи. Кузнецкого уезда. Тамбовской губ.

5. Место жительства г.р. Шимш. ул. Жуковская №10

6. Нац. и гражд. (подданство) русский, ср-н СССР.

7. Паспорт 1-ТХ № 540962 видан Голышевским Уездом 10.11.38
(когда и какою органом выдан, номер, категория и место привнески)
акт. от 25/11-1943 года

8. Род занятий быв. определительск. камерный
(место служб и должности)

9. Социальное происхождение из семьи мелкопоместного землевладельца, отцов
(род занятий родителей) и их имущественное положение
Саваров Григорьевич имел в чу. Могиле и скупил в лесной-
ской местности землевладения

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):

а) до революции служил в войсках, был председателем Голышев-
ских предприятий в одной из кооперативных групп.

б) после революции вот. переделанных не работал, занимался рели-
гиозной работой.

11. Состав семьи Вдовский
(ближайшие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

Э. Сахаров

Этап был нелегким. Заключенные долго ехали в товарном вагоне, сидя или лежа на деревянных нарах, а затем шли пешком. Конечной целью были расположенные в Новосибирской области Мариинские лагеря (Сиблаг). Правда, в отличие от прошлых лагерных сроков, здесь епископ Афанасий был не один. Вместе с ним находились два его товарища по мифическому « церковно-подполью» – иеромонах Иеракс (Бочаров) и протоиерей Петр Шипков.

Е.В. Апушкина⁸⁶ приводит рассказ иеромонаха Иеракса, который прибыл к месту заключения несколько позже остальных: «Дверь открылась. Послышался стук костяшек «козла», мат и блатной жаргон. В воздухе стоял сплошной синий табачный дым. Стрелок подтолкнул о. Иеракса и указал ему на какое-то место на нарах. Дверь захлопнулась. Оглушенный, отец Иеракс стоял у порога. Кто-то сказал ему: «Вон туда проходи!» Пойдя по указанному направлению, он остановился при неожиданном зрелище. На нижних нарах, повернув ноги калачиком, кругом обложенный книгами, сидел владыка Афанасий. Подняв глаза и увидев отца Иеракса, которого давно знал, владыка нисколько не уди-

вился, не поздоровался, а просто сказал: «Читай! Глас такой-то, тропарь такой-то!» – «Да разве здесь можно?» – «Можно, можно! Читай!» И отец Иеракс стал помогать владыке продолжать начатую службу, и вместе с тем с него соскочила вся тревога, все тяжелое, что только что давило душу.»⁸⁷

На первых порах три священнослужителя работали сторожами, а затем епископа Афанасия назначили ассенизатором. Конечно, соскабливать лед и сбивать смерзшиеся нечистоты было нелегко, зато занимала эта работа всего 1,5-2 часа в день. После нее можно было вернуться в барак, подкрепиться маленьким ломтиком хлеба с постным маслом и молиться или размышлять.

Подшучивая над самим собой, епископ Афанасий вспоминал церковного песнотворца Иоанна Дамаскина, которому настоятель монастыря запретил слагать стихи. Лишенный возможности работать с литургическими книгами, владыка часто цитировал посвященные Иоанну Дамаскину строки Алексея Толстого: «Моей отрадой было песнопенье, и в жертву Ты, Господь, его избрал». В поэме Толстого церковный песнотворец трудился на очистке отхожих мест и работающий ассенизатором епископ Афанасий не мог не ощущать духовного родства с ним.

В какой-то момент заключенным священнослужителям удалось организовать тайные богослужения. У иеромонаха Иеракса был антиминос и все необходимое для того, чтобы оборудовать домовую церковь. Антиминос прятался в овощехранилище, которое отец Иеракс охранял по ночам. Во время этих ночных дежурств и совершались богослужения. К сожалению, домовая церковь иеромонаха Иеракса погибла во время пожара вместе с овощехранилищем. Пришлось вернуться к вычитыванию церковных служб на нарах.

Лагерные правила требовали, чтобы всех мужчин стригли наголо. Вообще-то, священнослужители имели право отказаться от стрижки, но отстоять это право удавалось далеко не всегда. Епископ Афанасий всячески пытался не допустить стрижки и так замучил начальство жалобами в Главное управление лагерей, что его оставили в покое. Однажды, когда не в меру ретивый парикмахер уже занес машинку над его головой, епископ закрыл голову руками и поднял такой крик, что сбежала половина лагеря. «Вы мне Сахарова не трогайте, – заявил начальник лагпункта, – мне и так из-за него досталось от высокого начальства».

В лагере епископ Афанасий получал много посылок и охотно делился продуктами с другими заключенными. Однако общая атмосфера чрезвычайно удручала его. «Крайне угнетает окружающая грубость, злоба и особенно цинизм. В Соловецких лагерях в 27 г. этого как-то не так было заметно. В лагерях ББК⁸⁸ в 1937 году похабщины было больше, но это была похабщина более или менее поверхностная, сквернословили, не вдумываясь в то, что говорили. Здесь какое-то смакование похабщины. Это не только сорвавшееся или по привычке сказанное словцо, но сквернословие сознательное, – осмысленные похабные речи. С ужасом наблюдаю, как с 27-го падают нравы... и что особенно грустно, что всем этим щеголяет не шпана какая-нибудь, а те, кто считает себя «людьми» – люди, занимавшие некоторое положение, вершившие большие дела, увенчанные почетными именами инвалидов Отечественной войны... Грустно, больно, тяжело...»⁸⁹

Новые времена.

Во время войны положение Православной церкви в СССР начало меняться. Дело в том, что германское командование не препятствовало открытию на оккупированных территориях храмов. Возрождение православных приходов было мощным пропагандистским приемом. Это не могло не волновать советское руководство, которое, со своей стороны, также пошло на ряд уступок религиозным организациям. Первым шагом государства навстречу церкви стало разрешение проводить среди верующих сборы на нужды армии (что было прямым нарушением действующих законов) и распространять составленные иерархами патриотические воззвания. Постепенно стала замирать деятельность атеистических издательств, антирелигиозные журналы закрывались или меняли тематику. Одновременно с этим Церковь получила возможность возобновить издательскую деятельность. Первой книгой, которую выпустила Московская патриархия, стала «Правда о религии в России». Это был хорошо иллюстрированный пропагандистский сборник, в котором говорилось о свободе Православной церкви в СССР, о поддержке, которую оказывают верующие советской армии, и о православных святынях, разрушенных фашистами. «Правда о религии в России» печаталась в типографии упраздненного «Союза воинствующих безбожников», и по недосмотру часть тиража имела гриф этого антирелигиозного издательства.

Местное начальство восприняло эти изменения как руководство к действию: один за другим стали открываться храмы, закрытые в 20-30-е годы. Почувствовав перемены, верующие буквально завалили государственные органы просьбами об открытии церквей⁹⁰. Для того, чтобы представлять себе масштаб этого движения, приведем только одну цифру: в 1942-1943 годах в одной лишь Ярославской области возобновилось богослужение в 51 храме.

Началом нового этапа во взаимоотношениях церкви и государства стала легендарная встреча Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексеем (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). 4 сентября 1943 года митрополиту Сергию неожиданно позвонил представитель Совнаркома и предложил через полтора часа быть у Сталина. В начале встречи Сталин сказал, что правительство знает о патриотической работе Православной церкви и спросил о трудностях, с которыми сталкивается патриархия. Митрополиты ответили, что основной проблемой является отсутствие центрального церковного управления, а для решения этой проблемы необходимо созвать архиерейский собор. Сталин ответил на это предложение согласием. Вторым вопросом, который поднял митрополит Сергей, было возрождение духовной школы. Было решено открыть в Москве пасторские курсы. Существует легенда, что когда митрополит Сергей пожаловался Сталину на катастрофическую нехватку священников, тот поинтересовался, почему их не хватает. Само собой разумеется, митрополит не мог ответить, что значительная часть священнослужителей погибла в лагерях, однако он был хорошим дипломатом и посоветовал на то, что иногда человек учится в семинарии, а потом становится генеральным секретарем коммунистической партии. Сталин, который в свое

время учился в Тифлисской семинарии, больше не возвращался к этому вопросу. Митрополит Алексей попросил освободить находящихся в заключении архиереев и Сталин предложил составить список лиц, которых следует освободить. Правда потом, когда этот список был составлен, выяснилось, что большей части этих людей уже нет в живых. Сообщение об этой встрече было напечатано в советских газетах и об изменении государственной политики по отношению к церкви узнала вся страна.

Новая государственная политика радикальным образом изменила положение митрополита Сергия (Страгородского) и признающих его архиереев. Если раньше власти рассматривали Московскую патриархию как одну из православных церковных организаций и пыталась использовать внутрицерковные конфликты в своих целях, то теперь государству стала нужна объединенная церковь. Установление церковного единства включалось в сферу государственных интересов. Еще в 1942 году председатель Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпов составляет секретную записку, определившую дальнейшую судьбу обновленчества. «Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, – пишет он, – исходя из того, что обновленческое течение сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы, и принимая во внимание патриотические позиции сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства в патриаршую сергиевскую церковь»⁹¹.

8 сентября 1943 года, то есть через четыре дня после встречи трех иерархов со Сталиным, в Москве начал работу Поместный собор. Беседа со Сталиным, митрополит Сергей высказал мнение, что на подготовку Собора потребуется месяц, однако Сталин предложил «проявить большевистские темпы»⁹², после чего для доставки архиереев в Москву были выделены самолеты. Собравшиеся в Москве 19 иерархов единогласно избрали на патриарший престол митрополита Сергия (Страгородского). Выборы были безальтернативными. Конечно, с канонической точки зрения условия созыва и проведения этого Собора были далеко не безупречными, однако для активизации церковной жизни в СССР проведение Собора, о работе которого информировали советские газеты, было очень важным мероприятием.

Патриаршество Сергия было недолгим: он скончался 15 мая 1944 года. Открывшийся 31 января 1945 года для избрания нового патриарха Поместный Собор был уже вполне представительным. В числе его 204 участников были и представители вселенских патриархов. Со времен Поместного Собора 1917-1918 годов столь многолюдное церковное собрание созывалось впервые. На патриарший престол был избран Алексей (Симанский). Эти выборы снова были безальтернативными, однако представительность Собора и признание патриарха Алексия Восточными патриархами давала возможность многим антисергианам возобновить общение с Московской патриархией. Напомним, что многие члены Русской Церкви относились к митрополиту Сергию как к узурпатору патриарших прав. Теперь же, когда созданный на законных основаниях Поместный Собор выбрал нового патриарха, препятствий к объединению не стало.

Новоизбранного патриарха Алексия епископ Афанасий безоговорочно признал и сразу стал поминать за богослужением. Позднее, мотивируя это решение, он писал: «В Церкви земной божественная благодать изливается на всех чад ее, хранящих общение с нею, чрез <...> священников и епископов. Каждый отдельный член Церкви земной вступает в действительное таинственное благодатное общение с Нею и со Христом – только чрез своего правомочного духовника, при условии, если сей последний находится в общении с правомочным епископом, который, в свою очередь, находится в общении с первоиерархом, признаваемым в качестве такового всеми первоиерархами всех других православных автокефальных Церквей, составляющих в своей совокупности Единую Вселенскую Церковь. Кроме этой иерархической цепи нет и не может быть иного пути для благодатного единения с Церковью Вселенской и со Христом. <...> Священнослужители, даже ведущие явно зазорный образ жизни, продолжают оставаться действительными раздаятелями благодати до тех пор, пока законной церковной властью не будут лишены дарованных им в таинстве священия благодатных полномочий раздавать божественную благодать и возносить к Престолу Божию молитвы верных. За недостойных священнослужителей Господь посылает Ангела Своего совершать Святые Таинства. Таинства, совершаемые недостойными священнослужителями, бывают в суд и осуждение священнослужителям, но в благодатное освящение с верою приемлющим их. <...> Из церковной истории мы знаем много случаев, когда недостойные люди занимали высокие посты. <...> Каким соблазном был для православных русских людей петровский сподвижник, первенствующий член Синода, архиепископ Феофан Прокопович, бражник, развратник. Может быть, его соблазнительное поведение толкнуло иных ревнителей в раскол. Но не раскольники, а те, которые молились в храмах, где возносилось имя Феофана, оставались в Православной Церкви и получали благодать и освящение.

Много соблазнительного и в наши дни. Но, несмотря на всякие соблазны, у нас нет никакого законного права уклоняться от общения со священнослужителями, состоящими в канонической зависимости от патриарха Алексия. <...>

Иного первоиерарха, кроме патриарха Алексия, в Русской Церкви нет. Его признали таковым все восточные патриархи. Его признали все русские иерархи. Не дерзаю уклониться от него я.

Теперь нет поминающих и непоминающих храмов. Тогда можно было в качестве протеста не посещать те храмы, где незаконно наряду с именем законного первоиерарха поминали и его заместителя – не по первоиераршеским правам, а по ведению церковных дел. Теперь везде возносится имя Российского первоиерарха Патриарха Алексия. Может быть, иное в деятельности патриарха Алексия соблазняет, смущает, заставляет ревнителей насторожиться. Но все это не лишает ни его, ни подведомое ему духовенство благодати. Ереси, отцами осужденной, патриарх Алексий и его сподвижники не проповедают, а по канонам церковным это единственный случай, когда должно прервать общение даже и с патриархом, не дожидаясь суда церковного. Никакой законной властью патриарх Алексий не осужден. <...>

Поэтому, когда в 45 году, будучи в заключении, я и бывшие со мною иереи, не поминавшие митрополита Сергия, узнали об избрании и настоло-

вании патриарха Алексия, мы, обсудив создавшееся положение, согласно решили, что так как кроме патриарха Алексия, признанного всеми вселенскими патриархами, теперь нет иного первоиерарха Русской поместной Церкви, то нам должно возносить на наших молитвах имя патриарха Алексия – как Патриарха нашего, что я и делаю неопустительно с того дня.»⁹³

Епископ Афанасий и разделявшие его взгляды заключенные священнослужители направили новоизбранному патриарху поздравительное письмо с просьбой принять их в общение. Епископом Афанасием также было составлено особое послание в катакомбные общины и скиты с призывом вернуться в Патриаршую Церковь⁹⁴.

Последний лагерь

До конца срока оставалось пять лет, когда 30 августа 1946 года внезапно епископ Афанасий был отправлен из лагеря в Москву для допроса. Допрос был вызван тем, что в руках следователей оказался дальний знакомый епископа Афанасия и других осужденных по делу Антисоветского церковного подполья. Показания этого перепуганного человека были столь цветистыми, что решено было возобновить следствие. Уже отбывающие свои сроки люди отправлялись из лагерей в Москву.

Пока собирали подозреваемых, оговоривший их человек пришел в себя и отказался от своих показаний (в результате он получил дополнительный срок за клевету). Никто не пострадал, однако из Москвы епископ Афанасий был направлен не в прежнее место, а в Темниковские лагеря (Мордовия). Здесь он занимался плетением лаптей, однако вскоре из-за ухудшения здоровья потерял способность выполнять даже эту работу.

Лагерный быт постепенно налаживался, возобновилась переписка с близкими людьми. «Суд Божий не суды людские, – писал он из Темниковских лагерей монахине Маргарите (Зуевой). – Если здесь выискивают все, за что можно было бы зацепиться, чтобы обвинить, – там будут (если не грешно так выразиться) выискивать все, за что можно было бы зацепиться, чтобы оправдать. И один платочек, омоченный слезами, на весах правосудия Божия перетянет все грехи, как было с оным разбойником. При всех наших недостатках у нас с Вами все же остается одна такая зацепка, на которую я крепко уповаю, – это то, что многократно повторяется в чине иноческого погребения: «Твой есмь аз... Твоя есмь аз». Мы твои, Господи... За имя Твое спаси нас. При всех наших грехах мы никогда не отрекались от имени Твоего, не стыдились именоваться христианами.»⁹⁵

В ноябре 1951 года заканчивался срок заключения. Поскольку епископ Афанасий был инвалидом, перед освобождением от него потребовали список лиц, которые могли бы взять его на иждивение. Указав таких лиц, епископ Афанасий выразил уверенность в том, что Патриарх может дать ему кабинетную работу по специальности и принять его на свое иждивение – на покой в один из подчиненных ему монастырей. В этой связи он написал письмо Па-

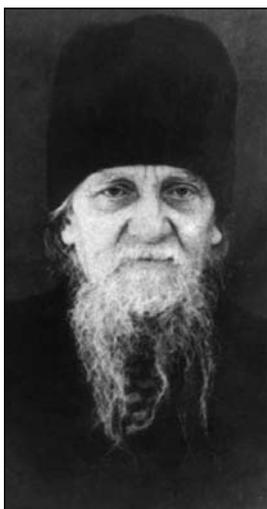
триарху с просьбой принять его на покой в число братии Троице-Сергиевой Лавры, где он мог бы заняться редактированием богослужебных книг. Адресованное патриарху письмо было отправлено через лагерную администрацию, однако ответа епископ Афанасий не получил.

Между тем, государство решило по-своему распорядиться судьбой епископа Афанасия. В марте 1952 года, когда срок заключения уже закончился, Особое совещание при Министерстве Госбезопасности СССР постановило заключенного Сахарова «за отбытием срока наказания из лагеря и от ссылки на поселение освободить и направить в дом инвалидов под надзор органов УКГБ». Однако в момент принятия этого решения Zubово-Полянский дом инвалидов, в котором должны были поселить епископа Афанасия, еще не был достроен. В ожидании завершения строительства ему пришлось провести в лагере лишние 2,5 года. Это сверхсрочное заключение было для него особенно тяжелым. Он по-прежнему содержался в общих бараках – душных помещениях с парашей, где положена была получасовая прогулка в день. Было непонятно, когда же все это кончится. В жалобе на имя Председателя Совета Министров СССР епископ Афанасий писал: «На мой вопрос к посетившему нас прокурору Дубравлага: «Почему меня и после недавно объявленного постановления: «Освободить из-под стражи» продолжают держать под стражей?» – я вместо ответа услышал сердитый окрик: «Почему вы с длинными волосами?» – «Я служитель культа. Нам разрешено и в заключении носить длинные волосы» – «Ничего не знаю. Все должны быть одинаково острижены»...»⁹⁶ Ожидание тянулось. Формально епископу Афанасию были разрешены свидания, однако приехавшие к нему друзья так и не смогли с ним повидаться. К тому же не было особого стимула хлопотать о свидании, поскольку все время казалось, что вот-вот он будет освобожден и общение с близкими будет происходить не в присутствии конвойного, а на свободе. Неопределенность и постоянное ожидание освобождения изматывали нервы и в январе 1954 года у епископа Афанасия случился инсульт, полностью лишивший его возможность выполнять какую бы то ни было физическую работу.

Дом инвалидов

Наконец, в мае 1954 года строительство дома инвалидов было закончено и бывшие заключенные переехали на новое место жительства. Однако их ждало страшное разочарование: условия жизни дома инвалидов почти не отличались от лагерных. Без специального разрешения не допускался выход за пределы инвалидного дома, сохранялись ограничения в переписке, а вся корреспонденция по-прежнему проходила лагерную цензуру, которая запрещала, например, называть новое место проживания «инвалидным домом».

По всей видимости, жесткие условия существования диктовались не только желанием ограничить в правах отбывших срок «врагов народа», но и общим отношением к инвалидам. В те годы в ненамного лучших условиях содержались и оставшиеся без рук или ног солдаты Второй мировой войны.

Владыка Афанасий.
1954 год.

Здоровое социалистическое общество не желало видеть в своих рядах калеки, поэтому поселения для инвалидов устраивались на островах или в труднодоступных местах. Формально калеки и инвалиды были полноправными гражданами СССР, однако их реальное положение не сильно отличалось от положения заключенных.

В инвалидном доме епископ Афанасий первое время жил в помещении склада личных вещей и продовольствия. Это его вполне устраивало: была возможность хотя бы иногда молиться в полном уединении. Кроме того, в этом помещении владыка мог сам варить себе обед (в столовую он не ходил, избегая мясного). Однако администрация относилась к нему с большим подозрением. В заявлении, направленном на имя председателя Совета Министров СССР Г.М.Маленкова, епископ Афанасий писал: «Прислали в инвалидный дом Сахарова. Он – архиерей!... – Как бы чего не вышло! – и меня в первые же дни строго предупреждают, что мне здесь не позволят церковь устраивать, что мне не позволят вести религиозную пропаганду, хотя я и не успел еще дать никакого повода к таким предупреждениям. Стало известно, что я получил бандеролью православный календарь издания Московской Патриархии, и меня уже допрашивают, что я буду с ним делать, кому буду давать? Как бы чего не вышло! Получил я сотовый мед. На беду в это время зашел один из начальников. «У вас церковь пахнет, ладан курили?» – «У меня нет ладана». – «Восковые свечи зажигали?» – «У меня нет восковых свечей, а есть сотовый мед». Еще в лагере мы пять человек, не курящие, не ругающиеся, спокойные, уговорились проситься в одну комнату. Наше желание исполнено. Но одного из нас – еврея – уже расспрашивали, почему он пожелал жить с Сахаровым? Не по религиозным ли соображениям?»⁹⁷

Надежда на то, что в доме инвалидов будут возможны посещения близких людей, не оправдалась. Когда навестить епископа Афанасия приехала монахиня Маргарита, то за пять дней пребывания на станции Потьма, где располагался дом инвалидов, ей удалось добиться всего лишь двухчасового свидания, причем за территорию инвалидного дома епископа Афанасия так и не выпустили. Между тем, формально он был свободным человеком, полностью отбывшим срок наказания и не имевшим поражений в правах. Правда в начале 1955 года режим инвалидного дома стал более свободным и его обитатели получили возможность уходить куда угодно хоть на целый день. Однако из-за ухудшившегося самочувствия епископ Афанасий уже не имел возможности пользоваться этой свободой. Зима 1954-1955 года была теплой. «Ни егорьевских, ни николевских морозов не было, – писал епископ Афанасий в одном из писем. – Местные жители говорят: «На Покров был южный ветерок, это значит, что зима будет теплая». Этому надо верить, так как природа живет по нашим праздникам и по старому стилю»⁹⁸.

Мечта о церковной работе

Несмотря на стеснения и проблемы со здоровьем, епископ Афанасий пытался вернуться к своим литературным и литургическим занятиям. В надежде собрать свои книги и рукописи, он писал знакомым, у которых они находились. Выяснилось, что далеко не все из того, что он спрятал, удалось сохранить. Многие друзья епископа Афанасия прошли через тюрьмы, а при обысках у них были изъяты и уничтожены архивы и библиотеки.

Владыка мечтал завершить свои литургические труды. Он прекрасно понимал, что исправлением богослужебных книг или нормализацией Типикона стоит заниматься лишь в постоянном контакте с органами церковного управления, способными реализовать его предложения на практике. Работать «в стол» не имело никакого смысла. Поэтому епископ Афанасий тяжело переживал, что его обращения к патриарху Алексию остаются без ответа. Эта боль звучит в его письме, адресованном архиепископу Симону (Ивановскому), соученику по Духовной академии: «Я сожалею и о том, что раньше писал патриарху. Когда в 1951 году меня спрашивали в спецчасти, кто возьмет меня на иждивение и могу ли я сам себя обеспечить, я выразил уверенность, что Патриарх даст мне работу по моей специальности и примет меня на покой – на иждивение в один из монастырей. Если бы я об этом тогда промолчал и никакого письма патриарху через спецчасть не посылал, может быть, я уже давно был бы на свободе. А как я упомянул о патриархе, его спросили обо мне, – и он ответил: «Я не считаю его своим»⁹⁹. Кроме того, епископ Афанасий справедливо опасался, что его идеи не вызовут в Патриархии особого энтузиазма. «По тем обрывкам изданий Патриархии, – пишет он, – которые случайно попадали ко мне, я заключаю, что по вопросам литургическим, которые исключительно меня интересуют, едва ли найдется общий язык. Одни мои взгляды покажутся слишком консервативными, другие слишком либеральными.»¹⁰⁰

В июле 1954 года, находясь в Зубово-Полянском доме инвалидов, шестидесятисемилетний архиерей пишет «Этапы и даты моей жизни». Этот документ – своеобразная автобиография епископа Афанасия, основное место в которой занимают даты арестов, названия тюрем и имена людей, с которыми Господь сводил его в тюремных камерах и на этапах. Он как бы подводит грустный итог своего 33-летнего архиерейского служения, в течение которого он управлял епархией – 2 года, 9 месяцев и 2 дня, провел на свободе, находясь не у дел, – 2 года, 8 месяцев и 2 дня, в ссылке – 6 лет, 7 месяцев и 24 дня, в тюрьмах и лагерях – 21 год, 11 месяцев и 12 дней. Трудно себе представить более яркую характеристику этой эпохи. После смерти епископа Афанасия «Этапы и даты» были опубликованы за рубежом, а в СССР они распространялись в машинописных копиях. Люди, которые перепечатывали или же переписывали от руки этот текст, не знали большей части личных имен и названий тюрем, упомянутых владыкой. И тем не менее оказалось, что сухой перечень не всегда понятных читателям фактов говорит об эпохе намного больше, чем многостраничные исторические исследования. Этот текст мы приводим целиком и без комментариев.

«Этапы и даты моей жизни»¹⁰¹

<i>Родился</i>	<i>2 июля 1887 г.</i>
<i>Скончался отец</i>	<i>23 февраля 1889 г.</i>
<i>Шуйское духовное училище</i>	<i>1896–1902 гг.</i>
<i>Начал прислуживать в алтаре</i>	<i>август 1899 г.</i>
<i>Владимирская духовная семинария</i>	<i>1902–1908 гг.</i>
<i>Прислуживал при архиерейском богослужении сначала митродержцем ректора, потом рипидоносцем</i>	<i>1902–1906 гг.</i>
<i>То же и иподиаконом</i>	<i>1906–1908 гг.</i>
<i>Посвящен в 1-ую степень церковного клира – чтеца</i>	<i>6 мая 1907 г.</i>
<i>Московская духовная академия</i>	<i>1908–1912 гг.</i>
<i>Пострижен в монашество</i>	<i>12 октября 1912 г.</i>
<i>Посвящен во иеродиакона</i>	<i>14 октября 1912 г.</i>
<i>Посвящен во иеромонаха</i>	<i>17 октября 1912 г.</i>
<i>Преподаватель Полтавской духовной семинарии</i>	<i>ноябрь 1912 г. – сентябрь 1913 г.</i>
<i>Преподаватель Владимирской духовной семинарии</i>	<i>1913–1918 гг.</i>
<i>Член Поместного Всероссийского Собора</i>	<i>январь–сентябрь 1918 г.</i>
<i>Член Владимирского епархиального совета</i>	<i>1918–1920 гг.</i>
<i>Наместник Владимирского Рождественского монастыря</i>	<i>1920–1921 гг.</i>
<i>Возведен в сан архимандрита</i>	<i>20 января 1920 г.</i>
<i>Настоятель Боголюбова монастыря</i>	<i>с 18 июня 1921 г.</i>
<i>Хиротонисан во епископа Ковровского</i>	<i>27 июня 1921 г.</i>
<i>Арестован</i>	<i>17 марта 1922 г.</i>
<i>В срочном порядке препровожден в Революционный военный трибунал и освобожден</i>	<i>18 марта 1922 г.</i>
<i>Арестован в Великую среду в заключении во Владимирской тюрьме был с митрополитом Сергием (Страгородским) архиепископом! Вятским Павлом (Борисовским), епископом Суздальским Василием (Зуммером)»</i>	<i>30 марта 1922 г.</i>
<i>Показательный суд во Владимире по обвинению в связи с пропажей церковных ценностей в Суздальском Спасском монастыре</i>	<i>27 мая 1922 г.</i>

Приговорен к 1 году заключения, по амнистии освобожден	28 мая 1922 г.
Арестован	15 июля 1922 г.
Во Владимирской тюрьме был с епископом Муромским Серафимом (Руженицевым)	
Без допроса освобожден	25 июля 1922 г.
Арестован	10 сентября 1922 г.
Во Владимирской тюрьме был с архиепископом Крутицким Никандром (Феноменовым), впоследствии митрополитом Ташкентским, архиепископом Астраханским Фаддеем (Успенским), епископом Звенигородским Николаем (Добронравовым), епископом Вязниковским Корнилием (Соболевым), епископом Переславским Дамианом (Воскресенским), епископом Суздальским Василием (Зуммером).	
Приговорен к 2 годам ссылки в Зырянский край, считая начало срока В Московской Таганской тюрьме был с епископом Коломенским Феодосием	14 ноября 1922 г.
В одиночке Таганской тюрьмы освятил для себя походный антиминос во имя Всех святых, в земле Русской просиявших, и несколько антиминов для раздачи отправлявшимся в изгнание	16 февраля 1923 г.
Этап	конец апреля – начало мая 1923 г.
В этапе следовал с епископом Дмитровским Серафимом (Звездинским) и епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем)	
Вятская внутренняя тюрьма	май 1923 г.
Город Усть-Сысольск. Митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский), епископ Звенигородский Николай (Добронравов)	май 1923 г.
Город Усть-Вымь	июнь–июль 1923 г.
Город Усть-Сысольск	июль 1923 г. –
Епископ Старо-Уфимский Авакум	
В Усть-Сысольском народном суде пересуд по делу о ценностях	апрель 1924 г.
Приговор: 1 год заключения. По кассации за давностью дело прекращено	
Село Усть-Кулома. Митрополит Кирилл, епископ Кинешемский Василий	июль 1924 г.
Село Керчемье	июль 1924 – январь 1925 г.
Пробыл в Зырянском краю по приговору	май 1923 г. – 14 ноября 1924 г.

- Пробыл без приговора сверх срока* 14 ноября 1924 г. –
20 января 1925 г.
- Возвратился во Владимир на церковное делание* февраль 1925 г.
- Арестован в Гавриловом Посаде Юрьевского уезда* 9 сентября 1925 г.
при поездке по епархии и препровожден
во Владимир для «выяснения личности»
- Освобожден* 10 сентября 1925 г.
- Арестован* 2 января 1926 г.
- Освобожден* 2 марта 1926 г.
- Назначен управляющим Ивановской епархией* ноябрь 1926 г.
Написал одну резолюцию – назначил
преподавателя Владимирского духовного
училища <...> на священническое место
в город Шую
- Предложено добровольно уехать из епархии или* декабрь 1926 г.
прекратить управление церковными делами.
Отказался оставить вверенную паству.
На замечание: «Если виновен, – судите», –
получен ответ: «Нам не выгодно вас судить»
- Арестован* 2 января 1927 г.
Московская предварительная тюрьма
(Лубянка 14)
- Бутырская – епископ Читинский Никифор.*
Внутренняя тюрьма (Лубянка 2). В одиночке
с Митрополитом Горьковским Сергием.
За «принадлежность к группе архиереев,
возглавляемой митрополитом Сергием
Страгородским» – три года Соловецких лагерей.
Глава «группы» митрополит Сергей получил
свободу и вернулся к возглавлению
Церковного управления.
- Этап* апрель-май 1927 г.
На этапе: мои однодельцы архиепископ
Свердловский Корнилий (Соболев) и епископ
Печерский Григорий (Козлов).
- Ленинградская пересыльная тюрьма.*
- Попов остров* май-июнь 1927 г.
Архиепископ Воронежский Петр (Зверев),
архиепископ Корнилий, епископ Григорий,
епископ Дмитриевский Иоасаф (Жевахов),
архиепископ Херсонский Прокотий (Титов).
- Командировка Разноволока*
- Сторож Рыбпрома* июнь 1927 г. –
июнь 1928 г.
Приезжала на свидание мама.
Жил в ней в с. Сорочке 5. Простился 13 ноября
1927 г. Это было последнее с ней прощание.
Архиепископ Свердловский Корнилий,
епископ Красноярский Амфилохий, епископ
Златоустовский Рафаил.
Командировка Чупа-Пристань. Сторож.

<i>Счетовод хозчасти</i>	<i>июнь-июль 1928 г.</i>
<i>Попов Остров</i>	<i>август-сентябрь 1928 г.</i>
<i>Город Кемь. Сторож склада</i>	<i>октябрь 1928 г. –</i>
<i>Епископ Каменец-Подольский Амвросий</i> <i>(Полянский), епископ Вязниковский Герман</i> <i>(Ряшенцев).</i>	<i>декабрь 1929 г.</i>
<i>Арестован</i>	<i>23 декабря 1929 г.</i>
<i>Этапирован на Соловецкий остров</i>	<i>24 декабря 1929 г.</i>
<i>Возвращен на Попов остров</i>	<i>1 января 1930 г.</i>
<i>Болезнь сыпным тифом</i>	<i>январь-февраль 1930 г.</i>
<i>Пробыл в Соловецких лагерях:</i> <i>по приговору</i>	<i>июнь 1927 г. –</i> <i>2 января 1930 г.</i>
<i>без приговора сверх срока</i>	<i>2 января –</i> <i>23 февраля 1930 г.</i>
<i>Этапирован в Туруханский край на три года</i> <i>Этап</i>	<i>23 февраля –</i> <i>30 апреля 1930 г.</i>
<i>Тюрьмы: Ленинградские Кресты, Новосибирская,</i> <i>Красноярская пересыльная и внутренняя.</i> <i>В последней встретился с митрополитом</i> <i>Кириллом</i>	<i>апрель 1930 г.</i>
<i>г. Красноярск, г. Енисейск, станки Старый</i> <i>Туруханск, Мельничное</i>	<i>июнь 1930 г. –</i> <i>январь 1932 г.</i>
<i>Получил известие о смерти матери,</i> <i>скончавшейся 16 ноября</i>	<i>21 ноября 1930 г.</i>
<i>Арестован</i>	<i>январь 1932 г.</i>
<i>Туруханская каталажка 1 1/2 – 2 недели</i>	<i>февраль 1932 г.</i>
<i>Освобожден без права выезда из Туруханска</i> <i>Недели через 1 1/2 снова арестован</i> <i>и был в каталажке 1-1 1/2 недели</i>	
<i>Освобожден, направлен в станок Селиваниху,</i> <i>где жил у митрополита Кирилла</i>	<i>февраль-июнь 1932 г.</i>
<i>Станок Пупково</i>	<i>июнь 1932 г. –</i> <i>июль 1933 г.</i>
<i>Пробыл в Туруханском крае</i> <i>по приговору</i>	<i>30 апреля 1930 г. –</i> <i>2 января 1933 г.</i>
<i>без приговора сверх срока</i>	<i>2 января 1933 г. –</i> <i>6 августа 1933 г.</i>
<i>Возвратился во Владимир</i>	<i>август 1933 г.</i>
<i>Был на свободе, большую часть</i> <i>«тайно образуя», – не служил</i>	<i>август 1933 г. –</i> <i>17 апреля 1936 г.</i>
<i>Арестован</i>	<i>18 апреля 1936 г.</i>
<i>Обвинение: «Связь с Ватиканом</i> <i>(у меня не было ни одного знакомого не только</i> <i>католического священника, но и рядового</i>	

католика. Я много позднее завел такие знакомства в Мариинском пересыльном пункте, а потом в Дубравлаге) и связь «с белогвардейцами на Украине» (у меня была теплая дружеская переписка с моими Полтавскими учениками, но она оборвалась в 1917 г.. Впрочем, по поводу этих обвинений на допросах не было ни единого слова! Речь велась исключительно только о том, почему я, вернувшись из Туруханска, уклонился от участия в группе архиереев, возглавляемой митрополитом Сергием.

Приговорен к 5 годам
Беломорско-Балтийских лагерей.

Тюрьмы:

Владимирская, Ивановская внутренняя
и пересыльная

апрель-сентябрь 1936 г.

Этап:

Архиепископ Владимирский Сергей (Гришин),
епископ Вологодский Ювеналий (Машковский),
архиепископ Звенигородский Филипп
(Гумилевский). Епископ Ювеналий только что
был назначен на Вологодскую епархию, и первая
и единственная служба его на этой епархии был
молебен в Вологодской тюрьме, совершенный
нами, тремя архиереями.

В Вологодской тюрьме встретился с моим
учеником по Владимирской семинарии
епископом Вороговским Василием (Лебедевым),
антониновского поставления, но воссоединенным
митрополитом Сергием.

Пересыльные тюрьмы:

Ярославская, Вологодская, Ленинградская

Сентябрь – октябрь
1936 г.

Беломорские лагеря

ноябрь 1936 г. –
июнь 1941 г.

Работал инкассатором в городе Медвежьегорске

декабрь 1936 г. –
январь 1937 г.

За похищенные у меня деньги, 1000 рублей, –
взыскана эта сумма и прибавлен 1 год заключения

февраль 1937 г.

Арестован пред майскими праздниками 1937 г.
и вывезен в дальний лагпункт

апрель 1937 г.

Возвращен после праздников в Медвежьегорск

май 1937 г.

Отправлен на лагпункт в Водораздельное
отделение

май 1937 г.

Работал на лесобирже, на лесоповале,
на строительстве круглолежневой дороги. Был
дневальным, бригадиром лаптеплетной бригады.

Арестован и без предъявления обвинения
заключен в штрафизолятор
По милости Божией избежал великой опасности.
Многие бывшие со мной остались там навсегда.

август 1937 г.

Освобожден	октябрь 1937 г.
Арестован перед октябрьскими праздниками и отправлен в штрафизолятор	октябрь 1937 г.
Возвращен на прежний лагпункт	декабрь 1937 г.
Арестован перед майскими праздниками и заключен в КУР (камера усиленного режима)	30 апреля 1938 г.
Возвращен на прежний лагпункт	3 мая 1938 г.
В начале войны этапирован в Онежские лагеря. Прошли пешком около 400 километров, неся на себе свои вещи	июнь–июль 1941 г.
Работал на лесобирже. Нормы не выработывал, был на штрафном пайке, работал дневальным. Голодал, не было ни денег, ни посылок. Был доходягой	июль 1941 г. – июнь 1942 г.
Всего на этот раз в заключении пробыл по приговору	18 апреля 1936 г. – 18 апреля 1942 г.
без приговора сверх срока	18 апреля 1942 г. – 30 июня 1942 г.
Бессрочная высылка в Омскую область Совхоз Голышманово. Ночной сторож на огороде	июль–ноябрь 1942 г. декабрь 1942 г. – ноябрь 1943 г.
Город Ишим	

До сих пор все даты указаны по старому стилю. Начиная от настоящей даты, все дальнейшие будут по новому стилю.

Арестован	7 ноября 1943 г.
Тюрьмы: Ишимская, Омская, Московские: Внутренняя (Лубянка, 2), Военная Лефортовская, Бутырская, Красноярская	ноябрь 1943 г. – июнь 1944 г.
Приговор: 8 лет заключения	
Начало срока	9 ноября 1943 г.
Сибирские лагеря	
полевые работы	август–сентябрь 1944 г.
ассенизатор	сентябрь 1944 г. – август 1946 г.
Арестован	август 1946 г.
Мариинский пересыльный пункт	
Московские тюрьмы: Внутренняя, Бутырская, Красноярская	август–ноябрь 1946 г.
Темниковские лагеря. Плетение лаптей.	декабрь 1946 – июль 1947
Дубравлаг. Инвалид без работы по возрасту – в июле 1947 г. исполнилось 60 лет	июль 1947 г. – май 1954 г.
Здесь был митрополит Харбинский Нестор (Анисимов), архиепископ Чкаловский Мануил (Лемешевский)	

<i>Зубово-Полянский дом инвалидов</i>	<i>с 18 марта 1954 г. по 7 марта 1955 г.</i>
<i>Всего на этот раз в заключении: по приговору</i>	<i>9 ноября 1943 г. – 9 ноября 1951 г.</i>
<i>без приговора сверх срока</i>	<i>9 ноября 1951 г. – 7 марта 1955 г.</i>
<i>Освобожден из инвалидного дома на иждивение Г.Г. Седова</i>	<i>7 марта 1955 г.</i>
<i>В Тутаеве</i>	<i>10 марта 1955 г. – 24 октября 1955 г.</i>
<i>В Петушках</i>	<i>с 24 октября 1955 г.</i>
<i>27 июня (ст. ст.) 1954 г. исполнилось 33 года архиерейства.</i>	
<i>За это время на епархиальном служении</i>	<i>2 года, 9 месяцев, 2 дня.</i>
<i>На свободе, но не у дел</i>	<i>2 года, 8 месяцев, 2 дня.</i>
<i>В изгнании</i>	<i>6 лет, 7 месяцев, 24 дня.</i>
<i>В узах и горьких работах</i>	<i>21 год, 11 месяцев, 12 дней</i>

Обычно в жизни бывает: чем дольше разлука, тем больше ослабевают связи. Христианская любовь изменяет этот порядок. Мои добрые заботники, движимые христианской, а не мирской любовью, с каждым годом усиливают проявление своей заботы и попечения обо мне, с каждым годом умножают свою милостыню. Если в первые 2 года 4 месяца мне было прислано 72 посылки (в среднем около 30 в год), то в последний 1954 год их было уже 200. Да не оставит Господь Своею милостию моих благодетелей. Верю: изречет Он им во оный день: Приидите, благословеннии... В темнице был Я и вы посетили Меня... своею любовью, своими заботами и попечением.

Полусвобода

Из инвалидного дома епископа Афанасия забирал староста Воскресенского Собора города Тутаева Георгий Седов. Он стал официальным опекуном владыки. До нового места жительства они добрались вполне благополучно. После лагеря путешествие в плацкартном вагоне казалось верхом комфорта. Приободренный и выспавшийся владыка был радушно встречен местными жителями. Ему отгородили занавеской часть комнаты, где он и поселился.

Первой радостью жизни на свободе были книги. «Теперь у меня полный круг богослужбных книг, – сообщает он своим корреспондентам, – Я не могу налюбоваться на них»¹⁰²

Сюда, в Тутаев, к нему приезжают люди, которые в течение более чем двадцати лагерных лет поддерживали его своими молитвами, письмами и посылками. Встретившись с владыкой после столь продолжительного перерыва, они отмечали, как сильно он изменился. Действительно, за годы изгнаний

Епископ Афанасий
и исповедник
Георгий Седов.
Город Тутаев. 1955.

он превратился в седого слабого старика. «Но он по-прежнему шутил, и все, что он рассказывал о своем пребывании в лагере, в ссылке, дышало искренним юмором. А в глубине его скорбных глаз светилась теплая, печальная любовь. Было видно, что он пережил эти годы остро и скорбно, не за себя, а за всех тех, с кем свела его судьба в исключительно тяжелых условиях. Скорбь и любовь к этим бедным, подчас очень слабым людям осталась в сердце Святителя до конца его дней.»¹⁰³

Вскоре после выхода из инвалидного дома епископ Афанасий получает письмо от патриарха Алексия с приглашением посетить Троице-Сергиеву лавру. Связанный подпиской о невыезде и к тому же крайне плохо себя чувствующий, владыка отказался от этого приглашения, однако спустя совсем немного времени ему все-таки удалось посетить этот монастырь, в стенах которого он когда-то провел пять самых счастливых лет своей жизни.

«Ужасно, ужасно!...»

Если из-за колючей проволоки, при почти полном отсутствии информации из внешнего мира начавшееся воссоздание церковной жизни радовало и вселяло надежду, то теперь, оказавшись на свободе, епископ Афанасий с ужасом смотрел на разгромленную русскую церковь. «Я был в Сергиевой Лавре, – писал он священнику Иосифу Патапову. – В Троицком соборе нет ежедневного богослужения. Гробницам преподобных Никона, Дионисия и <...> Серапиона нельзя поклониться... Около Академии было академическое кладбище. Его нет уже там. И покойники не оставлены в покое... Часть здания Академии отдана Академии... Но академический храм отдан светской школе, и в бывшем алтаре, может быть, пляшут девицы. Ужасно, ужасно. В Коврове скончался о. Евгений Лавров. Архиереем¹⁰⁴ дано указание, чтобы со стороны духовенства по отношению к похоронной процессии торжественных акций не проявлять и в облачении

на улицу не показываться.. . <...> Хочется плакать... и нередко плачу. <...> Сердце кровию обливается, слезы невольно навертываются на глаза при всяком празднике, особенно празднике русских святых... Я радуюсь, что хоть немногие мои книжицы сохранились. Но сколько и горя приносят мне мои книги, сколько тяжелых дум, тайных слез и вздыханий. Когда не было у меня книг, я многое если не забыл, то не так сильно вспоминал. А теперь все живее и ярче встает... Заглянешь в Минеи, посмотришь в месяцеслов, раскроешь Булгакова на разделе о монастырях¹⁰⁵, начнешь ли читать сочинения по агиологии, по русской истории, по истории богослужения... и сердце сжимается, глаза затуманиваются... Правверные евреи едут в Палестину и там в пятницу вечера у развалин храма Иерусалимского плачут о бывшей славе Израиля. И зовутся у них эти развалины «Стена плача»... У православного русского народа теперь на каждом шагу и каждый день стена плача!... Ужасно... Ужасно... Ужасно!»¹⁰⁶

Вспоминая Поместный Собор 1917-1918 годов и читая об его торжественном открытии, когда на Красную площадь вышли крестные ходы из 255 московских церквей, епископ Афанасий с горечью думал о том, что лишь немногие из этих храмов сохранились неразоренными. Действительно, если в 1913 году в Москве было 1532 храма, то в 1957 году – всего 213 (И это после того, как в послевоенные годы в ряде церквей было возобновлено богослужение!)¹⁰⁷.

На грустные размышления наводили и события церковной жизни. Так, прочитав восторженную статью о воссоединении с Православной Церковью западно-украинских униатов, епископ Афанасий не мог не вспомнить рассказы униатских священников, с которыми он встречался в лагерях. Само собой разумеется, владыка считал добровольное присоединение униатов безусловным благом, однако категорически не принимал насильственных методов, когда государство вынудило униатское духовенство объявить о самоликвидации своей церкви и присоединении к Московской патриархии. Епископ Афанасий не мог спокойно читать в Журнале Московской патриархии о том, что старые раны раскола удалось уврачевать любовью. «На днях Егор Егорович привез мне от епископа Исаии второй номер журнала¹⁰⁸ за текущий год. Там на 17-й странице – о воссоединении западно-украинских униатов. Весть об этом событии до меня дошла летом 46 года и весьма обрадовала меня. Но в августе того же года в Мариинской пересыльной тюрьме я встретился с униатским митрополитом Львовским и епископом Станиславским. Где третий епископ, взятый вместе <с ними>, они не знали, а четвертый умер в Киевской тюрьме, – на Украине всего и было четыре епископа. И моя радость рассеялась... Православной Церкви не нужны насильно присоединенные. Позднее я встретился с рядом украинских священников, некоторые, мне казалось, были близки к воссоединению, если бы не такую «любовию» воссоединяли. На «собор» во Львове 8–9 марта 46 года священники были привезены, причем их семьи не знали, куда их повезли. Только во Львове им самим объявили: будет собор. Или присоединяйтесь, или... И не стыдятся теперь ставить это «воссоединение» в заслугу и писать: «отторгнутое насилеием воссоединено любовью». Ужасно. Ужасно. И многое другое в том же №. Чтение журнала

произвело на меня такое впечатление, что на другой день пришлось пригласить врача, и меня теперь пичкают порошками и горькой микстурой.»¹⁰⁹

Однако епископ Афанасий никогда не смешивал ложь идеологии с внутренним содержанием происходящего. Так, например, из Тутаева он рассылает своим знакомым молитву «О мире всего мира». Эту молитву он составил еще в начале 50-х годов по просьбе заключенных священнослужителей. Прочитав о состоявшемся съезде в защиту мира¹¹⁰, они решили, что прежде всего необходимо молиться о мире. Составленную епископом Афанасием молитву его союзники решили включить в свое ежедневное молитвенное правило. В Тутаеве епископ Афанасий размножает эту молитву и рассылает ее своим корреспондентам, поскольку «молитва православных о мире полезнее и действеннее всех других начинаний в этом направлении.»¹¹¹ А несколько позже, в 1956 году, уже находясь на свободе, он составил и отправил в Патриархию доклад о том, что теперь следовало бы установить во всех храмах моление о мире. Эта ситуация очень показательна. В те годы борьба за мир входила в число государственных обязанностей Русской церкви. Осуществляемая по указке государства миротворческая деятельность смущала совесть многих верующих. Между тем, обладающий даром отделять внешнее от сущностного, епископ Афанасий, не сомневался в том, что каждый христианин может и должен молиться о мире всего мира.

Переезд

Юридическое положение епископа Афанасия оставалось неопределенным. С одной стороны, в справке об освобождении было сказано, что он полностью отбыл срок наказания и не имеет поражений в правах. Он даже принял участие в выборах, что означало возвращение ему всех гражданских прав. Однако через два месяца после прибытия в Тутаев, у него неожиданно взяли подписку о невыезде и потребовали два раза в неделю отмечаться в милиции. От дома, где жил епископ Афанасий, к отделению милиции дорога шла через овраги, и ходить туда два раза в неделю было крайне тяжело.

К бытовым трудностям епископ Афанасий относился философски, о чем свидетельствует добродушная приписка к одному из писем: «Сейчас, когда я писал Вам письмо, вдруг раздался сильный стук в стену. Я думал, что возвращаются от всенощной мои хозяева. Оказалось – это хулиганствующие ребята. Я хотел было рассердиться, но вспомнил, что когда был в приготовительном классе, я сам дергал звонки у парадных дверей и убегал... И ни разу не попался!»¹¹²

В Тутаеве он возобновил свои литургические труды, однако крайне угнетала оторванность от друзей и единомышленников, с которыми было бы можно обсудить интересующие проблемы. «Много у меня замыслов. Хотелось бы многое написать и переписать. Но слишком удалены от меня мои помощники. А здесь полное одиночество... Не только нет помощника в моем деле, нет ни одного культурного человека, с которым можно бы поделиться моими

думами и который понял бы их. Мой опекун хороший человек, все время читает церковные книги, – но интересы у нас разные»¹¹³

В конце лета 1955 года патриарх Алексей назначил епископу Афанасию пенсию. Владыка был сильно смущен тем, что на него тратятся церковные деньги. «Расходование на меня столь значительных церковных сумм, – писал он патриарху, – не соответствует моему слишком непродолжительному служению Церкви Божией»¹¹⁴. Однако эта пенсия значила для него очень много. Теперь появлялась возможность покупать бумагу и оплачивать труд машинисток, которые перепечатывали его рукописи. И самое главное, теперь он мог переехать в свою родную Владимирскую епархию, где жили его друзья и близкие. В октябре 1955 года епископ Афанасий перебрался в Петушки, небольшой городок Владимирской области.

В сталинское и хрущевское время жизнь в городках расположенных на расстоянии чуть более ста километров от крупных городов, во многом определялась тем, что здесь имели права селиться отбывшие срок заключенные и другие люди, которым государство не позволяло постоянно жить в столицах. Сейчас для того, чтобы добраться до Петушков на электричке требуется всего два часа, но в 50-е годы такое путешествие занимало почти целый день. И тем не менее, родные Владимир и Москва были отсюда несравненно ближе, чем от Тутаева или Мордовских лагерей.

Первое время епископ Афанасий снимал небольшую комнатку, отделенную занавеской от основного помещения. Конечно, для изможденного и измученного старца это было далеко не идеальное жилье. С течением времени друзьям владыки удалось купить для него небольшой домик. Так что последние годы жизни он прожил даже с относительным комфортом. Наконец-то у него появилась возможность посвятить себя завершению тех литургических трудов, подробности которых он десятилетиями обдумывал в лагерях и на этапах.

Исправление богослужебных книг

Исправление славянского текста богослужебных книг и приближение его к пониманию современников епископ Афанасий считал одним из наиболее действенных путей катехизации. «Наш русский народ, – писал он, – не мыслитель в узком смысле этого слова, не философ, а более практик. Приняв христианство, он не сделался богословом-мыслителем, какими были греки. Русский народ стал по преимуществу обрядовером в хорошем смысле этого слова. Ведь русские приняли веру от Восточной Церкви потому именно, что они были восхищены красотой восточного обряда»¹¹⁵. И основы веры православной они узнавали не столько из богословских писаний вселенских отцов и учителей, каковых писаний не так-то много было у нас в обращении, сколько и главным образом из богослужебных книг.»¹¹⁶

Для того чтобы понять, что именно делал епископ Афанасий, надо сказать несколько слов о том, кто и зачем в XX веке пытался исправлять богослужебные книги.

В церковной публицистике начала века много говорилось о том, что богослужебные тексты трудны для понимания и это препятствует сознательному участию верующих в богослужении. В России, где отсутствовала традиция ежедневного чтения Библии, читаемые и поющиеся во время богослужения тексты были для многих прихожан единственной формой научения основам веры. На первый взгляд казалось, что наиболее простым способом сделать богослужение понятным является его перевод на русский литературный язык. Но на самом деле это не решало проблемы. Дело в том, что вплоть до революции существенная часть православного населения России училась читать не по русским букварям, а по церковнославянским Часослову и Псалтири. Это был тот основанный на заучивании текстов способ обучения грамоте, над которым когда-то издевался Франсуа Рабле. Русские крестьяне, прошедшие такой курс домашнего обучения, не могли читать газеты или произведения русской классической литературы, зато знали наизусть много славянских псалмов и молитв. Еще в XIX веке в русской деревне тех, кто умел читать Псалтирь, было намного больше, чем читателей Пушкина или Толстого¹¹⁷. Для существенной части населения России русский перевод сделал бы богослужение менее понятным. К тому же наиболее активная часть прихожан знала многие молитвы и песнопения наизусть и новый русский перевод мог смутить их.

Удачным решением казался не перевод, а осторожное приближение церковнославянского языка к русскому. В 1907 году при Синоде была образована специальная комиссия, которая занималась исправлением богослужебных книг¹¹⁸. Возглавил эту комиссию архиепископ Сергей (Страгородский), в будущем митрополит Владимирский, а затем местоблюститель патриаршего престола и патриарх. Комиссия издала исправленный текст Постной и Цветной Триоди (книг, содержащих богослужебные последования пасхального цикла). Чтобы не смущать прихожан, редакторы оставляли неприкосновенными общеизвестные молитвы, а в остальных текстах они исправляли в первую очередь порядок слов, приближая грецизированный синтаксис изысканных византийских молитв к русскому. Менялись некоторые малоупотребительные слова и грамматические формы, и текст становился более понятным.

Поместный Собор 1917–1918 годов придал этой комиссии статус постоянно действующего учреждения, однако революционные события и прекращение издания церковной литературы лишили ее деятельность всякого смысла. Синод рассчитывал, что новая редакция богослужебных книг постепенно вытеснит старую. Члены Синода не учли лишь одного – революции, которая на десятилетия прервала издание церковной литературы.

Нетрудно догадаться, что за годы советской власти уровень церковного образования верующих заметно упал. Люди, изучавшие в детстве Закон Божий и основы церковнославянского языка постепенно уходили, а на смену им приходили те, чье детство было связано с кострами и пионерскими линейками. О церковнославянском языке они не имели никакого понятия. Непонимание богослужебных текстов и одновременно с этим желание прихожан молиться теми словами, которые они понимают, привело к чрезвычайно широкому распространению акафистов. Язык и поэтика акафистов намного проще, чем богослужебных канонов, но при этом их богословский и художественный уровень часто

оставлял желать лучшего. Распространение акафистов и постепенное вытеснение ими прекрасных древних песнопений вызывало у святителя Афанасия ужас. «Я решительный противник акафистов, которые много появляются в наше время, – писал епископ Афанасий архиепископу Мануилу (Лемешевскому). – В большинстве случаев это сорняки, которым засоряется наше прекрасное, наше дивное богослужение. Эти лопухи совсем заглушают дивные по красоте, благоуханные цветы нашей древней церковной поэзии <...> Некоторые церковные старушки с великим умилением молятся: «Матушка Царица Небесная Владимирская, спаси нас. Матушка Царица Небесная Иверская, спаси нас. Матушка Царица Небесная Итрия (т.е. Одигидрия), спаси нас». Я сам слышал такую молитву, верю, что Царица небесная с любовью примет такую, в простоте сердца возносимую молитву. Но значит ли это, что так формулированную молитву должно внести для общецерковного употребления в состав нашего богослужения и даже в замену древних песнопений, в том числе и боговдохновенных псалмов Давида?»¹¹⁹.

Способ хоть как-то изменить ситуацию и сделать столь любимое им церковное богослужение более понятным молящимся, епископ Афанасий видел в продолжении и доведении до конца трудов, начатых Комиссией митрополита Сергия¹²⁰. Как мы уже сказали, Сергиевская комиссия успела издать в исправленном виде Постную и Цветную триодь. Именно эту версию триодного текста святитель Афанасий рассматривал как современную, утвержденную священноначалием. Возвращение к прежней редакции святитель считал недопустимым и рецензируя составленный митрополитом Мануилом (Лемешевским) Чин архиерейского отпевания, он указывал как на серьезный недостаток использовать митр. Мануилом не исправленного текста Триоди: «Касаясь рассматриваемого нового богослужебного чина архиерейского отпевания, я полагаю, что в нем текст ирмосов канона Великой Субботы должен быть дан в новой редакции за послушание Высшему чиноначалию Русской Церкви – Святейшему Синоду, который своим благословением узаконил употребление нового исправленного текста песнопений Триодиона»¹²¹.

В своих литургических трудах святитель Афанасий пользовался исключительно исправленной версией триодного текста. Он прямо указывал на это в предисловии к составленным им Дополнительным минеям, куда входят службы русским святым, не включенные в стандартные Минеи: «Песнопения, употребляющиеся и в период пения Триодей Постной и Цветной, как например, ирмосы некоторых канонов, богородичны и др. здесь даются в редакции исправленной по благословию Святейшего Синода, в каковой они помещены в изданных по благословию того же Синода Триоди Постной 1912 года и Триоди Цветной 1913 года, и каковая редакция теперь является единственно законенной и потому обязательной для всех храмов Русского Патриархата»¹²².

Святитель Афанасий приступил к исправлению тех книг, которые не успела исправить и издать Сергиевская комиссия. Принципы его деятельности были близки тем принципам, из которых исходили справщики начала века. Так, например, он заменял синонимами те церковнославянские слова, которые в русском языке отсутствуют или же имеют другое значение: да радуется тварь и играет он исправлял на да радуется тварь и веселится; мир от лести свободняется исправлял на мир от обольщения свободняется, благоутробен

исправляя на благосерд, снитие – на схождение, вместо местоимений ми, ти еп. Афанасий предпочитал использовать более привычные современному человеку местоимения мне, тебе и т. д. В исправленном варианте богослужебных текстов менялся и порядок слов. Дело в том, что многие церковные песнопения воспроизводят порядок слов греческого оригинала, делая песнопения совершенно непонятными. Перестановка слов более привычным для нас образом делает текст более понятным. Так, например, фразу *управи нас к пристанищу всех спасения, поющих тя епископ Афанасий исправлял на управи к пристанищу спасения всех нас, поющих тя; оружие древле, жизни блаженное древо даровася хранити, за преслушание первозданного Адама исправляется на за преслушание первозданного Адама древле оружие приставлено было охраняти блаженное древо жизни и т. д.* Конечно же, и в исправленном виде богослужебные тексты, написанные в традиции изысканной византийской поэзии, достаточно сложны. Но все-таки тот вариант, который возник после осуществленного святителем редактирования, кажется существенно более понятным.

*«Можно ли спокойно петь
в стихире ему...»*

Для всей деятельности святителя было характерно стремление к точному следованию литургическому преданию, причем точность следования означает, в первую очередь, верность смыслу. В состав богослужения входят тексты, написанные в разное время и в разных странах. Образы, навеянные жизнью пустынников Синая, не всегда применимы к пустынникам северной Фивиады (едва ли возможно петь о мучимых жарой подвижниках, живущих в северных лесах). Именно соотнесение текста богослужебных книг с историческими реалиями было одним из направлений работы еп. Афанасия. Так, в частности, исправляются отдельные тексты, подчеркивающие местный характер службы прославляемого святого. В службе Антонию Римлянину словосочетание *стадо твое* последовательно заменяется на *всех нас, всех людей* и т. д. То есть молитва о конкретном месте, связанном с жизнью и подвигом прославляемого святого, и о братии конкретной обители, заменяется на *моление о всей Русской земле*.

На работу епископа Афанасия влияли и события церковной истории XX века. Для него было совершенно невозможно, совершая службу русским подвижникам, петь о благоденствии и процветании созданных этими подвижниками обителей, теперь уничтоженных и оскверненных. «На прошлой неделе, – писал владыка священнику Иосифу Потапову в мае 1955 года, – мы справляли службы, опущенные на Страстной и Пасхе. Как было петь в стихире мученику Авраамии: “О велие дарование граду Владимиру! аки богатство небесное принесошася в онь... Мощи мученика Авраамия... комуждо... во утешение”. Где сии святые мощи? . Сначала, выкинутые из раки, валялись беспризорные на одной из гробниц в придельном алтаре, потом оказались в музее, теперь, по видимому, выкинуты и оттуда! . Ужасно, ужасно... Правили мы службу святителю Нифонту. Можно ли спокойно петь в стихире ему: “Храмы молитвенные

ко умножению славы Божия воздвигл еси, яже благолепно предукрасив, словесныя своя овцы, аки в небесную ограду собирал еси...” В каком положении многочисленные храмы, построенные им? Собираются ли словесные овцы в Софийском соборе, в котором святитель Нифонт устроил новый иконостас и расписал притворы? А теперь говорят, что у нас такая свобода, какой не было при Нифонте. Завтра память святого князя Всеволода. Совершается ли собор его во Святой Софии, получившей от него новые льготы, и в построенном им Предтеченском храме, которому он также даровал льготную грамоту...».¹²³

Редактируя службы русским святым святитель Афанасий достаточно последовательно заменяет пассажи, в которых говорится о верующих, приходящих к мощам и получающим через них исцеление. Таким образом он исправлял, например, службу святителю Тихону Воронежскому:

хвалим тя, блажаще, богомудре отче
Тихоне, любовию притекающе к раце
мощей твоих благодать приемлем:
прикосновением во болезни врачуети

честна смерть твоя пред Богом, че-
стен и гроб, иже облагодатствованное
твое содержит тело

Аналогичным образом Святитель правил и службу Антонию Римлянину, Новгородскому Чудотворцу

Днесь Великий Новград, яко новаго Авраама, пресельника тя преславно отче прием, радуется: блаженна же обитель и мущи мощи твоя в себе zelo веселится: от Рима бо на камени по водам пришел еси в Великий Новград. Тем память твою торжествующе, воспевают Бога, тебе даровавшего стену неразорищу. Мы же, чада твоя, твоим повелением наставляеми, ныне преславное твое усновение празднующе, молимся спастися душам нашим.

хвалим тя, блажаще, богомудре отче
Тихоне, любовию притекающе к тебе
благодать приемлем: молитвами бо
твоими болезни врачуети

честна смерть твоя пред Богом, сла-
вна память твоя

Днесь Великий Новград, яко новаго Авраама, пресельника тя преславно отче прием, радуется: от Рима бо на камени по водам пришел еси в Великий Новград. И ныне память твою торжествующе, воспеваем Бога, тебе всей Русской земле даровавшего стену неразорищу. Мы же молим тя, преподобне, моли спастися душам нашим.

Владыка обращал внимание и на несообразности, встречающиеся в хорошо известных песнопениях. На один из таких примеров указывала в своих воспоминаниях Н.А.Тропани: «С обоих томов Октоиха я переносила правку Владыки. В Октоихе, забыла в каком гласе, были слова: «Адам вопияше: «Боже отцев наших». Владыка написал на полях: «Адаму не свойственно было вопиять: «Боже отцев наших», поскольку отцев-то не было у Адама».¹²⁴

Святитель Афанасий стремился к тому, чтобы богослужебные тексты никого не смущали и не обижали. Именно поэтому Святитель предложил изменить текст тропаря свт. Димитрию Ростовскому, исключив оттуда резкие высказывания о старообрядцах

Православия ревнителю и раскола искоренителю, Российский целебниче и новый к Богу молитвенниче, списаньми твоими вѣнх ѹцеломудриа еси, цевнице дѹховная, Димитрие блаженне

Православия ревнителю житий святыхъ писателю и о Русской земле молитвенниче, писаниями твоими нас ѹслаждаеши, свирель дѹховная, Димитрие блаженне

Аргументируя эту правку, святитель Афанасий ссылался на старообрядческого наставника, поместившего статью в Журнале Московской Патриархии вполне благожелательную статью. «То обстоятельство, – писал епископ Афанасий, – что один из видных представителей старообрядчества не боится открыто указывать на заслуги Синодальной Церкви <...> нельзя рассматривать иначе как шаг к сближению, который первыми делают старообрядцы. Не должны ли и мы с любовью пойти к ним навстречу? И одним из первых наших шагов в этом направлении должно быть исключение всяких резких выражений по отношению к старообрядцам там, где это возможно сделать. <...> Из богослужения всякие резкие выражения по отношению к старообрядцам должны быть незамедлительно удалены»¹²⁵. Священноначалие не поддержало этого предложения святителя Афанасия и до сих пор в православных храмах тропарь святителю Димитрию поется в прежней «антистарообрядческой» редакции.

Святитель работал над своими богослужебными книгами в те годы, когда на территории СССР изданий богослужебных текстов практически не осуществлялось. Поэтому те материалы, которые сохранились в архиве, – это не окончательно подготовленные к изданию тексты, а черновые материалы. Трудно сказать, что из внесенных им исправлений епископ Афанасий сохранил бы в случае, если бы представилась реальная возможность довести эти книги до печатного станка. Понимая, что в ближайшее время Московская патриархия не сможет создать органа, подобного этой комиссии, епископ Афанасий работал на будущее, не сомневаясь в том, что когда-нибудь его труды окажутся востребованными. Он хотел, чтобы после его смерти все подготовительные материалы по исправлению богослужебных книг были переданы в библиотеку Московской духовной академии. «Собрание моих богослужебных

книг, с моими заметками и исправлениями, – писал он свящ. Иосифу Потапову, – я предполагаю завещать Московской Духовной Академии. Может быть, когда-либо настанут времена более благоприятные и мое собрание облегчит подготовку к новому изданию круга богослужебных книг»^{126 127}. После смерти Святителя часть исправленных им книг была разобрана и перепечатана на машинке, однако в библиотеку Московской духовной академии эти материалы так и не попали. Эти материалы остаются невостребованными до сих пор, однако хочется верить, что и эта сторона наследия владимирского святителя дождется своих публикаторов.

Службы русским святым

Если предпринятое святителем редактирование богослужебных книг не оказало влияния на те книги, которыми мы сейчас пользуемся, то его труды по собиранию служб русским святым имели более счастливую судьбу. Мысль о том, что необходимо собрать и включить в церковную практику отсутствующие в стандартных минеях службы русским святым, была высказана еще Собором 1917–1918 годов. А возникла эта проблема еще в XVII веке, когда из церковного устава и служебных миней исключили десятки памятней русским святым. Это делалось для того, чтобы устав Русской церкви как можно меньше отличался от устава Церкви греческой.

Поскольку многие из тех святых, службы которым были исключены из миней, продолжали почитаться, эти службы распространялись в списках и в виде отдельных брошюр, издаваемых с благословения Синода. К началу XX века таким образом переиздали более 70 служб русским святым, однако включить эти службы в Минеи не решались. Лишь в 1909 году благодаря энергии архиепископа Антония (Храповицкого), занимавшего тогда Волынскую кафедру, была издана Дополнительная минея, куда вошло более двух десятков малодоступных церковных служб. Однако до решения проблемы было еще очень далеко.

Собор 1917–1918 года, на котором, как мы помним, был восстановлен праздник Всех святых, в Земле Российской просиявших, принял постановление о создании полного месяцеслова, в который вошли бы сведения о всех русских святых – как общецерковно, так и местночтимых. Собором была разработана программа сбора сведений о русских святых и службах им, а реализовывать эту программу были должны академик Б.А.Тураев, профессор Московской духовной академии С. С. Глаголев, секретарь патриарха Тихона архимандрит Неофит (Осипов) и иеромонах Афанасий (Сахаров). В ситуации гонений и расколов члены этой комиссии не имели возможности выполнить поручения Собора. И лишь в 50-е годы епископ Афанасий приступил к составлению многотомной дополнительной минее, куда должны бы войти сотни служб.

У святителя Афанасия не было возможности заниматься в библиотеках и архивах, однако изобретенный им способ поиска служб оказался, вполне

эффективным. Она начал рассылать по всей стране письма, с просьбой прислать службы святым, почитаемым в той или иной местности. Так, например, в июне 1960 года Святитель написал письмо наместнику Почаевской лавры архимандриту Севастиану, в котором просил помощи в поиске служб волинским святым: «Дело, которое меня занимает в настоящее время, это составление Дополнительной русской минеи, в которую должны войти, главным образом, те службы русским святым и в честь русских икон Богоматери, коих нет в наших печатных минеях, но которые или были напечатаны отдельно, или сохранились в рукописях. У меня недостает служб Вашим Волинским святым: князю Ярополку (22 ноября), святителю Стефану Владимиро-Волинскому (27 апреля) и на общий праздник Волинских святых (10 октября, 25 мая). Если в Лавре имеются еще службы, усерднейше прошу снять с них копии и прислать мне. И еще один вопрос к Вам и просьба. Я закончил составление русской Дополнительной Минеи на сентябрь месяц. Но у меня не хватает службы преподобномученику Афанасию Брестскому. Знаю, что таковая служба была составлена протоиереем К. Зноско и напечатана в Варшаве в 1929 г. Нет ли таковой службы у Вас? Если имеется, пришлите мне, пожалуйста, копию с нее»¹²⁸. Работая над Дополнительной минеей, святитель Афанасий не ограничивался сбором уже существующих служб. Включая в свою минею службы грузинским святым, он находил способы составить церковнославянский перевод этих служб. «Нам, православным русским людям, – писал он в октябре 1958 года епископу Зиновию (Мажуге), – подобает знать имена ваших грузинских святых и иметь возможность прославлять их в дни их памяти чтением хотя бы кратких молитвословий – тропаря и кондака. К сожалению, у нас в славянском переводе имеется только одна служба святой равноапостольной Нине. Поэтому я буду весьма благодарен Вам и Вашим добрым сотрудникам, если получу тропари и кондаки из существующих у вас служб грузинским святым в переводе хотя бы не на славянский, а на русский, более Вам известный. А я, с разрешения авторов перевода, постараюсь переложить их на славянский, как более привычный для нас при чтении молитвословий, и в таком виде внесу их в мой сборник»¹²⁹.

Стекавшиеся со всех концов страны материалы тщательно редактировались и приводились к единообразию в языковом и стилистическом отношении. И хотя при жизни Святителя об издании Дополнительной минеи не могла быть и речи, этот его проект все-таки был реализован. В 1978-1988 годах Издательство Московской патриархии выпустило служебные минеи, в состав которых вошли сделанные Святителем дополнения. Характерно, что осуществленный Издательским отделом минейный проект возглавлял игумен Иннокентий (Просвирнин), почитатель и хранитель архива епископа Афанасия. В рецензии на первые тома новоизданной минеи игумен Иннокентий указывал на то, что этот проект является продолжением трудов епископа Афанасия и реализацией идей Собора 1917–1918 года. «Богослужбно-календарная комиссия, – писал игумен Иннокентий, – осуществляя пожелание Богослужбного отдела Поместного Собора 1917–1918 гг., по указанию святейшего Патриарха Алексия <I>, ставила вопрос о необходимости соединения служб русским святым со службами святым Поместных Православных Церквей,

чтобы не нарушался Устав всей Восточной Церкви и вместе были учтены богослужбная практика и богатство агиологии Русской церкви. Председатель Комиссии, епископ Афанасий (Сахаров), участник Поместного Собора 1917-1918 гг., дал необходимое решение этого сложного литургического вопроса <...> Он осуществил редактирование текста всех Миней, чтобы приблизить пониманию современников церковнославянские языковые формы. Много труда он положил также на собирание отдельно изданных служб»¹³⁰. При этом языковая правка, которой епископ Афанасий подвергал службы русским святым, издатели Службной минеи учитывали лишь в крайне незначительной степени. «Полностью правку епископа Афанасия использовать в подготовленных к изданию текстах невозможно, – писал игумен Иннокентий (Провсирнин), – так как при подробном текстологическом анализе обнаружилась несовместимость предложенных им русифицированных форм со славянскими. Кроме того, предложенная правка не согласуется с нотированными изданиями многих текстов из состава Миней.» Составителей Службной минеи можно понять: сохранение правки Свяителя потребовало бы от редакторов огромной дополнительной работы. Ведь исправив всего лишь один тропарь, придется просматривать все тома Миней для того, чтобы один и тот же текст не читался в разных редакциях.

Отказавшись от предложенной епископом Афанасием языковой правки, составители Службных миней не только включили в служебные минеи собранные им службы, но и самостоятельно нашли значительное количество неизданных служб, предпринимая поиски в библиотеках и архивах. В результате объем изданных в 1978-1988 годах Службных миней (24 тома большого формата) более чем в два раза превышает объем дореволюционных изданий этой книги. Таким образом, Издательство Московской Патриархии не просто довела до печатного станка работу, начатую святителем Афанасием, но значительно, пользуясь своими техническими возможностями, дополнила это издание многими десятками служб, оставшихся недоступными епископу Афанасию. Святитель оказался посредником между Богослужбной комиссией, созданной Собором 1917–1918 гг., и людьми, издававшими богослужбные книги в 60–80-е годы XX века. Для того, чтобы показать близость Службных миней 1978–1989 гг., сравним это издания с основными положениями подготовленного Богослужбным отделом Поместного Собора 1917–1918 гг. проекта «О внесении в церковный месяцеслов всех русских памятней».

Проект «О внесении в церковный месяцеслов всех русских памятней»	Служебные минеи 1978–1989 гг.
В докладе говорилось о необходимости издания полного Месяцеслова с точным указанием всех празднеств в честь икон Божией Матери и всех памятней святых (вселенских и русских общецерковно– и местночтимых), с тропарями, кондаками и справками из житий.	Оглавление Миней фактически представляет собой такой месяцеслов. В случаях, когда не удалось обнаружить ни службы, ни даже тропаря с кондаком, имена святых все равно упомянуты в оглавлении. После служб помещены краткие жития.

Доклад предполагал внесение в месячные Минеи всех служб русским святым и исправление их. Службы местночтимым святым должны были помещаться в Минеи Дополнительные.	Требование включить в Минеи все имеющиеся службы русским святым реализовано полностью. Дополнительные местные Минеи не издавались.
Предполагалось издание полных лицевых святцев с изображением вселенских и русских святых, а также икон Богоматери.	При службах помещены прориси икон, а в конце томов – цветные репродукции.
Согласно докладу в каждой епархии должны быть составлены списки святых, близких данной епархии.	В Минеи включено значительное число служб соборам святых различных епархий.

Мечта Святителя об издании минеи, куда бы вошли службы всем святым, почитаемым Русскою Церковью, была осуществлена спустя более четверти века после его кончины. Эти Минеи представляют собой не только предназначенную для приходских нужд богослужебную книгу, но и уникальную антологию русской агиографии за тысячелетнее существование Русской Церкви.

Хрущевские гонения

Время правления Н.С.Хрущева, получившее с легкой руки Ильи Эренбурга название «оттепели», было временем выхода из тюрем и лагерей десятков тысяч невинно осужденных, временем появления независимого общественного мнения, временем восстановления прерванных репрессиями научных и культурных традиций. Если для светской культуры хрущевская оттепель была несомненным благом, то для церковных организаций она оказалась временем новых гонений.

Как известно, начатая Хрущевым борьба с «отдельными нарушениями социалистической законности» (так на официальном языке называлась система ГУЛАГа) велась под лозунгом «возвращения к ленинским нормам». Однако религиозным организациям в начале 20-х было совсем не сладко, и в этом отношении Хрущев оказался достойным продолжателем дела Ленина.

Вера в то, что коммунизм в СССР будет построен уже в самом ближайшем будущем, не допускала существования какой-либо альтернативной идеологии. Прагматическая церковная политика послевоенных лет сменилась романтико-революционной борьбой с пережитками прошлого. Глава государства совершенно серьезно обещал в ближайшем будущем показать по телевизору последнего попа.

Послевоенное смягчение государственной политики по отношению к Церкви теперь воспринималось как одна из многочисленных ошибок сталинского руководства, вследствие чего резко усилилась атеистическая пропаганда.

На заднем плане
справа налево:
Анна Ивановна Кондратьева,
Нина Сергеевна Фиолетова,
Евгения Москвина.
Петушки. 1960–62 гг.

да. Вместо закрытого во время войны журнала «Безбожник» стал издаваться новый ежемесячник «Наука и религия». Ужесточился контроль за религиозной литературой, причем были перекрыты фактически все каналы ввоза книг религиозного содержания из-за рубежа. В 1958 году прошла массовая чистка церковных библиотек, заключающаяся в конфискации огромного количества неугодных властям книг. Одновременно с этим резко усилилось административное давление на церковные организации. Власти теперь уже не открывали новые храмы, а наоборот, закрывали существующие. Если в 1957 году в стране было зарегистрировано 13430 действующих храмов, в 1959 году – 13324, то в 1961 году – уже только 11572¹³¹.

Несомненно, некоторая демократизация государственной системы затрудняла прямое наступление на Церковь. Это наступление теперь совершалось не под идеологическим, а скорее под экономическим флагом. Наиболее

чувствительным для Церкви было постановление Совета министров СССР (от 16 октября 1958 г.) «О налоговом обложении предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». Это постановление не только значительно увеличивало размер налогов на земли и помещения, находящиеся в пользовании религиозных организаций, но и обязывало свечные заводы отпускать свечи по нереально высокой цене, причем большая часть этой суммы забиралась в качестве налогов и якобы добровольных выплат в Фонд мира. Прихожане не могли покупать свечи по столь высокой цене, поэтому торговля свечами, всегда составлявшая основную доходную статью приходского бюджета, стала убыточной. Если до постановления «О налоговом обложении» выручка от продажи свечей составляла около 70% всех доходов Московской патриархии, то теперь о доходах говорить не приходилось. В целом ежемесячный налог на свечи составил 12 млн. рублей (для сравнения укажем, что на содержание духовных учебных заведений и выплату пенсий Патриархия тратила в месяц 2,75 млн. рублей). Таким образом, покупая свечи, верующие жертвовали не церкви (как они наивно полагали), а государству.

Однако экономическим давлением дело не ограничивалось. Особое внимание государству уделяло борьбе с монастырями. Если в 1957 году в стране было 57 монастырей с 3768 насельниками, то в 1961 году открытыми оставались 33 монастыря с 2327 насельниками¹³². Усиление гонений на монастыри не было случайностью. Монастыри были центрами паломничества, куда приходили верующие, в том числе и из тех населенных пунктов, где не было действующих церквей. Первое время давление на монастыри носило экономический характер: у насельников отбирали земельные угодья и технику, затрудняли работу монастырских гостиниц. Однако экономическое давление было не единственной мерой борьбы: год от года учащались случаи насильственного выселения монахов, заключения их в сумасшедшие дома и т. д. Власти боролись не только с монахами, но и с приезжающими в монастыри мирянами. Так, например, в день памяти преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре проводились массовые облавы. Задержанных паломников держали в милиции по несколько дней, требуя у них расписки, что они никогда сюда больше не придут.

Постановление ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым святым местам» обязывало местные власти не допускать верующих в места поклонения. Эти места огораживали, ставили милицейские кордоны, а в некоторых случаях просто уничтожали. Так, например, в Тамбовской области на месте святого источника у села Вязовое, была построена свиноферма.

В апреле 1961 года Совет по делам религий вынудил церковь провести реформу приходской жизни, которая заключалась в том, что священнослужители полностью устранялись от руководства приходом. Вся хозяйственная сторона деятельности контролировалась теперь старостой и приходским советом, в состав которого священнослужители не входили. Приходский совет приглашал священника как наемного работника и имел полное право его уволить. Поскольку при утверждении состава приходского совета и назначении старост власти имели право veto, эти органы оказывались в значитель-

ной степени подконтрольными государству. Для того чтобы утвердить это решение, в июле 1961 года в Москве собрался Архиерейский собор. Комитет по делам религий опасался, что собор выйдет из под контроля Комитета и не поддержит этого разрушительного для церковной организации решения. На собор были приглашены только правящие архиереи, да и то не все. Более того, многие из прибывших в Троице-Сергиеву лавру епископов считали, что они приехали на празднование памяти Сергия Радонежского, и лишь во время праздничного обеда они узнали, что в этот день откроется собор. Тех архиереев, которые выступали против реформы церковного управления, на собор не пригласили.

Епископ Афанасий пребывал на покое, поэтому никакого участия в церковной политике не принимал. Однако он прекрасно понимал, что происходит. Владыка тяжело переживал по поводу принятых под давлением государства решений собора 1961 года и с восхищением говорил об архиереях, решившихся выступить против этих решений. В первое воскресенье Великого поста, когда совершается особый Чин православия, включающий анафематствование еретиков и гонителей церкви, епископ Афанасий анафематствовал инициатора новых гонений Н.С.Хрущева.

На будущее Русской церкви епископ Афанасий смотрел без особого оптимизма. «Сказано, что врата адовы не одолеют Церкви¹³³, – писал он в одном из писем, – но нигде не сказано, что в России ... сохранится Церковь; Россия может окончательно потерять Ее...»¹³⁴. «Часто вспоминаю святыни Царьграда, великую Антиохию, славный Карфаген. Что осталось от них?... И с болью душевной и с тревогой вопрошаю: что станет с великой Россией, со святой Русью, с родными святынями, каков в дальнейшем будет русский народ-богоносец?»¹³⁵. В ситуации возобновившихся гонений, епископ Афанасий стал считать свое проживание на покое неоправданным дезертирством и несколько раз собирался проситься на епархиальное служение. Однако его здоровье было слишком слабым, и этим идеям не суждено было осуществиться.

Получая сведения о новых гонениях, епископ-исповедник молился в своей келии: «К Заступнице страны нашей, Приснодеве Богородице, притецем и к первописанной иконе Ея ныне припадем, верою зовуще из глубины души: О, Мати Божия, спаси землю Русскую, исцели сокрушение ея и верных людей утеши»¹³⁶.

Общественное мнение

Принципиальное отличие хрущевских гонений от ленинских и сталинских заключалось в том, что теперь оппозиционная молодежь видела в церкви своего врага. Если в 20-е годы вид поруганных храмов и арестованных священников приводил многих, далеких от церкви молодых людей к вере¹³⁷, то в 60-е такого уже не было. Зарождающееся независимое общественное мнение видело в Церкви лишь пережиток средневековья. Советские читатели тех лет легко отождествляли преследующую еретиков инквизицию с советской охотой на

инакомыслящих. Поэтому общество, чутко реагирующее на преследования неофициальных поэтов и художников, не обращало никакого внимания на закрытие церквей, аресты и притеснения священнослужителей. Интеллигентская молодежь, заполнившая храмы больших городов в 70-е годы, пока не хотела иметь ничего общего с церковью. Ориентированные на интеллигенцию священники еще только начинали свою проповедь, и о результатах говорить было слишком рано.

Тем не менее, появление распространяемой при помощи пишущей машинки неподцензурной литературы (ее называли «самиздатом») открывало новые возможности для миссионерского воздействия. Строго говоря, тиражирование неугодных властям литературных произведений не прекращалось никогда. Однако круг читателей этой литературы был весьма ограничен.

Во второй половине 50-х годов ситуация радикально меняется. Неофициальная литература получает широчайшее распространение среди интеллигенции, причем среди самиздатовских авторов оказываются люди, принадлежащие к культурной элите страны. Для советской интеллигенции чтение самиздата становится престижным занятием. Поэтому создание текстов, которые готовы читать далекие от Церкви читатели самиздата становится важной миссионерской задачей.

Епископ Афанасий, практически не имевший контактов с нецерковной молодежью, четко осознавал эту проблему. «Я часто думал: неверие современной молодежи основывается на обмане, которым их окружают. Их пичкают одной антирелигиозной литературой, а религиозную – умышленно скрывают. И думалось мне: искренний, благородный, думающий юноша, – пока он холодный – не теплохладный (от таких толку мало, хотя они и числятся среди верующих), – такой искренний, – но обманутый – если случайно встретится с религиозными апологетическими книгами, – он поймет обман, которым его окружали и может стать из Савла-гонителя ревностнейшим Павлом, не боясь гонений. В лагерях мне приходилось встречаться с людьми, которые прошли всю школу безбожия, начиная с детского дома, пионерства и т. д. и, как сугубо проверенные, были посланы на дипломатическую работу за границу; там о религии прочитали то, что здесь от них скрывалось, и действительно уподобились Павлу даже до уз, темниц и горьких работ.»¹³⁸

Сам епископ Афанасий не относился к тем, кто мог бы писать апологетические тексты, понятные получившей комсомольское воспитание молодежи. Однако четко осознавая эту проблему, он приложил максимум усилий для того, чтобы поддержать священника Сергея Желудкова, которому принадлежала первая попытка объединения церковного и светского самиздата.

Судьбу священника Сергея Желудкова определило чудо. Одна из его прихожанок исцелилась у мощей Ксении Петербургской. Советская печать стала обвинять исцеленную девушку в распространении ложных слухов. Выступивший в защиту своей прихожанки, священник был отстранен от служения, и против него было возбуждено уголовное дело. Вынужденный выйти за штат, Сергей Желудков посвятил себя правозащитной деятельности. Как правозащитник (отец Сергей был членом советского отделения «Международной амнистии» и участником многих правозащитных акций) он был хоро-

шо известен и в нецерковных кругах. Это давало ему возможность заняться миссионерской работой среди диссидентов.

В 70-е годы в самиздате появилось апологетическое сочинение отца Сергия «Почему и я христианин», которое было ответом православного священника на известную книгу Бертрانا Рассела «Почему я не христианин». Книга вышла уже после смерти епископа Афанасия. Зато другой труд – «Литургические заметки»¹³⁹ – владыке был известен. Не разделяя реформаторского пафоса отца Сергия, епископ Афанасий не мог не поддерживать его стремления сделать богослужение более понятным для верующих. Пытаясь помочь Сергию Желудкову стать клириком Владимирской епархии, епископ Афанасий так характеризовал его деятельность: «О. Желудков представляется мне как человек искренно и горячо любящий наше православное богослужение и ревнующий об очищении нашей современной богослужебной практики, которая, к сожалению, во многих случаях совсем не хочет считаться с Церковным Уставом и вместо того, что положено по Уставу, заполняет богослужение всякого рода отсебятиной. О. Желудков, как мне представляется, критически относится к современным искажениям и нарушениям обрядов и священнодействий. Его суждения и его деятельность, направленные к восстановлению уставных порядков, непонятны и неприятны для тех, у кого установившиеся порочные антиуставные традиции стали «уставом», и для которых напоминания об этом и попытки вернуть наше богослужение в законное церковно-уставное русло кажутся ересью с протестантским уклоном. А о. Желудков, по ревности своей, не только говорит и пишет, но и на практике в тех храмах, где приходится ему служить, по-видимому, старается проводить в жизнь то, о чем говорит и пишет. Это еще более вооружает против него ревнителей порочных традиций.»¹⁴⁰

Несмотря на хлопоты Святителя, свящ. Сергей Желудков так и не стал клириком Владимирской епархии.

Владыка Афанасий.
Петушки. 1962 год

Мода на старину

В конце 50-х годов среди интеллигенции возникает мода на русскую историю. Сотрудники научно-исследовательских институтов отправляются в отпуск в северные деревни, фотографируют деревянные храмы и часовни. Городские квартиры украшаются прялками, вышитыми полотенцами, иконами... В 60-е годы после публикаций эссе Владимира Солоухина «Письма из Русского музея» и «Черные доски» возникает массовая мода на коллекционирование икон¹⁴¹. Первоначально это увлечение не носило религиозного характера, но для многих интерес к истории стал поводом впервые прочитать Евангелия.

Епископ Афанасий застал лишь самое начало этого движения, однако чутко уловил его миссио-

нерский потенциал. Прочитав в книге В. Солоухина «Владимирские переделки» о том, в каком катастрофическом состоянии находится шедевр древнерусской архитектуры Георгиевский собор Юрьева-Польского, он написал специалисту по архитектуре Северо-восточной Руси Н.Н.Воронину письмо о необходимости включить собор в число памятников, подлежащих реставрации. Реставрацию храмов, хотя бы как архитектурных памятников, он считал безусловным благом. «Мне очень, очень хотелось бы <...>, – писал он протоиерею Иосифу Потапову, – поклониться святыням новгородским, усладиться созерцанием хотя бы с наружной стороны многих восстановленных и восстанавливаемых храмов, а вместе и поплакать слезами сердца об остающихся без службы церковной святых храмах, но вместе и утешиться. Пусть стоят хотя бы и закрытые храмы и своими крестами осеняют и охраняют Великий Новгород, и область его, и всю Святую Русскую землю... Нет службы в храмах новгородских, как и во многих других храмах!.. Сие за грехи наши!.. Но и в закрытых храмах совершается, непрерывно совершается служба Божия... совершается невидимо святыми Ангелами Божиими...»¹⁴².

Ценитель и знаток древнерусской живописи, епископ Афанасий тем не менее не считал правильным помещать в издаваемых Патриархией календарях репродукции древних икон. «Нам нужны такие снимки, – писал он, – которые могли бы быть изъяты из Календаря и употреблены в качестве икон не только в домах, но, может быть, в некоторых случаях и в храмах. Поэтому здесь должны быть такие изображения, которые принесли бы верующим только утешение. И, например, не следует помещать лишь на огорчение православным снимок с древней Владимирской иконы в ее теперешнем виде, со всеми изъянами, лишь раскрытую, но не реставрированную. Наше издание не для археологов и искусствоведов. Поэтому лучше дать снимок с хорошей, хотя бы и только что написанной копии с древней Владимирской иконы»¹⁴³.

Епископ Афанасий всячески приветствовал новые произведения духовной литературы. Так, прочитав составленное афонским архимандритом Софронием (Сахаровым) жизнеописание старца Силуана Афонского, он радовался тому, «что такими вещами теперь назидаются и наслаждаются»¹⁴⁴.

Привычка и традиция

Епископ Афанасий несомненно был традиционалистом и стремился без особой нужды не разрушать устоявшиеся нормы жизни церковных людей. Так, например, он резко отрицательно относился к тому, чтобы священнослужители стригли волосы. В начале XX века священнослужители носили длинные волосы, которые можно было заплетать в косичку. Однако в советское время традиционный облик священника претерпел изменения. Епископ Афанасий, который и в тюрьмах прилагал максимум усилий для того, чтобы избежать стрижки, не одобрял короткой прически священников. Однако он четко осознавал, что вопросы вроде стрижки волос являются делом традиции, а не церковного вероучения.

Такие вопросы могли стать темой для мягкого спора, а не для грозных обвинений. В этом отношении очень интересна его переписка с преподавателем Ставропольской духовной семинарии Д.П.Огицким, который не видел в коротких волосах священнослужителей ничего страшного.

Из письма епископа Афанасия проф. Д.П.Огицкому

«Хотелось бы мне знать, как именно Вы рекомендовали своим ученикам устраниваться с волосами, когда они (конечно, ученики, а не волосы) станут священниками. Ведь если говорить о острижении священниками волос, имея в виду древнюю практику, то надо непременно требовать, чтобы сверху выстригались гуменце, или плешь, и уж тогда только подстригать волосы в кружок, чтобы они изображали «венец»... Едва ли на это пойдут модные современные батюшки?...»¹⁴⁵

Из ответного письма Д.П.Огицкого:

«Святые отцы обрезали и выметали их вместе с мусором, как мы это делаем с обрезанными ногтями или шелухой от семечек. У нас же, в религиозном сознании большинства, церковный волос превратился в святыню, в непременное условие благодатности, в нечто почти столь же обязательное, как антиминс. Разве эта скверная бабья басня не унижает нашу веру? Мы с о. Михаилом¹⁴⁶ никогда не были сторонниками франтовства, светскости, “скобления рыл” (сам о. Михаил носит длинную бороду), но мы всегда были противниками карикатурной волосатости, непомерной, продиктованной суеверными, не церковными представлениями об обязанностях священника, и приносящей несомненный вред церковному делу. Вы скажете, что сердцу посетителей церкви мил традиционный облик батюшки, у которого железо никогда не всходило на голову. Да это так. Большинство прихожан любит железно бритую голову вместе с его грязными ногтями и нечесаными косичками. Но не следует ли смотреть на вещи шире? Во-первых, не все посетители церкви являются волосопоклонниками. А главное, может ли такой традиционного типа священник быть чем-то большим, чем требоисправителем, может ли он быть апостолом? Ведь внешность влияет и на поведение, и на самую психологию человека. Зарастая волосами – это все равно что уходить куда-то в дуло. Можно ли себе представить апостола Павла с длинными женскими волосами? Волосатость, даже благородная, если только она непомерная, отпугивает от священника многих, изолирует его. А что говорить про неблагообразную? Я наблюдаю ее на улицах и на железных дорогах во время своих путешествий и знаю, какой это ужас. Вы, может быть, скажете: по внешнему виду встречают, а по уму и по проповедуемому учению провожают. А я на это сказал бы: до ума и до учения доберутся, может быть, единицы, а большинство при виде такой, вызывающей содрогание, неряшливой фигуры получит такую крепкую зарядку отвержения, что у них навсегда, на всю жизнь пропадет всякое желание интересоваться внутренним содержанием религии, неразрывно связанной с такими формами. Вы, дорогой Владыко, конечно смотрите на это по-другому – глазами епископа и монаха, которому не приходится запросто расхаживать по улице и сливаться с толпой. А я нахожусь в другом положении, и вижу вещи с другой стороны, и мне кажется, что, чтобы сделать правильный вывод, надо учесть и то и другое. Чехов говорил: “В человеке должно быть все прекрасно”. Мне кажется, и в Церкви должно быть все прекрасно, и внешность священнослужителя тоже. И зачем лишний повод для поругания Церкви? И если канонические правила не запрещают священнику брать в руки ножницы (Трульск. 21,42), то их и не надо бояться. Что же касается подробностей,

какой длины должны быть волосы, то это вопрос уже второстепенный. В общем, я за длинные волосы, но не непомерно длинные. А “венец”? Венец никогда прямо не предписывался, и воскрешать традиции надо с разбором»¹⁴⁷.

Этот спор разрешила сама жизнь. Н.В.Тропани в своих мемуарах вспоминает о приезде в гости к епископу Афанасию молодого коротко остриженного священника. Молодой иерей произвел на Владыку хорошее впечатление, однако после его ухода он высказал сожаление по поводу остриженных волос. Прошло некоторое время, и епископ Афанасий узнал, как этот священник под видом родственника посещал в больнице умирающую женщину, исповедовал и причащал ее. Совершение религиозных обрядов в медицинских учреждениях было строжайше запрещено, и навещать больных мог лишь священник, во внешнем виде которого не было ничего, что бы обращало на себя внимание. Узнав об этом эпизоде, епископ Афанасий признал свою неправоту: «Я беру свои слова назад, – сказал он. – Отсутствие волос дает возможность батюшке проникать в больницу и напутствовать умирающих...»¹⁴⁸

Точно так же, владыка не требовал, чтобы все церковные женщины ходили непременно в платках. По свидетельству Н.А.Пазухиной, которая помогала епископу Афанасию вычитывать корректуры его работ, из москвичек к нему никто не ездил в платочках, а только в беретах или шляпках, и он считал это вполне естественным¹⁴⁹.

В случаях, когда благочестивая традиция вела к разрушению существенных особенностей богослужения, епископ Афанасий становился противником этой традиции. Так, например, он не признавал стояния во время богослужения на коленях, кроме моментов, специально предусмотренных Уставом. Он говорил, что человек должен предстать пред Лицом Божиим, как сын перед Отцом, почтительно, без дерзости, но не как раб. В особо важных местах богослужения следует класть земные поклоны, а не стоять на коленях.

Человек из прошлого

Церковный историк М.Е.Губонин, навестивший епископа Афанасия в 1958 году, сравнивал владыку с епископами-изгнанниками времен Вселенских соборов. «Глядя на него, – писал Губонин, – представляешь себе наглядно ту отдаленную эпоху догматических и иконоборческих смут в Византии, когда отправленные в отдаленные ссылки молодые святители и монахи – ревнители чистоты Православия, забытые всеми, – через десятилетия, как выходцы с того света, представляли пред глазами новых поколений древними старцами, убеленными сединами и с трясущимися руками, но с несокрушимым сильным духом и по-прежнему пылающей пламенной верой в свои незыблемые убеждения, в жертву которым они с такой готовностью принесли всю свою тягостную изгнанническую жизнь.»¹⁵⁰

Несмотря на то, что епископ Афанасий не имел поражений в правах, власти относились к нему с большим недоверием. Он не был реабилитирован, хотя и вызывался на допрос в связи с пересмотром одного из дел, по которому был когда-то осужден. 28 февраля 1958 года прокурор Владимирской области писал, что поскольку более 30 лет назад епископ Афанасий не скрывал, что у него как «человека верующего и служителя церкви нет и не может быть солидарности с воинственно безбожнической властью в вопросах его религиозного упования и религиозного служения»¹⁵¹, приговор был вынесен справедливо и оснований для реабилитации нет. В хрущевские времена реабилитировали в первую очередь бывших советских и партийных функционеров, арестованных во время партийных чисток. Служители церкви по-прежнему оставались врагами, в правильности осуждения которых власти не сомневались.

По горькой иронии судьбы, больше всего на свете любящий церковное богослужение, епископ Афанасий не имел возможности служить в храме. В Петушках была церковь, которую епископ Афанасий посещал, но служить в ней без особого разрешения светских властей он не мог. Епископ Онисим (Фестинатов) пытался добиться для епископа Афанасия разрешения хотя бы изредка совершать богослужение в местном храме – без молящихся и при закрытых дверях. Ответ всевышнего чиновника казался издевательством: служить в запертом храме разрешалось, но только иерейским, а не архиерейским чином. Владыка недоумевал, какое это может иметь значение при полном отсутствии молящихся, но от такого разрешения предпочел отказаться. Он служил дома, в своей келии, неукоснительно следуя предписания Типикона, хотя нередко по нездоровью приходилось служить сидя, а то и лежа.

Несколько раз владыке удавалось посещать столь любимую им Троице-Сергиеву лавру. После этих поездок к радости примешивалась печаль. Как это ни странно, но посещения Лавры наводили на мысли об обмирщении церковной жизни. «Был недавно в Лавре и служил там, – пишет епископ Афанасий после своей первой поездки. – Утешился после почти 30-летнего перерыва, но больше огорчился... Есть Лавра, и, в существе, нет Лавры.»¹⁵² «Теперьшние порядки совсем не те, что были раньше, – пишет он в другом письме. – Прежней Лавры – Лавры наших дней, Лавры Филаретовой нет. Много эффектов показных, но того, что привыкли мы находить в монастырях, – нет; нет даже истового монастырского богослужения... Оно торжественно, величественно, показательно, но того, что хотелось бы видеть в обители, – того нет. Грустно, больно, тяжело. <...> Что предвещает нам, что предвещает родине, что предвещает святой Церкви забвение и игнорирование священных традиций даже в Лавре Сергиевой?»¹⁵³ В апреле 1957 года, когда из-за болезни отменилась поездка владыки в Лавру, он пишет, что Господь спас его от искушения, поскольку из рассказов очевидцев он узнал, об уставных нарушениях во время того богослужения, на которое не попал.

В 1958 году праздновалось 850-летие города Владимира, и уполномоченный Комитета по делам религий скрепя сердце разрешил епископу Афанасию принять участие в праздничном богослужении, поставив условие, чтобы после службы он никого не благословлял, а сразу же сел в машину и

уехал. Выполнить это условие не удалось, поскольку Владимир хорошо помнил владыку и толпы людей буквально кинулись к нему, прося благословить. Совместное богослужение в древнем Успенском соборе, во время которого епископ Афанасий сослужил епископам Онисиму (Фестинатову) и Пимену (Извекову) – в будущем Патриарху Московскому – развеяло слухи о том, что владыка не признает Московскую патриархию. «Я особенно радуюсь тому, – писал в этой связи епископ Афанасий епископу Онисиму, – что мое сослужение с Вашим Высокопреосвященством должно теперь рассеять совершенно неосновательное мнение некоторых ревнителей, имеющих ревность не по разуму, которые, уклоняясь от посещения православных храмов, состоящих в ведении Московского Патриарха, оправдывают свое уклонение тем, что и епископ Афанасий не служит в храмах якобы потому, что считает их неправославными. Теперь эта неправда опровергнута со всей очевидностью.»¹⁵⁴

Однако несмотря на ту радость, которую давало епископу Афанасию служение в древних храмах, около мощей почитаемых им святых, он чувствовал, что физические силы его тают и на то, чтобы совершать дальние поездки регулярно, сил не остается. Последние годы своей жизни владыке пришлось ограничиться келейным богослужением, в чем, впрочем, были и свои преимущества. И дело было не только в так огорчавшем епископа Афанасия повсеместном сокращении церковных служб. Только в собственной келии было можно, например, молиться перед аналойной иконой, на которой была изображена царская семья и патриарх Тихон, горячим почитателем которых был владыка. Только в пространстве, лишенном посторонних глаз и ушей, было можно было каждый год 7 и 8 ноября (советские праздники, посвященные Октябрьской революции) проводить в строгом посте и молитве за Россию.

Свое и чужое

В 1960 году председателем Отдела внешних церковных сношений – внешнеполитического ведомства Московской патриархии – стал епископ Подольский Никодим (Ротов). С его именем связывают начало активных контактов Московской патриархии с неправославными церквями. В марте 1960 года Синод принял постановле-

ние о вступлении Русской православной церкви во Всемирный совет церквей. Активно дискутировался вопрос об участии наблюдателя Московской патриархии на Втором Ватиканском Соборе¹⁵⁵.

Православные верующие относились к расширению экуменических контактов достаточно настороженно. Это объяснялось многими причинами. Информация о жизни неправославных христианских церквей была крайне скудной. Малоизвестная дореволюционная литература носила в основном полемический характер, а советские публикации давали любым религиозным организациям исключительно негативную оценку. Единственной работой на русском языке, посвященной истории экуменического движения, была до сих пор неопубликованная диссертация Е.А.Карманова, защищенная в Ленинградской духовной академии в 1958 году.

Другой причиной негативного отношения верующих к экуменическим контактам было постоянное подозрение, что эти контакты осуществляются по прямому указанию властей и решают политические, а не церковные задачи. Верующие подозревали, что церковь выходит на международную арену лишь для того, чтобы доказать властям свою полезность. Действительно, участие в межцерковных встречах и конференциях заметно укрепляло положение Московской патриархии внутри страны¹⁵⁶. Это давало основания рассматривать международные, и в частности, экуменические контакты как политическую игру, поэтому многие верующие не считали нужным задумываться о богословских и экклесиологических проблемах экуменизма.

Между тем, руководители Московской патриархии, расширяя свое участие в межхристианском диалоге, руководствовались не только политическими мотивами. Вот как сформулировал свою позицию по этому вопросу митрополит Никодим (Ротов): «В нашем современном мире агрессивного атеизма различия между христианами гораздо меньше того, что объединяет их в противостоянии материализму и атеизму, и мы должны подчеркивать нашу общность, а не противоречия.»¹⁵⁷

Как же относился к этой непростой проблеме епископ Афанасий? Можно было бы предположить, что традиционалист и строгий уставщик, для которого, по его собственному признанию, из двух слов, «христианин» и «православный» милее и дороже было второе¹⁵⁸, окажется непримиримым противником межцерковного диалога. Однако здесь снова проявилась способность владыки отличать ложь политических деклараций от реальных церковных проблем.

Еще летом 1918 года иеромонах Афанасий, в числе других 35 членов Поместного Собора, подписал заявление о необходимости сформировать специальный соборный отдел, который бы занялся обсуждением вопросов, касающихся соединения христианских церквей. «Освященный Собор Православной русской церкви, собравшийся и работающий в таких исключительно тяжелых для всей христианской церкви условиях, когда волны неверия и безбожия грозят самому существованию христианской церкви, взял бы на себя огромную ответственность перед историей, если бы не поднял вопроса о соединении христианских церквей и не дал бы этому вопросу соответствующего направления в тот момент, когда огромная опасность со стороны неверия и безбожия угрожает не одному какому-либо христианскому исповеданию, а всему христианству.»¹⁵⁹

После Собора епископ Афанасий долгое время не соприкасался с этими проблемами, если не считать, конечно, того трагикомического факта, что в 1936 году он был приговорен к пяти годам лагерей за связь с Ватиканом. «У меня, – писал епископ Афанасий в этой связи, – не было ни одного знакомого не только католического священника, но и рядового католика. Я много позднее завел такие знакомства в Мариинском пересыльном пункте, а потом в Дубравлаге.»¹⁶⁰ (Выше уже говорилось о негативной реакции владыки на насильственное присоединение к православной церкви западно-украинских униатов¹⁶¹). Однако он несомненно следил за началом межхристианского диалога. Вскоре после того, как папский престол занял Иоанн XXIII, епископ Афанасий писал П.Н.Свитскому о том, что Рим ищет путей сближения: «Я слышал, – писал владыка, – что новый папа ищет путей сближения. Дай Бог! Но нам по отношению к ним нужно быть всегда начеку, надо быть хорошо оснащенный на случай всяких встреч и разговоров»¹⁶².

Основным делом, которому владыка посвятил последние годы жизни, было упорядочение богослужебной практики (мы еще будем говорить об этом), а также подготовка церковных календарей и практических пособий для священнослужителей. Епископ Афанасий считал необходимым помещать в этих изданиях материал, касающийся других христианских церквей. «У нас все крепче устанавливаются связи и с англиканами, и с протестантами, и с католиками, – писал он ответственному секретарю Журнала Московской патриархии. – Как важно было бы в знак наших добрых отношений поместить в нашем Календаре хотя бы краткие сведения об их праздниках.»¹⁶³

По той же причине он считал необходимым поместить в конце готовящейся к изданию книги «Богослужебные указания» специальный «Чин моления за усопших инославных». Епископ Афанасий писал, что перед революцией такой чин был составлен и подготовлен к изданию митрополитом Сергием (Страгородским), однако из-за начавшейся революции публикация его не состоялась¹⁶⁴. В одном из писем епископ Афанасий обосновывает необходимость публикации этого чина и рассказывает о подобном чине, составленном в Париже священником и философом Сергием Булгаковым. «От бывших в эмиграции я слышал: в Париже была чета евреев, искренно вознамерившихся принять православие. Но один из супругов, не успев принять крещения, скончался. В утешение оставшемуся в живых и ставшему христианином, протоиерей о. Сергей Булгаков составил специальный чин на этот случай, используя, между прочим, заупокойные молитвословия еврейского ритуала. Этот чин был одобрен митрополитом Евлогием.»¹⁶⁵

Большая часть жизни епископа Афанасия пришлась на эпоху «железного занавеса», когда информация о том, что происходит за пределами СССР практически не поступала. Поэтому у него почти не было личного общения с инославными. Однако он живо и радостно реагировал, когда видел реальное взаимопонимание людей, принадлежащих к разным культурным традициям. «А выдали ли Вы роскошный альбом «Древнерусские иконы» из серии ЮНЕСКО «Мировое искусство»? – спрашивал он П.Савицкого. – Какое понимание православия и православной иконы <продемонстрировал> вернее всего неправославный Отто Демус в своей вступительной статье!»¹⁶⁶

Не мыслитель, а уставщик

Епископ Афанасий всегда подчеркивал, что он не мыслитель, не созерцатель, а уставщик. «По части всяких философий я совсем профан, – писал он. – Моя специальность главным образом (да и то с грехом пополам) – поклоны, каждения, когда надо прочитать «Господи помилуй» 40 раз, когда – 12, когда – 3.»¹⁶⁷ Именно богослужебный устав, его внутренняя логика и изысканность, были в центре книжных занятий владыки.

Еще в конце 1955 года он получил от патриархии предложение участвовать в подготовке Церковного календаря на 1957 год и ежегодника «Богослужебные указания». Эти книги патриархия издавала ежегодно. В них содержалась информация об особенностях служб на каждый день года. Для епископа Афанасия такая работа была чрезвычайно интересным делом, и он с радостью согласился на предложение.

Но вскоре наступило разочарование. Стремясь приблизить богослужебную практику к требованиям церковного устава, епископ Афанасий предлагал вносить в готовящиеся издания такие изменения, которые казались неоправданными новшествами. Так, например, он предложил исключить из церковного календаря имена святых, сведения о канонизации которых казались малодостоверными¹⁶⁸. Эти исправления, противоречащие установившейся практике, никому особенно не нравились. Положение церкви было слишком нестабильным, и не хотелось, чтобы какая-нибудь атеистическая брошюра, со ссылкой на официальные издания Московской патриархии, сообщила бы читателям, что в течении долгого времени в храмах молились святому, которого церковь таковым не считает. Еще с меньше охотой принимались предложения епископа Афанасия по приближению богослужебной практики к предписаниям Типикона.

Поняв, что большая часть его предложений не принимается, владыка решил отказаться от этой работы. «Я с радостью принял сделанное мне в прошлом году предложение, – писал он, – но в процессе работы выяснилось, что некоторые мои уставно-богослужебные суждения оказались неприемлемыми. Поэтому я отклонил от себя как составление, так и редактирование “Богослужебных указаний”. Я согласился сделать только некоторые указания и советы. Но и эти последние в большинстве своем не были приняты во внимание. Посему я ни в коей мере не считаю себя ответственным за содержание “Богослужебных указаний”.»¹⁶⁹ Отказавшись от поста редактора, епископ Афанасий сохранил за собой статус консультанта, что давало ему возможность сообщать свою позицию сотрудникам издательства.

Неожиданно для владыки патриарх подписывает указ о создании специальной календарно-богослужебной комиссии, задачей которой должен был стать анализ сложных проблем богослужебной практики. Еще Собор 1917–1918 года планировал создание постоянного учреждения, занимающегося исправлением богослужебных книг и решением проблем, касающихся богослужебной практики. Епископ Афанасий полагал, что создание календарной комиссии является продолжением работы Богослужебного отдела

Слева направо:
епископ Афанасий,
монахиня Маргарита
(Зуева),
протоиерей Иосиф Потапов

Поместного Собора. «Ныне, – говорил епископ Афанасий на первом заседании Комиссии, – <...> при Московской патриархии учреждена постоянная Богослужбно-календарная комиссия, чем полагается начало проведению в жизнь тех мероприятий по упорядочению богослужения, которые намечались на Соборе 1917-1918 годов. И я не могу считать случайным то обстоятельство, что Господь судил первым возглавить нашу Комиссию именно мне, бывшему членом Священного Собора 1918 года, принимавшему деятельное участие в работах Богослужбного отдела Собора. Эта некоторая связь нашей Комиссии с Собором 1918 года, я считаю, возлагает на нас обязанность в предстоящей нам работе по вопросам, касающимся богослужения, руководствоваться теми пожеланиями, которые по этим вопросам высказывались на Соборе, и которые, в частности, были зафиксированы в докладе «Об упорядочении богослужения.»¹⁷⁰

Календарно-богослужбная комиссия просуществовала всего лишь один год. Непосредственные результаты ее работы были невелики. Однако благодаря Комиссии епископу Афанасию удалось ознакомить современных ему

литургистов и сотрудников Издательства Московской патриархии с идеями, сформулированными Собором 1917–1918 годов. Реализованы эти идеи были позже, уже после смерти владыки.

Та же судьба постигла и «Службу всем святым в земле Российской просиявшим». Составленная в 1918 году краткая служба постепенно превратилась в сложное и красивое богослужбное последование, совершаемое в течение трех дней. Текст службы размножался при помощи пишущей машинки и распространялся среди священнослужителей. Оставаясь неизданной, служба тем не менее была довольно хорошо известна верующим. Полностью «Служба всем святым в земле Российской просиявшим» была опубликована лишь в 1995 году, а за семь лет до этого, когда в 1988 году составлялся специальный чин празднования тысячелетия крещения Руси, многие части этой службы вошли в чинопоследование праздника.

При жизни епископа Афанасия его литургические идеи оставались практически невостребованными. Однако сделанное им не пропало и реализовывалось после его смерти. Вошли в общецерковное употребление службы русским святым, повсеместно празднуется память всех русских святых, постоянно переиздается книга «О поминовении усопших», лишь к исправлению богослужбных книг пока не приступили, но всему свое время.

«Молитва всех вас спасет»

Проведя большую часть жизни в тюрьмах и лагерях, епископ Афанасий скончался дома, окруженный людьми, которые его искренне любили. Это произошло 28 октября 1962 года. Его последними словами были: «Молитва всех вас спасет». Сохранилось довольно много описаний последних дней владыки, его отпевания и похорон. При этом почти все авторы мемуаров говорят о том, что на этих похоронах было больше тихой умиротворенной радости, чем скорби. «Я узнал

о его смерти в Москве, – вспоминал С.Фудель, – и поехал в Петушки. По дороге смущала мысль: неужели я больше не увижу его лица? Ведь по традиции лица духовенства и монашествующих после смерти закрывают материей. В дом было трудно войти. Народ стоял во дворе, на лестнице, в комнатах. <...> Наконец я вошел в комнату, где люди стояли вплотную и где в углу у гроба священник читал Евангелие. Я взглянул на гроб и был поражен: предо мной в полном голубом архиерейском облачении лежал с совершенно открытым лицом владыка. Где же традиция? Все отошло перед иной правдой. Лицо было невероятно скорбно. Перед нами лежала страдающая за нас и молящаяся за нас любовь.»¹⁷¹

Владыку похоронили во Владимире, около могилы матери. Кладбище примыкало к опутанной колючей проволокой ограде Владимирской тюрьмы, в которой ему неоднократно приходилось бывать. Осенью 2000 года, после канонизации, мощи святителя были перенесены в Богородице-Рождественский монастырь, наместником которого он был в 1920 году. В течение долгого времени в помещении этого монастыря располагалось Владимирское ЧК. Крестный ход с мощами шел тем путем, по которому епископа Афанасия водили на допросы.

Улыбка на иконе

Вскоре после того, как году епископ Афанасий был причислен к лику святых, в Петушках был освящен храм во имя святителя Афанасия. Когда автор этих строк впервые приехал туда, его поразило, что справа от царских врат, то есть там, где в православных храмах помещают икону святого, которому этот храм посвящен, находилась фотография епископа Афанасия. На мой вопрос о том, почему в иконостасе помещена фотография, игумен Афанасий (Селичев) – настоятель Свято-Афанасиевского храма – ответил, что на иконах не принято изображать улыбки на лице подвижника, а он не может представить себе владыку без улыбки.

О чувстве юмора епископа Афанасия говорили все, кто его знал. Владыка не терпел фальши, и ирония оказывалась лучшим способом борьбы с ней. Он мог позволить себе в адресованном патриарху Алексию официальном поздравлении написать: «Молю Бога да даст Вам достигнуть старости еще более маститой, и если не достигнуть лет отцев патриарха Иакова, то хотя бы сравняться годами жизни с его любимым сыном Иосифом»¹⁷².

Вспоминающие распорядок в доме, где епископ Афанасий жил последние годы, писали о том, как ранним утром, вставая на молитву, владыка громко провозглашал: «Ленивые, восстаните...», прибавляя, что кое-кто из присутствующих в доме все-таки может еще поспать. И лишь прочитав утренние молитвы, провозглашал: «Теперь и самым ленивым пора подыматься...»

Наверное этот мягкий юмор был не только способом защититься от фальши (которой в церковной жизни всегда хватает), а чем-то более глубоким и существенным. Даже после смерти, являясь в видениях своим духовным детям, он говорил о серьезно все с той же мягкой иронией. «Вскоре после смерти Владыки, – вспоминала Е.В.Апушкина, – я поздно вечером возвращалась домой и очень устала. «Не буду читать вечерних молитв, – подумала я про себя, – сразу лягу спать». Так и сделала. Надо сказать, что и прежде очень часто я ложилась не помолвившись, но делала это по слабости и усталости с твердым намерением встать и помолиться. Так категорически я отказывалась от молитвы в первый раз. Во сне я увидела Владыку. Он стоял передо мной в монашеском одеянии, в клобуке, но лицо его было, как иной раз и при жизни, с сердито сдвинутыми бровями и смеющимися глазами. В руках у него была лента или полоса канвы с желтым фоном, на котором черным были написаны или вышиты какие-то буквы. Он неспешно развернул передо мной свернутую в клубок полосу, и я по складам прочитала: «Лен-тый-ка...» Я сразу даже не поняла, что это относится ко мне. Но сон врезался в память. И, проснувшись, я уразумела, что это укор мне... Замечательно то, что в этом сне владыка был живой, со своим обычным юмором, умеющий деликатно, но чувствительно одернуть зарвавшегося зазнайку. И это было радостно.»¹⁷³

*Послесловие
к третьему изданию*

Первый вариант этой книги был написан для итальянского издательства «Матренин двор» – La Casa di matrigiona (название было навеяно известным рассказом А.И.Солженицина). В 2006 году книга вышла в переводе Джованны Парравичини. Задачей этой книги было знакомство западных читателей с событиями русской церковной истории XX века. Поэтому я пытался как можно более тщательно комментировать реалии, которые иностранец может не понять. О том, что эта книга когда-нибудь выйдет по-русски, я тогда не предполагал.

Получив предложение переиздать эту книгу в России, я сначала предполагал подвергнуть ее основательной переработке, но в конце концов правка была сведена к минимуму, поскольку пространственные дополнения лишь разрушали первоначальный текст. Существенно были расширены лишь разделы, посвященные литургическим трудам святителя (в итальянской версии не было смысла подробно останавливаться над его работой над языком и текстом богослужбных книг, поскольку западной аудитории эта тема явно неинтересна). В третьем издании были внесены лишь небольшие исправления и уточнения.

Примечания

- 1 Молитва всех вас спасет. Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия (Сахарова). М., 2000, с. 353. Далее при ссылках на это издание мы будем пользоваться сокращением «Молитва...»
- 2 Из воспоминаний Е.В.Апушкиной. Молитва... 29–30
- 3 Н.А.Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 129
- 4 Евлогий (Георгиевский) (1868–1946) – митрополит, управляющий русскими приходами в Западной Европе, автор мемуаров.
- 5 Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т.Манухиной. М., 1994, с. 70.
- 6 Глеб Успенский (1843–1902) и Николай Златоврацкий (1845–1911) – писатели, пользующиеся большой популярностью среди демократически настроенной молодежи.
- 7 Путь моей жизни., с. 80
- 8 Подробнее о этом см. С.Голубцов. Московская Духовная Академия в революционную эпоху. М., 1999, с. 4–7.
- 9 В.О.Ключевский (1841–1911) – один из крупнейших историков России, автор классического «Курса русской истории».
- 10 Н.Ф.Каптерев (1847–1917) – историк церкви, специалист по XVII веку. Работы Каптерева, посвященные церковному расколу и возникновению старообрядчества вызвали сильное неудовольствие духовной цензуры.
- 11 С.Голубцов. Московская Духовная Академия в революционную эпоху. М., 1999, с. 68.
- 12 Сергей Сахаров. Настроение верующей души по Троицы Постной. М., 1997, с. 9.
- 13 Сергей Сахаров. Настроение верующей души по Троицы Постной. М., 1997, с. 24
- 14 Ректора Академии епископа Феодора <отзыв> О сочинении студента Сахарова Сергея на тему: «Настроение верующей души по Троицы Постной». – Богословский вестник 1913 т. 1, с. 382–384.
- 15 Ординарного профессора С.И.Соболевского <отзыв> О сочинении студента Сахарова Сергея на тему: «Настроение верующей души по Троицы Постной». – Богословский вестник 1913 т. 1, с. 384–385
- 16 Молитва... с. 33–34
- 17 Молитва... с. 34
- 18 М.Муретов. Из воспоминаний. – Богословский вестник, 1915, № 11–12, с. 721.
- 19 Сергей Сахаров. Настроение верующей души по Троицы Постной. М., 1997, с. 11.
- 20 Сергей Сахаров. Настроение верующей души по Троицы Постной. М., 1997, с. 14–15.
- 21 Н.Д.Кузнецов (1863–1930) – присяжный поверенный, преподаватель Московской духовной академии, член Поместного Собора 1917–1918 годов. Во время Собора и после его закрытия участвовал в переговорах с органами государственной власти о правовом положении Русской церкви. Неоднократно арестовывался. Погиб в заключении.
- 22 Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия. Составители А.А.Плетнева и Гюнтер Шульц. М., 2001, с. 156
- 23 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. Составил М.Е.Губонин. М., 1994, с. 382
- 24 Б.А.Тураев (1867–1920) – египтолог, историк Коптской и Эфиопской церкви, основатель российской школы изучения древних цивилизаций Ближнего Востока, академик Российской академии наук, член Поместного Собора Русской церкви 1917–1918 годов.
- 25 Служба всем святым, в земле русской просиявшим (Празднование 15, 16, 17 июля). Составитель епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). М., 1995
- 26 ГАРФ ф. 353, оп. 2, № 696, л. 23–24
- 27 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Том 6. Пг., 1918 [Репринт: М., 1996], с. 4
- 28 Арсений (Стадницкий) (1862–1936) – митрополит, заместитель председателя Поместного Собора 1917–1918 гг., один из кандидатов на патриарший престол, в советское время неоднократно арестовывался.
- 29 Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия. Составители А.Г.Кравецкий и Гюнтер Шульц. М., 2000, с. 238–240

- 30 В первые годы Советской власти большевики достаточно лояльно относились к тем религиозным организациям, которые испытывали притеснение со стороны царского правительства. Примерно с середины 20-х годов государство обрушивало репрессии без особых различий на все религиозные организации.
- 31 Е.Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2., М., 1903 [Репринт: М., 1998]. С. 297
- 32 С.Н.Булгаков (1871–1944) – философ, совершивший идейную эволюцию от марксизма к идеализму. Участвовал в работе Поместного Собора Русской церкви 1917–1918 гг. В 1918 году был рукоположен в иерея. В 1922 году выслан из России.
- 33 Цитируется по: Страсти по мощам. Из истории гонений на останки святых в советское время. СПб., 1998, с. 15
- 34 С.И.Фудель (1899–1977) – духовный писатель и мемуарист.
- 35 Молитва... с. 85–86
- 36 Инокния Сергия (Ежикова). Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003. С. 50
- 37ГАРФ ф. 130 оп. 2 № 154, л. 9–14
- 38 Владимир Красницкий (1880–1836) – пртоиерей, до революции сотрудничал с крайне правым Союзом русского народа, а затем – с советской властью. Был одним из лидеров обновленческого раскола.
- 39 П.К.Иванов. Епархиальный съезд в Москве для выборов членов Собора 1923 г. – Путь № 1, Париж, 1925, с. 106
- 40 Молитва... с. 169
- 41 Молитва... с.167
- 42 Заявление во Владимирский ОГПУ уполномоченного обновленческого Высшего церковного управления по Владимирской епархии протоиерея М.Тихонравова. – Молитва... с. 166
- 43 Пс. 118.71
- 44 То есть, к последователям «Живой церкви», обновленцам
- 45 Собрание писем святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского, исповедника и песнописца (Далее: Письма...), с. 306
- 46 К сожалению, эта переписка погибла.
- 47 С.И.Фудель Из воспоминаний. – «Молитва всех вас спасет...», с. 87
- 48 Ленинградский протоиерей Н. «Кончина и погребение Святейшего Патриарха Тихона». – Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. Составил М.Е.Губонин. М., 1994, с. 370–371.
- 49 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. Составил М.Е.Губонин. М., 1994, с. 340–344.
- 50 Молитва... с. 193
- 51 Молитва... с. 191
- 52 Молитва... с. 201
- 53 Лев Регельсон. Трагедия Русской Церкви.М., 1996, с. 413.
- 54 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. Составил М.Е.Губонин. М., 1994, с.474
- 55 Речь идет об убийстве русским эмигрантом Борисом Ковердой полпреда СССР в Польше Петра Войкова, причастного к убийству царской семьи.
- 56 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. Составил М.Е.Губонин. М., 1994, с. 510–512
- 57 Здесь Сергию вновь удалось, удовлетворив требования властей, остаться в рамках строгой церковности. В качестве формулы поминовения была использована цитата из 1 Тим. 2, 1–2. Теперь это богослужебная формула стала звучать так: «О богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Характерно, что после падения советской власти никому не приходило в голову поменять эту формулу.
- 58 М. Ардов, прот. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. (Картинки с натуры) М. 1995, с. 35.
- 59 Из протокола допроса епископа Афанасия (Сахарова) от 23 января 1957 года. – Молитва..., с. 212
- 60 “Я боролся с неверием”. Следственное дело по обвинению епископа Афанасия (Сахарова). – Публ. О. Косик. – Богословский сборник. – Вып III. – М.:1999 – С. 254
- 61 Это высказывание Нестерова Борис Ширяев использовал в качестве эпитафии в своих воспоминаниях о Соловецком лагере: Борис Ширяев. Неугасимая лампада. Нью-Йорк, 1954.
- 62 Епископ Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших по уставу Православной Церкви. СПб., 1995, с. 8.
- 63 Там же
- 64 Епископ Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших...с. 231–232.
- 65 Епископ Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших..., с. 232
- 66 Н.В.Трапани. Епископ Афанасий (Сахаров). (Воспоминания). – Молитва... с.61–62
- 67 Н.В.Трапани. Епископ Афанасий (Сахаров). (Воспоминания). – Молитва... с. 63
- 68 Напомним, что предыдущий арест епископа Афанасия был связан с участием в деятельности контрреволюционной группы, возглавляемой митрополитом Сергием.
- 69 Заявление епископа Афанасия (Сахарова) Народному комиссару внутренних дел СССР. – Молитва... с.206
- 70 Молитва... с. 133
- 71 Лк. 20.38
- 72 ср. Пс. 4,5
- 73 Письма... с. 73
- 74 Молитва... с. 271
- 75 Молитва... с. 209
- 76 Молитва... с. 48–49
- 77 Письма... с. 86
- 78 Письма... с. 95
- 79 Письма... с. 98
- 80 Письма... с. 332
- 81 Постановление на арест епископа Афанасия (Сахарова) – Молитва... с. 215.
- 82 Описываемые события происходили в 1943 году, когда патриарха Тихона уже давно не было в живых.
- 83 Молитва... с. 65
- 84 Из протокола допроса епископа Афанасия (Сахарова) от 10 апреля 1944 года. – Молитва... с.234
- 85 Молитва... с. 65–66
- 86 Е.В.Апушкина (1901–1999) – автор первой биографии епископа Афанасия (Сахарова).

- 87 Молитва... с. 57
- 88 Беломоро-Балтийского канала
- 89 Молитва... с. 315
- 90 Именно с этой волной возобновления богослужений в закрытых властями храмах связан рассказ епископа Афанасия о том, что верующие Ишима хлопотали об открытии храма и предложили ему служить в нем.
- 91 «Русская Православная Церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г.Карпова И.В.Сталину. Публикация М.И. Одинцова. 1943–1946 гг. – Исторический архив, 1994 № 3, с.144–145
- 92 «Записка Г.Г.Карпова о приеме И.В.Сталиным иерархов Русской Православной Церкви» опубликована в книге М.И.Одинцов. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999, с. 283–291
- 93 Молитва... с. 415–418
- 94 М.В.Шкаровский. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999, с. 191
- 95 Молитва... с. 352–353
- 96 Молитва... с. 362
- 97 Молитва... с. 366
- 98 Молитва... с. 387
- 99 Молитва... с. 392
- 100 Молитва... с. 392–393
- 101 Позже епископ Афанасий подверг этот текст значительной редакторской правке. Именно в этой исправленной редакции мы и воспроизводим его. Молитва... с. 17–26
- 102 Молитва... с. 403
- 103 Молитва... с. 69
- 104 Подчеркнуто епископом Афанасием
- 105 Имеется в виду Настольная книга для священно-церковнослужителей С.В.Булгакова, в которой содержатся сведения о всех расположенных на территории Российской Империи монастырях. Когда епископ Афанасий писал эти строки, практически все упомянутые Булгаковым монастыри были уничтожены
- 106 Молитва... с. 407–409
- 107 Dmitrii Sidorov. Orthodoxy and Difference. Essays of the Geography of Russian Orthodox Church(es) in the 20th Century. San Jose, California, 2001, p. 271, 288. Само собой разумеется епископ Афанасий не знал этих цифр.
- 108 Имеется в виду Журнал Московской Патриархии
- 109 Молитва... с. 406–407
- 110 Это был Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира, который состоялся во Вроцлаве 26–30 августа 1948 года.
- 111 Молитва... с. 413
- 112 Молитва... с. 442
- 113 Молитва... с. 436
- 114 Молитва... с.432
- 115 Согласно летописному рассказу о крещении Руси, одной из причин того, что князь Владимир выбрал в качестве государственной религии именно православие, была красота православного богослужения.
- 116 Молитва... с. 565
- 117 Более подробное описание языковой соотношения церковнославянского и русского языков в русской культуре XIX – нач. XX века см. А.Г.Кравецкий и А.А.Плетнева. История церковнославянского языка в России (XIX–XX вв.). Отв. Ред. А.М.Молдован. Москва, М., 2001; А.А.Плетнева. Социолингвистика и проблемы истории русского языка XVIII–XIX веков. – Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М., «Языки славянской культуры», 2001. С. 269–279.
- 118 О деятельности этой комиссии см. Прот. Николай Балашов. На пути к литургическому возрождению. М., 2001, с. 194–258; Кравецкия и Плетнева. История... с. 74–124
- 119 Молитва... с. 560–561
- 120 Осмысление как сильных, так и слабых сторон деятельности этой комиссии митр. Сергия и сегодня остается актуальной задачей. Решению этой задачи должна была способствовать реализация проекта Межсоборного присутствия «О научном переиздании Триодей в редакции Комиссии по исправлению богослужебных книг», который в середине 2011 года был вынесен на всеобщее обсуждение. К сожалению, общество увидело в этом проекте не научный проект, а попытку явочным порядком ввести исправленные книги в богослужебное употребление. Из-за крайне негативной реакции на этот документ, его идеи будут реализованы еще очень не скоро.
- 121 Епископ Афанасий. Некоторые замечания по поводу последней третьей редакции составленного преосвященным Мануилом «Чина архиерейского отпевания». 1958. ОР ПСТБУ, фонд еп. Афанасия. оп. 1. 2 (VII) № 96
- 122 Русская дополнительная минея. Сентябрь. дни 1–12. 1960. Л. 3–4. ОР ПСТБУ, фонд епископа Афанасия (Сахарова). Оп. 1. 2 (II), № 35.
- 123 Молитва... с. 407
- 124 Молитва... с. 106
- 125 А.Г.Кравецкий. Календарно-богослужебная комиссия (1957–1958). – Ученые записки Московского Православного Университета. ап. Иоанна Богослова. Вып. 2. М., 1996. С. 182
- 126 Письма... с. 103
- 127 Молитва..., с. 438–439
- 128 Молитва... 583–584
- 129 Молитва... с. 527
- 130 Цит. по Кравецкий и Плетнева. 269
- 131 М.В.Шкаровский. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, с. 398–399
- 132 М.В.Шкаровский. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, с. 399. В 1965 году число монастырей сократилось до 16, а насельников до 1500 человек.
- 133 Мф. 16.18
- 134 Молитва... с. 78.
- 135 Молитва... с. 475
- 136 Богородичен по Великому славословию из «Службы всм святым, в земле Российской просиявшим».
- 137 Так например протоиерей Владимир Лозина-Лозинский, настоятель первого в России храма, посвященного всем русским святым, решил посвятить свою жизнь Церкви после того, как он узнал о расстреле причта храма, куда его далекая от церкви семья ходила лишь по большим праздникам. – См.: Ф. Погодин. Предисловие к публикации «Прот. Владимир Лозина-Лозинский. Из Соловецких тетрадей. – Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 1, М., 1995, с. 188–194

- 138 Молитва... с. 485
- 139 Полный текст Литургических заметок был издан совсем недавно (Свящ. Сергей Желудков. Литургические заметки. М., 2004.
- 140 А.Г.Кравецкий. Календарно-богослужебная комиссия... с. 206
- 141 Эта мода имела и положительные, и отрицательные стороны. С одной стороны, коллекционеры спасли от уничтожения значительное число произведений церковного искусства, которые оставались в закрытых храмах и ожидали гибели. С другой, мода на старину вскоре сделала поиск икон прибыльным (хотя и незаконным) бизнесом. Случалось, что в северную деревню приезжала машина и энергичные молодые люди силой отнимали у старушек иконы, грузили их в машины и уезжали.
- 142 Молитва... с. 545
- 143 Письма... с. 499
- 144 Молитва... с. 485
- 145 Письма... с.568
- 146 Ректор Ставропольской духовной семинарии прот. Михаил Рудницкий
- 147Переписка Д. П. Огицкого с епископом Афанасием (Сахаровым). Подготовка текста А.Г.Кравецкого – Журнал Московской Патриархии 1997, № 7, с. 73–74
- 148 Молитва... с. 74
- 149 Молитва... с. 104
- 150 Молитва... с. 96
- 151 Молитва... с. 214
- 152 Молитва... с. 427
- 153 Молитва... с. 481–482
- 154 Молитва... с. 528
- 155 Об эволюции отношения Советского государства и Московской патриархии ко Второму Ватиканскому собору см.: Второй Ватиканский собор: взгляд из России. М., 1997.
- 156 Наиболее действенным способом добиться разрешения властей на открытие духовных учебных заведений, на издание книг и изготовление церковной утвари было обращение к мнению иностранцев и международному престижу СССР. Еще в 1954 году, пытаясь получить разрешения издать Библию, патриарх Алексий писал председателю Совета по делам РПЦ: «Наша Церковь отдает себе ясный отчет в том, насколько невыгодно для ее авторитета, как и для престижа нашей страны, пользоваться книгами Священного Писания, предлагаемыми нам иностранными, особенно американскими, религиозными организациями. Нет необходимости доказывать, что Русская Православная Церковь должна сама иметь возможность давать своим членам необходимые в религиозной жизни книги и даже снабжать ими другие братские церкви, вместо того, чтобы служить предметом такой же заботы с их стороны». Это обращение подействовало и в 1956 году Московская Патриархия впервые после революции напечатала Библию. (См. А.Г.Кравецкий и А.А.Плетнева. История церковнославянского языка в России (XIX–XX вв.) М., 2001. С. 234) В 1960 году, благодаря началу экуменических контактов удалось начать издание сборника «Богословские труды».
- 157Д.В.Поспеловский. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995, с. 313.
- 158 С.И.Фудель. Из «Воспоминаний». – Молитва... с. 93
- 159 Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия. Составители А.Г.Кравецкий и Гюнтер Шульд. М., 2000, с. 107
- 160 Молитва... с. 23
- 161См. главу «Ужасно, ужасно...»
- 162 Молитва... с. 552
- 163 Письма... с. 515
- 164 В 1911 году по поручению Синода архиеп. Сергей действительно редактировал такой чин, однако из-за противодействия еп. Саратовского Гермодгена (Долганева) этот чин так и не был утвержден к печати и богослужебному употреблению (Е.В.Белякова. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004, с. 528)
- 165 Письма... с. 492
- 166 Молитва... с. 552
- 167 Молитва... с. 489
- 168 В православной церкви нет общепринятой процедуры канонизации святых, поэтому нередко возникают споры о том, был ли тот или иной подвижник канонизирован.
- 169 Молитва... с. 487–488
- 170 Цитируется по: А.Г.Кравецкий и А.А.Плетнева. История церковнославянского языка в России (XIX–XX вв.). Отв. Ред. А.М.Молдован. Москва, М., 2001, с. 255
- 171Молитва... с. 94
- 172 Письма... с. 9.
- 173 Молитва... с. 80

СОДЕРЖАНИЕ

Римские граждане и наши современники.....	5	В Беломорских лагерях.....	57
Детство	7	Передышка	60
Владимирская семинария	10	«Антисоветское церковное подполье».....	62
У преподобного Сергия (1908-1912)	12	Новые времена.....	66
Преподаватель	15	Последний лагерь.....	69
Епархиальная жизнь	17	Дом инвалидов	70
Поместный Собор	19	Мечта о церковной работе	72
Богослужение и жизнь	21	«Этапы и даты моей жизни».....	73
Собор и власть	23	Полусвобода	79
Снова во Владимире	26	«Ужасно, ужасно!...»	80
Хиротония.....	29	Переезд.....	82
Изъятие ценностей.....	30	Исправление богослужебных книг	83
Во главе епархии	32	«Можно ли спокойно петь в стихире ему...».....	86
Обновленчество и государственная политика, направленная на разложение церкви	33	Службы русским святым	89
Реакция на раскол.....	35	Хрущевские гонения	92
Обновленцы во Владимирской епархии.....	35	Общественное мнение.....	95
«Благо мне, что я пострадал...»	38	Мода на старину	97
Зырянская ссылка	39	Привычка и традиция	98
Епископ Запечский.....	40	Человек из прошлого.....	100
Снова во Владимире	42	Свое и чужое	102
Митрополит Сергей.....	46	Не мыслитель, а уставщик	105
Соловки	48	«Молитва всех вас спасет»	107
Туруханская ссылка	50	Улыбка на иконе	108
Не у дел.....	53	Послесловие к третьему изданию.....	110
		Примечания	111

Александр Кравецкий
СВЯТИТЕЛЬ
АФАНАСИЙ КОВРОВСКИЙ
биографический очерк

Автор выражает благодарность
фонду «Христианская Россия» (Италия)
и лично отцу Романо Скальфи
за возможность издать эту книгу.

Отпечатано в типографии «Транзит-икс»
Владимир, ул. Электrozаводская, 2.
Формат 70x100/16
Усл.п.л. 8,5. Заказ № 5428